

ДЖИЛАЛТАН ХАНТЕР

Любовная
история виконте

Таинственная гибель Доминика Брекленда, виконта Стрэтфилда, повергла в шок тихую английскую провинцию. Однако юная леди Хлоя Боскасл, недавно приехавшая в имение из столицы, потрясена сильнее всех: еще бы, ведь именно она обнаружила у себя в шкафу... совершенно живого и здорового Доминика! Но кто пытается убить виконта? Почему он так уверен, что преступник рано или поздно повторит свою попытку? И главное, почему он обратился за помощью именно к ней? Хлоя снова и снова задает себе эти вопросы! Однако никакие сомнения не мешают ей помочь мужчине, который с первого взгляда зажег в ее сердце пламя страсти...

Джиллиан Хантер

Любовная история виконта

*Эту книгу я посвящаю моей свекрови,
Филлис Коттон, с любовью и восхищением.*

Глава 1

Англия 1814 год

Покойный Доминик Брекленд, виконт Стрэтфилд, возвращался к жизни, лежа среди вороха дамского белья, утопая в море элегантных нижних сорочек и белых шелковых чулок. Его мускулистые руки были опутаны шнурами модного корсета на китовом усе, надушенного лавандой, тяжелые бедра — задрапированы парой кокетливых французских дамских панталон из перкаля. Виконту удалось уйти от преследования, найдя убежище в самом неожиданном месте, преследователю и в голову не придет туда заглянуть. Вскарабкавшись из последних сил по крепкому дубу, росшему возле усадебного дома, он заставил свое израненное, окровавленное тело дотянуться до подоконника, а с подоконника свалиться внутрь, прямехонько в раскрытый сундук, полный дамского нижнего белья и прочих предметов туалета.

Он был измучен, но не настолько, чтобы не оценить юмора ситуации. Пусть ненадолго, но он оторвался от своих преследователей. Кровь, сочившаяся из ран, текла и текла на муслиновые нижние юбки неизвестной кокетки. Боль пронзала всю верхнюю часть тела. Виконт скрипнул зубами, высвободил локоть из складок тончайшей батистовой сорочки, украшенной вышитыми шелком незабудками, и, хотя перед глазами у него все плыло, внимательно оглядел этот предмет туалета, насколько позволял лунный свет. Глаза его озорно блеснули.

Что ж, если ему суждено умереть — уже во второй раз за текущий месяц! — он хоть потешит себя перед смертью эротическими фантазиями.

— Ну, — пробормотал он, — что же ты за женщина, а? Отчаянная кокетка или просто модница? Лучше бы кокетка.

К несчастью, этот предмет девичьего туалета не вызвал в воображении эротического образа. Виконт представил себе ее груди, хотя в своем нынешнем состоянии вряд ли способен был по достоинству оценить все прелести неизвестной кокетки.

Боже, что ждет их обоих! У кокетки случится сердечный приступ, когда она обнаружит хладный труп среди своих панталон. И тут вдруг в голове промелькнула мысль: а не принадлежал ли когда-то этот ветхий помещичий дом ему самому? И кто купил его у виконта? Он никак не мог этого припомнить, как ни напрягал память.

Кажется, отставной моряк, капитан? Какой-то сэръ Хикори или Хампти. Сэръ Шалтай-Болтай, одним словом. Вроде были у Шалтая жена и дочка, как же их звали? Нет, он не вспомнит. Ничего удивительного. Истекающему кровью человеку можно простить некоторую забывчивость.

— Шалтай-Болтай свалился во сне. — пробормотал Доминик. — Но кто такая, черт возьми, Шалтаева жена, скажите на милость? — Как же это нелюбезно с его стороны — зарыться в чужом доме в груды дамского белья и к тому же при этом забыть имя хозяйки.

Да, когда труп Доминика обнаружится в сундуке, полном нижних юбок, многие скажут, что это вполне подходящее смертное ложе для негодя, который столько раз натягивал нос большому свету, что прославился на всю Англию. Да что там, его ближайшие друзья вполне могли подхватить идею и похоронить своего развеселого приятеля в саване из дамского бельишка — в знак признания его прошлых грешков.

Была лишь одна загвоздка: Доминик уже был «похоронен», с месяц назад,

оплакиваемый немногими и прокливаемый большинством. И если забыть об упорных слухах, будто его призрак является то здесь, то там и ведет себя самым неприличным образом, увидеть его снова вообще-то не ожидали.

Ни слуги его, ни редкие знакомцы.

Он доверился лишь одному человеку. Тому, кто помог с устройством похорон.

Глубокую тишину тихого летнего вечера, царившую в деревенском поместье, нарушили тяжелые шаги, затем загремело опрокинутое ведро, и сердитый мужской голос закричал откуда-то с лужайки перед парадным крыльцом:

— Эй, там, кто-нибудь откройте чертовы ворота! Карета уже на мосту!

— Чертовы ворота уж час как нараспашку стоят! — крикнул кто-то в ответ, видимо, конюх.

— Итак, скоро я предстану перед обществом, — сказал сам себе Доминик, саркастически усмехаясь, и швырнул сорочку незнакомки через плечо. — Пожалуй, стоит привести себя в порядок, прежде чем предстать перед хозяевами.

Вид у него был кошмарный, ни дать ни взять выходец с того света. Отощавший, с запавшими щеками, весь в крови. Некоторые из швов, которые наложил ему рукодельник-хирург на грудь и левое плечо, разошлись, когда он карабкался по дереву в окно. Виконт сделал глубокий вдох, отчего боль сразу запустила в легкие свои острые когти, здоровой рукой оперся о подоконник, подтянулся и сел, ощутив такую боль, что искры из глаз посыпались.

Немного отдышавшись, виконт огляделся, и его серые глаза округлились.

— Какая неожиданная удача! — воскликнул он и сцепил зубы, преодолевая новый приступ боли. — Мне досталась комната с замечательным видом из окна.

За изгибом залитой лунным светом дороги на поросшей лесом возвышенности взору открылось, его собственное поместье. Золотистым теплым светом светились окна спальни, той самой, где он был так зверски заколот «на смерть» три недели назад. Его дядя, полковник сэр Эдгар Уильямс, уже вступил в права владения и вселился в дом. Будь у Доминика сейчас подозрительная труба, он смог бы увидеть, не дядя ли его — смутно видневшаяся тень за занавеской.

Но нет, загадочный силуэт принадлежал женщине. Но та ли это дама, которая делила с ним постель в роковую ночь, когда в него всадили кинжал? Впрочем, теперь это не имело значения. Роман с той дамой остался в прежней жизни, его чувства к ней умерли.

Послышалось цоканье копыт, все ближе, ближе, колеса кареты закрипели по подъездной дорожке, и Доминик отвлекся от своих тяжелых раздумий. Господи, только бы владелица сундука решила, что не стоит заходить сегодня в гардеробную! Потому как если судить по ее нижнему белью, а в области дамского белья Доминик был знаток, изящная обладательница всех этих кружевных тряпок самым неизящным образом завизжит, обнаружив в своей гардеробной призрак.

Леди Хлоя Боскасл, сидевшая в душном углу громыхающей по ухабам кареты, тем не менее сумела разглядеть некий предмет из числа ее собственного белья, гордо, словно знамя, свисающий из окна ее спальни. Она подалась вперед, застыла от изумления и побледнела. Ее багаж прибыл из Лондона только сегодня утром, и они с горничной только что начали распаковывать сундуки. И уж конечно, не стали бы ничего вывешивать за окно на всеобщее обозрение.

Напустив на себя непринужденный вид, леди Хлоя Боскасл задернула занавеску

каретного оконца, надеясь, что остальные пассажиры не успели бросить взгляд на окно ее спальни. Впрочем, мало кого это удивило бы: теперь от «этой Хлои» ожидали любой выходки. Она прибыла сюда из Лондона с постыдным ярлыком «трудной» девицы, и никто не сомневался, что она будет вести себя столь же возмутительно и в деревне. Что ж, она не разочарует своих хулителей.

Предмет нижнего белья, свисающий с подоконника. Боже, кажется, это ее любимая нижняя сорочка! — мог означать лишь одно: этот шалопай, ее братец Девон, тайком приходил к ней в тот самый вечер, когда ее увезли на дурацкий деревенский бал в убогом зальчике с паутиной по углам.

Что, интересно, этот повеса, ее братец, утащил у нее на сей раз? — с тревогой размышляла Хлоя.

Девон уже успел перезаложить почти все ее драгоценности, чтобы расплатиться с долгами. Но не мог же он опуститься до того, чтобы красть сестрино белье.

Но тут предположение позабавнее заставило ее встряхнуться и выпрямиться. Может, Девон решил переодеться в женские тряпки, чтобы вольнее разгуливать по деревенским просторам? Девона сослали в это захолустье, к пожилому дальнему родственнику, живущему в соседней деревне, чтобы он пересидел в этой глуши, пока не уляжется шум, поднявшийся после его последней проделки. Однако Хлоя сознавала, что брат ее, дворянин, аристократ, снискавший славу героя-разбойника, благодаря своей проказе, все же слегка перегнул палку. Будучи истинной дочерью своей семьи, Боскасл отличалась крайне либеральными взглядами, но всякому неприличию есть предел, а у нее росла уверенность в том, что ее брат рвется за эти пределы с гораздо большей дерзостью, чем это обычно делали нормальные безнравственные Боскассы.

Хлоя отвернулась от окна, когда дряхлая карета миновала ржавые железные ворота скромного поместья, грохоча так, что мертвый бы проснулся. Глянув искоса на, слава Богу, совершенно безмятежные лица дяди и тети, которые тоже в ее глазах были дряхлыми-дряхлыми, она окончательно уверилась, что старики не заметили красующийся на окне заблудший предмет туалета своей заблудшей племянницы.

— Говорю тебе, Гвенни, — продолжил дядя Хэмфри, обращаясь к жене, — кот действовал так, как положено коту. Притащил убитую мышку на кресло преподобного вовсе не за тем, чтобы привести тебя в смущение. Он просто хвастался своей добычей, как любой охотник.

Тетя Гвендолин судорожно вздохнула.

— Это было так унижительно — не выразишь словами. И надо ж было такому случиться как раз в тот момент, когда наш преподобный повел рассказ о последних выходках Стрэтфилдского Призрака.

— Ну, Гвенни, опять ты об этом чертовом призраке. И при Хлое!

Хлоя, по правде говоря, слушала вполуха: ее гораздо больше занимала нависшая над ней опасность, чем похождения какого-то мертвеца, в которые она не верила. Она испустила вздох облегчения, когда карета свернула наконец на подъездную дорожку и остановилась. Ни одна душа ей не поверит, что это не она вывесила рубашку за окно на просушку — ее неприличное для девицы поведение было постоянно предметом и нездорового интереса, и искренней тревоги в этой тихой заводи, в этом Богом забытом захолустном приходе. Хлою не то что избегали, хуже — весь приход с легкой руки ее деревенских родственников взялся наставлять на путь истинный столичную барышню. Местные фанатики высокоморального

образа жизни обложили ее со всех сторон, как волчицу, — люди, желавшие ей только добра и осведомленные о ее грешном прошлом.

Дело в том, что Хлою застали, когда она целовалась в парке за каретой с одним бароном; ее брат, маркиз Седжкрофт, настоял на изгнании преступницы из столицы в поместье ее дяди, сэра Хэмфри Дьюхерста. Худшего наказания для светской барышни не придумаешь. Хлоя решила, что этот год для нее пропал, но тут, к великому своему счастью, как раз сегодня на балу повстречалась с самым очаровательным молодым человеком в Чизлбери. Ей до сих пор казалось, что она ощущает ладонь этого молодого человека на своей талии — говоря по правде, ладонь эта задержалась на ее талии, что шло вразрез с приличиями, однако не настолько долго, чтобы наблюдавшие сцену гости расценили это как аванс. Похоже, не все потеряно. И жизнь в изгнании сулит кое-какие маленькие развлечения. Деревенские свахи с воодушевлением наблюдали за тем, как она и лорд Сент-Джон во время танца флиртовали.

Хлоя буквально выскочила из кареты и, не обращая внимания на неодобрительное восклицание тетки, пулей помчалась к дому. На бегу скинула бальные туфельки на высоких каблуках прямо на замшелых ступенях древнего парадного крыльца. В сущности, никакое это было не поместье — так, много возомнившая о себе ферма: всего-то каменный дом да пруд с крикливыми утками прямо у нее под окном. Как же она соскучилась по зловонным улицам столицы, по ее суете и опасностям, сплетням и ежедневному коловращению светских занятий. Ей не хватало ее подруг — хотя подруги наверняка уже успели позабыть о ней, занятые весельем, балами и блестящими светскими романами.

— Хлоя! — Ее крошечная тетка кинулась вдогонку за ней с видом Аттилы, предводителя гуннов, задевая кринолином косяки. — Когда мы уезжали, я заметила, что окно твоей спальни осталось открытым! — Тетка прижала руку к груди, переводя дух.

Хлоя обернулась, и тут взгляд ее упал на кудрявую рыжеволосую девушку, появившуюся в передней. Это была ее кузина Памела, которой пришлось пропустить бал из-за растянутой лодыжки. Памела стояла за спиной тети Гвендолин и подавала Хлое какие-то совершенно непонятные знаки.

— Открытым осталось окно гардеробной, а не спальни, и...

— Это я его открыла, чтобы проветрить гардеробную, — перебила ее Памела, сделав знак Хлое помалкивать. — Уж очень сильно пахло пудрой и духами.

Тетя Гвендолин как раз выпутывалась из накидки, отороченной лисой, и так была занята этим нелегким делом, что не замечала пантомимы, разыгрывающейся за ее спиной.

— Ну так закрой окно, прежде чем ложиться спать. На балу сегодня только и было разговоров, что о последних проделках Стрэтфилдского Призрака.

Глаза у Памелы округлились, и она забыла о том, что мгновение назад тщилась передать своей кузине какое-то сообщение.

— О-о! И какую же неприличность наш проказник призрак отколол на сей раз?

Тетя Гвендолин выдержала эффектную паузу, прижимая ладонь к ониксовым пуговицам у горла. Во всем приходе не было женщины, которая не следила бы с живейшим интересом за историей жизни и смерти столь же интересного, сколь и безнравственного виконта Стрэтфилда.

Начиная с его военных подвигов и кончая ужасной смертью, которая настигла виконта в его собственной постели около месяца назад, почти все, что совершил виконт, щекотало нервы деревенских жителей. Убийца так и не был пойман, и в местной пивной до сих пор

бились об заклад, что это был не иначе как разгневанный муж, вздумавший отомстить.

Само собой разумеется, рядом с виконтом была женщина, когда его настигла смерть. Строго говоря, женщина — обнаженная — была не столько рядом с ним, сколько под ним, когда убийца заколол его кинжалом. Именно в ее интерпретации жители деревни услышали повесть об убийце в маске, который тайно проник в дом. Деревня была потрясена этой новостью.

Тетя Гвендолин, понизив голос — как раз когда в переднюю вошел ее муж, — трагическим шепотом сообщила:

— Чертов красавчик соблазнил мисс Берил Уотербридж, когда она, стоя на коленях, молилась на ночь. Это произошло вчера.

Дядя Хэмфри вошел в переднюю, остановился; его карие глаза весело сверкнули.

— Ничего подобного я не совершал, — произнес он, поглядывая на Хлою. — Весь вчерашний вечер я провел здесь, в этом доме, за картами вместе с моей дорогой племянницей. Разве не так, Хлоя? Ты готова подтвердить мое алиби?

Хлоя скинула с плеч легкую накидку из розовой шерсти, рассеянно думая о том, доведется ли ей еще свидеться с интересным молодым человеком, Джастином Линтоном, лордом Сент-Джоном. При расставании молодой человек поклялся, что не сможет жить без нее. Хлоя рассмеялась в ответ на это романтическое заявление.

— Я могу поручиться за вас, дядя Хэмфри, — отозвалась она серьезным тоном. — Торжественно клянусь, что в моем присутствии дядя вчера никого не соблазнил.

Она взглянула на свое отражение в зеркале и постаралась вообразить, какой она предстала в глазах Джастина сегодня вечером. Верно, что он протанцевал с ней два танца, однако она не могла не заметить, что молодой человек время от времени поглядывал на другую девушку, у которой волосы были посветлее, чем у Хлои, голосок понежнее, а манеры поблагонравнее.

Хлоя нахмурилась. Может, в этом корень зла? В том, что она не способна быть... благонравной, как другие барышни? Увы, неблагонравие было наследственной чертой в их семействе, и Хлоя не собиралась от него отказываться. Она просто может прикинуться благонравной, чтобы казаться попривлекательнее — сестра Эмма много, раз советовала ей поступить именно так. Но вообще-то Хлоя хотела, чтобы ее полюбили такой, какая она есть.

— И на ее крики прибежал отец и сломал палец на ноге во время тщетной попытки спасти дочь. Бедняжка! — завершила рассказ тетя Гвендолин и сделала наконец паузу, чтобы набрать воздуха. — Прежде чем решиться рассказать, что именно делал с ней призрак, Берил семь раз падала в обморок.

Хлоя, заинтересовавшись, отвернулась от зеркала.

— Тетя, почему вы так уверены, что все это просто не привиделось ей во сне? И что, ее отец собственными глазами видел призрака?

Тетя Гвендолин бросила на племянницу взгляд, исполненный ласкового презрения:

— Хлоя, ее губы еще горели после потусторонних поцелуев. А что до того, видел ли призрак отец — конечно, не видел. Да и вряд ли обратил бы на него внимание — слишком болел у него сломанный палец.

— Ну так что же все-таки призрак сделал с ней?

— Благовоспитанная леди не может об этом рассказать, Хлоя.

Хлоя улыбнулась и вручила свои надушенные перчатки горничной.

— Вот в чем основная беда деревенского быта. В вашей жизни совсем нет событий,

исполненных подлинного драматизма, поэтому вы и выдумываете всяких призраков, которые соблазняют женщин во сне. Будь хоть одна из вас похрабрее, закрутила бы настоящий роман...

— Довольно, Хлоя, — прервала ее тетка, залившись румянцем. — Не забывай, что именно за твою храбрость твои братья и сослали тебя сюда.

— Умирать со скуки, — договорила Хлоя добродушно и со вздохом добавила: — Мои умственные способности уже почти полностью атрофировались ввиду отсутствия всяких внешних стимулов. Да, похоже, ссылка оказывает на меня должное действие. Только вчера я поймала себя на том, что разговариваю с утками в пруду. Остается надеяться лишь на то, что в одно прекрасное утро мой хладный труп обнаружат в постели, обесчещенный Стрэтфилдским Призраком, разумеется, если повезет.

У ее тетки при этом заявлении вырвался такой скорбный стон, что дядя Хэмфри потрепал жену по руке и с притворным неодобрением посмотрел на Хлою. Истина заключалась в том, что дядя, как он сам признался Хлое, был просто в восторге от взглядов племянницы, высказываемых ею с такой откровенностью. Дядя утверждал, что общество Хлои подействовало на его дочь чудотворным образом, Памела стала выбираться из своей отшельнической раковины. И еще дядя ценил — или по крайней мере говорил, что ценит, — элемент непредсказуемости, внесенный Хлоей в их быт. Кроме того, Хлоя, добрая девочка, смеялась дядиным шуткам. Так что дядя был ее самым верным союзником.

— Думаю, тебе пора ложиться, Хлоя, — заметила тетя Гвендолин. Голос ее дрожал. — Делия принесет тебе в постель чашку шоколада, если хочешь.

— Полагаю, получить вместо шоколада рюмку хересу мне нельзя?

Хлоя направилась к лестнице с видом героини греческой трагедии.

Памела торопливо последовала за ней, возбужденно шепча на ходу:

— Умираю от желания еще разочек заглянуть в два твоих сундука, что прибыли сегодня. Никогда в жизни не видела такого количества шелков и кружев!

— А... — Хлоя приостановилась, бросила взгляд вверх. — Маловероятно, что все это понадобится мне в Чизлбери, но я рада, что мое бельишко немного развлечет тебя. Мои панталоны да ваш Призрак внесут разнообразие в жизнь вашей деревни!

Девушки продолжили подниматься по старым скрипучим ступенькам в дружелюбном молчании, которое нарушила Памела:

— Думаю, многие женщины сейчас мечтают о Призраке. Мечтают, чтобы он явился к ним ночью и одарил потусторонними ласками.

— Потусторонними ласками? — Хлоя расхохоталась и, свернув в узкий коридор, направилась к своей комнате. — Боже, что за дикая мысль!

Что до Хлои, то она не верила в призраков. По крайней мере до прошлой недели, когда глубокой ночью увидела из окна своей спальни одинокую мужскую фигуру, стоящую неподалеку от пустующего дома Стрэтфилдов.

Был ли это неуспокоившийся дух убитого Стрэтфилда или его вполне плотский родственник мужского пола, который унаследовал поместье? Как ни странно, видение это заставило ее не столько испугаться, сколько опечалиться. Что-то очень меланхоличное было во всем облике этого призрака — если на самом деле это был он. Со дня смерти виконта прошло дней десять. При его жизни Хлоя столкнулась с ним один-единственный раз, и эта встреча, выбившая ее из колеи, произошла в первые же дни после ее прибытия в Суссекс.

Она попала под страшный ливень, возвращаясь из деревенской аптеки, куда ходила по

поручению тёти. Лакей, сопровождавший ее, бросился бегом домой за зонтиком для барышни.

И тут появился Стрэтфилд, выскочил черт знает откуда на своем жеребце и поскакал к ней через поле прямо как сэр Галахад, ринувшийся на битву. Хотя Хлоя и выросла в семье, где все мужчины были страстными наездниками и охотниками, да и сама неплохо держалась в седле, тем не менее она так поразила появлению мужественного всадника, что невольно отступила на шаг, провалившись по щиколотки в грязную лужу. К несчастью, сама она, по видимому, произвела на всадника совершенно иное впечатление.

Прежде чем Хлоя успела хотя бы отряхнуть свой плащ, всадник подлетел к ней, заставил лошадь обойти барышню, не сводя с нее недоброго взгляда. Хлоя молчала, придя в замешательство, что было ей несвойственно. А всадник и бровью не повел.

Дождь расходился, шумел все сильнее. Всадник, почти невидимый сквозь завесу дождя, казался неземным существом.

Изогнув губы в насмешливой улыбке, он принялся разглядывать ее промокший наряд. Красавцем его не назовешь, но в привлекательности не откажешь. Подбородок с ямочкой, черные брови вразлет.

— Ну что, залезай. — Всадник протянул руку в кожаной перчатке — он не просил, приказывал.

Не грубо, но не так, как положено рыцарям в сверкающих доспехах. Хлое даже показалось, что ее появление отвлекло его от какого-то важного дела, к великому его неудовольствию.

Она с отвращением посмотрела на свои грязные сапожки и с тоской вспомнила блестящие лондонские рауты и званые вечера.

— Давай живей, — поторопил всадник.

— Но я не знаю...

— Залезай, барышня, пока мы оба не промокли до нитки. Это деревня, а не королевский двор.

Хлоя решила было взъерепениться, но тут увидела, что глаза всадника смеются, и его командирские замашки перестали казаться ей обидными. Как-никак она выросла в обществе пяти довольно-таки буйных братцев. Лягушки, плевки, розыгрыши. Все это избавило Хлою и ее сестру Эмму от чрезмерной обидчивости в совсем еще юном возрасте.

И все же следовало соблюдать хотя бы видимость приличий даже дочери маркиза, которая и так уже впала в немилость у света. Так что этому местному сэру Галахаду не грех было напомнить о хороших манерах.

— Представьте по крайней мере, сэр, — сказала она.

Струи дождя охладили ее горевшие щеки. Он оперся о луку седла, на губах появилась улыбка.

— Я хозяин земель, которые грозят поглотить вас. Вы вторглись в мои владения. Да еще в грозу. В прехорошеньком шелковом платье. Ну а теперь, когда с этим покончено, залезете вы наконец в седло или нет?

— Ну как я могу отказаться? — негромко ответила она.

И все же медлила, вглядываясь в лицо всадника сквозь завесу дождя. Самоуверенный; коротко стриженные черные волосы намокли, взгляд серо-стальных глаз устремлен на нее с отстраненной насмешливостью. Хлоя посмотрела на каменную ограду, отделяющую поле от дороги. Лакея нигде не было видно.

— Да или нет?

— Да, но дайте мне возможность соскрести грязь с сапожек.

Но грязь явно не беспокоила его: одной рукой он подхватил Хлою и усадил позади себя на круп отлично выезженного жеребца. Хлоя ощутила запах мокрой шерсти, исходящий от тяжелой шинели сэра Галахада, к которому примешивался легкий аромат его одеколona. Она все еще чувствовала его руку под своей грудью. Девушка также заметила, как его тело сначала напряглось и замерло, затем привалилось к ней с такой надменной непосредственностью, что сердце у нее бешено заколотилось, и она с трудом сдержалась, чтобы не прижаться к этому крепкому мускулистому телу.

Хлоя, вся дрожа, уставилась в затылок сэру Галахаду. Неужели она снова совершила ошибку? Ведь и в эту тихую деревенскую заводь она была сослана из-за своего поведения. Впрочем, Галахад был их соседом. И аристократом, если она верно запомнила слова тети, мельком упоминавшей его.

Или то было предупреждение? Хлое доводилось слышать об этом человеке еще до того, как она явилась изгнанницей в Суссекс. Младший брат Доминика, Сэмюел, погиб одновременно с братом самой Хлои. Оба юноши служили в Ост-Индской компании, куда поступили, увлеченные жадой приключений и надеждой на денежные призы, которые щедро обещали вербовщики.

Но вместо призов молодые люди нашли свою гибель во время разведочного похода по Непалу, где случилось восстание гуркхов. Хлоя хорошо помнила, что ее старшие братья говорили о виконте Стрэтфидде с восхищением, которое редко выказывали по отношению к представителям своего класса. Кажется, с помощью виконта удалось организовать поминальную службу по молодым людям.

Как бы то ни было, Хлое и в голову не приходило, что вызволивший ее из лужи рыцарь способен на какой-нибудь дикий поступок — например, изнасиловать ее, не сходя с коня, или похитить и сделать своей рабыней.

Пока он не пустил коня в галоп, направив его в противоположную сторону от знакомой ей тропы.

— Эй! — воскликнула она возмущенно, но тут у нее дух захватило.

Лес мчался мимо нее размытыми бурo-серыми мазками. Конь взрывал копытами землю, комья летели в дождь. По мокрому лугу, затем в мокрый тоннель из зарослей жимолости, чьи ветки хлестали их на скаку. Хлоя не понимала, где они, но это совершенно не походило на ту дорогу, по которой она шла в деревню.

Девушка крепко обхватила руками своего рыцаря Галахада за талию, крикнула во весь голос:

— Прошу прощения! Но вы не туда едете!

Она чувствовала, как напряглись мышцы его торса. Показалось ей, или ему действительно приятно, что она к нему прижалась?

Тут он фыркнул, вернее, издал какой-то горловой звук, означавший, что вопрос закрыт: мол, не хватало еще, чтобы всякие кисейные барышни указывали ему дорогу. У Хлои тут же разыгралось воображение: мрачный незнакомец похищает ее. Тащит в подземелье своего укрытого в лесных дебрях замка, где будет держать в плену ради удовлетворения своих низменных желаний.

Наверное, он будет держать ее, обнаженную, на постели и, доведя до полуобморочного состояния своими грубыми ласками, с извращенной заботливостью прикрывать одеялом из

рысьих шкур. А потом станет приводить в чувства, осыпая дождем из жемчугов, предлагая сласти и крепкий бренди. Впрочем, принимая во внимание то, как этот дьявол гонит коня по бездорожью, скорее всего оба просто свалятся и убьются насмерть, так что до грубых ласк и низменных желаний дело вообще не дойдет.

Стоило Хлое подумать о последнем варианте развития событий, как они влетели в заросли орешника и через мгновение очутились в чистом поле. Девушка взгляделась сквозь завесу дождя, и сердце у нее едва не выпрыгнуло из груди. Ну не чудо ли!

— Мой дом, — выдохнула Хлоя с изумлением.

— Подумать только! — протянул он, смерив ее красноречивым взглядом — мол, не настолько он занят собственными мыслями, чтобы не заметить, как она прижимается к нему.

Коричневый с белым наполовину деревянный деревенский дом, известный под претенциозным названием Дьюхерст-Мэнор, безропотно стоял под проливным дождем. Хлое даже показалось, что она видит в окне тетку, которая вглядывается в дождь сквозь тюлевую занавеску, недоумевая, что могло случиться с непоседой племянницей. Тетка наверняка отругает ее за то, что она позволила незнакомому мужчине подвезти ее, вместо того чтобы месить грязь. Теперь бедняге лакею не миновать выволочки.

— Могли бы объяснить, что повезли меня в объезд, — буркнула Хлоя.

Незнакомец даже не обернулся, однако Хлоя догадалась, что он насмешливо улыбается.

— К чему объяснять очевидное? — бросил он.

— Конечно, ни к чему, — пробормотала она.

Ну да, объяснения предполагают вежливый разговор. До чего же раздражительный тип! Ей стало стыдно, что в дороге она размечталась о похищениях. У него и замка-то никакого нет. В Чизлбери по крайней мере. Может, он вообще живет в пещере. И не рыцарь он вовсе, а настоящий дракон. Наверняка не проводит ее до крыльца. Впрочем, может, это и к лучшему, а то тетя, увидев ее с Галахадом на буксире, грохнется в обморок.

— Что ж, — заговорила она, стараясь скрыть раздражение за напускной любезностью, — очень благородно с вашей стороны, что вы отвлеклись от своих... — Хлоя запнулась. От чего он отвлекся? — От своих обязанностей, чтобы спасти меня, — договорила наконец Хлоя.

Незнакомец молча спешил и помог ей сойти с лошади, подняв ее словно пушинку. Она вновь ощутила прикосновение его тела, и ее бросило в жар, хотя она вымокла до нитки и озябла. Он был так мощно сложен, так широкоплеч, однако обращался с ней с такой нежностью. А ведь она чувствовала, что ему не терпелось уехать.

Ясно было, что хотя мыслями он сейчас за сто миль отсюда, а все-таки он был настоящий мужчина и не забывал о том, что она слабый пол. Но тут он одарил ее таким пренебрежительным взглядом!

— Впредь не советую забредать в мои владения.

— Я же не нарочно! — возмущившись, вскричала Хлоя. — Я только что приехала из Лондона...

— Знаю.

— Знаете? Откуда? — изумилась Хлоя.

Он медленно обернулся и окинул ее взглядом. Да, подумала Хлоя, она ему понравилась. В этом нет ни малейшего сомнения. Впервые Хлоя почувствовала себя столь соблазнительной и желанной от пылкого мужского взгляда. Но когда их взгляды

встретились, Хлоя заметила в его глазах насмешливое выражение.

— Знаю, — ответил он. — Точнее, наслышан.

— А вы что, расспрашивали обо мне? Интересовались мной? С чего бы вдруг?

Он медлил с ответом.

— С чего бы вдруг? — снова спросила Хлоя.

Незнакомец привлек ее к себе и поцеловал. Хлоя словно опьянела от этого сладостного поцелуя. Ее проняла дрожь. Девушка высвободилась из его объятий, чтобы плотнеть воздуха, но в следующее мгновение их губы снова слились в поцелуе.

— С чего? — шепнул он, оторвавшись наконец от ее губ.

Его руки скользнули по ее спине вниз, к ягодицам. Никогда еще Хлоя не теряла самообладания, флиртуя с молодыми людьми, всегда оставалась хозяйкой положения.

Его руки знали свое дело и даже сквозь одежду возбуждали, задерживаясь именно там, где надо. Капля дождя упала ей на щеку, покатила по шее. Он слизнул дождинку, изогнув язык.

— Не следовало тебе выходить одной, — проговорил он хриплым шепотом и снова поцеловал влажно, жарко, все крепче прижимая к себе.

От его хриплого, чувственного шепота колени у Хлои подогнулись, кровь стучала в висках.

— Это почему? — шепнула она в ответ, чуть отстранив его, как бы шутливо, чтобы не догадался, чего ей это стоило.

Он отодвинулся, улыбнулся.

— Это очень маленькая деревня, — сказал он прежним равнодушным тоном: он опять был где-то далеко.

Может, ей все примерещилось и искра страсти не пробежала между ними? Не успела Хлоя опомниться, как незнакомец вскочил в седло и повернул коня.

— Здесь тоже хорошеньких девиц, любительниц соваться куда не надо, подстерегают опасности. Впредь держись подальше от моих владений.

Куда это она сунулась? И что за опасности могут ее подстерегать? Хлоя, дочь покойного маркиза, сестра маркиза нынешнего, была так потрясена столь бесцеремонным прощанием, что лишилась дара речи. Она стояла под дождем, глядя вслед всаднику, мчавшемуся прочь от нее галопом с такой яростью, словно сам был частью бушевавшей грозы.

Откуда он узнал о ней? И что она должна предпринять, получив столь мелодраматическое предостережение? Какая опасность грозила светской барышне в этой глухой деревеньке? Священник, любивший посплетничать, да назойливая тетка — вот и все опасности. Напрасно он думает, что со светской барышней можно обращаться столь бесцеремонно.

Одно несомненно: никогда еще ей не доводилось встречать столь беспардонных грубиянов, как Доминик Брекленд. И таких красивых, как он. Впрочем, этому типу наверняка наплевать на то, что она о нем подумала. А также на то, что она может пожаловаться на него своим братьям, тем более что братья скорее всего примут его сторону, полагая, что во всем виновата Хлоя.

Хлоя еще некоторое время мокла под дождем, пока всадник не скрылся из виду. Она совсем не чувствовала холода. Напротив, ее бросало в жар, раздражение достигло предела. И вдруг Хлоя подумала: а ведь она и не подозревала, что на свете существуют такие мужчины, как лорд Стрэтфилд. Лучше бы ей и дальше оставаться в неведении.

Она была так разобижена и выбита из колеи, что решила как можно скорее выбросить из головы своего надменного спасителя. Не прошло и нескольких минут, как то же самое ей посоветовала ее тетка:

— Хлоя Боскасл! Я глазам своим не поверила, увидев, что ты сидишь на крупе коня лорда Стрэтфилда, обхватив его за талию!

Хлоя метнулась к окну и стала вглядываться в дождь.

— Я случайно зашла в его владения. Он отвез меня домой.

— Что за чудеса! Говорят, этот повеса соблазняет всех встречных женщин.

— А вас он тоже соблазнил, тетя Гвендолин?

— Не дерзи. Стрэтфилд нам сосед, к тому же он аристократ, и я оказываю ему должное уважение. Но не могу одобрить того, что он содержит любовницу прямо у себя в поместье.

— А вы знакомы с этой любовницей? — с интересом спросила Хлоя, отворачиваясь от окна — увы, всадник не вернулся.

— Разумеется, нет. Что за вопрос, Хлоя! — Тетя Гвендолин, явно скандализованная, принялась поправлять шторы на окне. — Вот преподобный Гримсби ее видел. В окне виконта!

Хлоя прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Может, у виконта гостила его сестра или тетка.

— Не думаю, чтобы он обращался со своей родственницей так, как, по словам преподобного, обращался с этой особой, — покраснев, произнесла тетя.

— Он что, оргии у себя перед окнами устраивает? — не удержалась Хлоя, любившая подразнить тетку.

— Не имею ни малейшего представления, — с достоинством ответила тетка и фыркнула. — И ничего не желаю об этом знать, а тебе этим интересоваться и вовсе не следует. Одно могу сказать: Стрэтфилд-Холл далеко не безупречен. С этим человеком что-нибудь да случится. Попомни мое слово.

Хлоя расхохоталась. А три недели спустя виконта зарезали в его собственной постели.

Новость эта потрясла деревушку Чизлбери. Хлоя не смогла пойти на похороны, поскольку простудилась и слегла. Свежий деревенский воздух пошел ей явно не на пользу. К тому же Доминик превратился для нее в призрака задолго до своей смерти и посещал ее днем и ночью. Однажды ей приснился тот поцелуй под дождем. Утром она поклялась себе при следующей встрече отшить нахала. Но в памяти снова всплыл тот поцелуй. И она твердо решила с помощью братьев разыскать убийц виконта.

После похорон Хлоя проплакала два дня по своему красивому грубияну избавителю. Ее старшие братья — Грейсон, Хит и Дрейк — приехали отдать последний долг усопшему. Но похоже, никто даже понятия не имел, кто же мог убить Стрэтфилда. Дядя покойного, сэр Эдгар, немедленно примчался из Уэльса, с тем чтобы расследовать все обстоятельства убийства и заняться практическими делами.

Но преподобный позволил себе обмолвиться однажды, что покойный Стрэтфилд в годы войны подвизался на ниве шпионажа и нажил себе немало врагов. Вот один из них и мог его убить. Не говоря уже о том, что привычка покойного виконта заводить романы с молодыми замужними женщинами снискала ему мало друзей. Одним словом, покойный виконт прожил свою жизнь, заботясь лишь о собственных удовольствиях, не слишком утруждая себя заботами о том, чтобы доставить удовольствие другим. Так что нечего удивляться, что мало кто его оплакивал.

Итак, виконт умер, и Хлое не осталось ничего иного, как забыть о нем. Да и останься он в живых, все равно было бы неблагоприятно принимать его ухаживания.

Кто знает? Может, его не просто так убили, может, он заслужил смерть? Этот красивый грубиян мог погубить ее. И все же Хлоя надеялась, что убийцу найдут. Голос Памелы прервал ее размышления.

— Он явился сразу же, как только вы уехали!

— Кто явился? — отозвалась Хлоя.

— Твой брат, само собой.

Хлоя подумала, что кухня говорит о Стрэтфилдском Призраке! Впрочем, не то у нее положение, чтобы позволить себе такую роскошь, как размышления о деяниях мертвых. Это живые отравляли ей существование. И среди них первый — ее брат Девон, который находился в розыске из-за дурацкой проделки, учиненной им в прошлом месяце.

Возвращаясь однажды вечером из игорного дома в Челси, Девон и парочка его самоуверенных дружков остановили карету, в которой, как они полагали, находилась молодая куртизанка, весь этот вечер с большой благосклонностью принимавшая знаки их внимания и с большим успехом опустошавшая их карманы.

Однако это оказалась карета одного пожилого банкира. Началась стрельба, один из лакеев был ранен, Девону пришлось залечь на дно, пока его старший брат маркиз делал все возможное, чтобы расхлебать кашу, которую заварил его легкомысленный братец.

Хлоя расстегнула голубое муслиновое платье и опустилась на кровать. Взгляд ее упал на битком набитый кожаный сундук, один из двух, что прибыли сегодня днем — второй уже отволокли в гардеробную, — и невольно содрогнулась. Сестрица Эмма прислала ей наряды на все случаи жизни, не подозревая, что в деревне они не потребуются.

— Полагаю, Девону опять понадобились деньги, — сказала Хлоя, окинув взглядом

комнату.

Что это, игра воображения? После всех этих разговоров о призраках? Почему ей так тревожно? Или все это из-за гнетущей мысли, что их семья разваливается потихоньку? Если не считать Грейсона, который жил счастливо со своей умницей женой, все отпрыски Боскаслов так и остались неприкаянными. Может, стоит повнимательнее присмотреться к своему новому воздыхателю, лорду Сент-Джону? Он недурен собой, у него красивые карие глаза и задорная улыбка. Ну почему он ей не нравится?!

— Твой братец снова влез в окно, как раз когда я разбирала вещи, — негромко произнесла Памела. — Этот красивый чертяка понятия не имеет о приличиях.

— Приличиях? — переспросила Хлоя и ахнула: — Боже мой, я совершенно забыла о сорочке, которую Девон вывесил за окном!

Памела уставилась на нее в недоумении:

— Какой еще сорочке? Девон пришел с сорочкой? Я не заметила.

— Сорочка висит за окном гардеробной! Я увидела ее еще из окна кареты! Впрочем, теперь уже все равно, — сказала она и добавила: — У моего брата своеобразное чувство юмора. Напомни мне убрать эту сорочку, прежде чем лягу спать. Надо будет также затолкать сундук в гардеробную.

— Ты даже не посмотришь, что тебе прислали? — разочарованно спросила Памела.

— Не сегодня... — Хлоя медленно поднялась с постели, и взгляд ее уперся в дверь гардеробной.

Расстегнутое платье сползло с плеч, и ее вдруг пробрала дрожь. Неужели снова простуда?

— Что это за звук?

Памела оглянулась через плечо.

— Какой звук?

— Похожий на стон, — отозвалась Хлоя.

— Ах это! Должно быть, калитка у ворот — она старая, скрипучая. С тех пор как убили лорда Стрэтфидда, мама стала запирает ее на ночь, не знаю, это она от убийц лорда запирается или от его призрака. Впрочем, зачем призраку через калитку входить, скажи на милость? Ах, ты посмотри, какая прелесть!

Памела опустила на колени и принялась перебирать надушенные веера и шали с бахромой, грудой наваленные в сундуке. Глаза у нее так и засверкали, когда в руках ее оказался французский корсет на китовом усе, крытый шелком цвета слоновой кости и сконструированный таким образом, что, стягивая талию, он в тоже время увеличивал объем груди.

Хлоя не сдержала смех, взглянув на кузину: Памела была и шокирована, и восхищена.

— Этот корсет прибыл из Парижа.

— Что ж удивляться, что у них там революция!

— Хочешь, примерь его. Мне-то он вряд ли пригодится в ближайшем будущем.

— Мне примерить? — Памела встала, посмотрела на себя в зеркало, приложила корсет к скромным вышуклостям, которые обрисовывались под ситцевым платьем.

Хлоя сняла платье и растянулась на постели. На ней остались только сорочка, чулки и корсет.

— Будь я одета так сегодня вечером, лорд Сент-Джон не колеблясь сделал бы мне предложение.

Странно, но мысль об этом не доставила ей особой радости.

— Скорее, он изнасиловал бы тебя не колеблясь, — заметила Памела. — Вообще-то тебе следовало чувствовать себя польщенной. Джастин считает, что ухаживать за барышнями в Чизлбери ниже его достоинства.

— А почему бы тебе не надеть этот корсет с воскресным платьем, в церковь? — Хлоя приподнялась на локте, мельком отметив, что, должно быть, плохи ее дела, если мысль приобщить провинциальную кухню к упадническим столичным модам показалась ей столь завлекательной. — Памела, спусти его ниже!

— Ниже? Хорошо. Но как же в эту шутку засовывают... э-э... бюст?

— С виду все сложно, но на самом деле такой корсет и в самом деле подчеркивает все достоинства фигуры. — Хлоя села на постели, и ее снова пробрала дрожь.

Ну что за невезение! Неужели она опять сляжет с простудой. Джастин говорил, что в конце недели собираются кататься на лодках большой компанией.

— Когда я сама впервые примерила этот корсет, моя горничная так ловко меня зашнуровала, что бюст оказался наполовину внутри, наполовину снаружи. Я была точь-в-точь как амазонка, которая отчикала себе одну грудь, чтобы ловчее было целиться из лука.

Памела покраснела как маков цвет.

— Не понимаю, о чем это ты, Хлоя Боскасл. Ты, верно, шутишь надо мной?

— Нет, вполне серьезно.

Девушки примолкли и сидели тихонечко до тех пор, пока тетя Гвендолин не позвала Памелу.

— Ну, — сказала Памела, — на сегодня все. — Она бросила корсет на кровать и, хихикая, выплыла из комнаты.

Хлоя поднялась с кровати и вновь окинула взглядом комнату.

Тут тишину снова нарушил звук, походивший на стон. Он донесся из ее гардеробной.

Хлоя была барышня городская. Она даже не пыталась притворяться, что разбирается в устройстве деревенских поместий. Да и не было у нее такого желания. Но одно было ясно даже ей: жалобный стон не имел ничего общего со скрипом ржавой калитки.

Доминик пришел в себя и жалобно застонал. Еще сквозь бред ему слышался женский голос, такой нежный и манящий, напоминавший о тех временах, когда он, виконт Стрэтфилд, еще имел возможность предаваться обычным удовольствиям. Когда еще доверял женщинам. Где же он слышал этот голос прежде? Где он вообще находится? Тут Доминик вспомнил, что он лежит в ворохе дорогого женского белья.

Он с трудом приподнялся, сел. Какое дурацкое положение! Несколько недель назад он почти так же лежал в гробу, изображая покойника. Только сейчас его била лихорадка, видимо, он бредил. Потому что слова, которые он услышал, не могли быть не чем иным, как бредом:

— Когда я сама впервые примерила этот корсет, моя горничная так ловко меня зашнуровала, что бюст оказался наполовину внутри, наполовину снаружи. Я была точь-в-точь как амазонка, которая отчикала себе одну грудь, чтобы ловчее было целиться из лука.

Доминик нахмурился, окутанный словно саваном шелковой нижней юбкой, поднялся на ноги. Мгновение он стоял, пытаясь сориентироваться, дрожа и тупо глядя на дверь. Раны, нанесенные ему убийцей месяц назад, наверняка сведут его в могилу.

Наконец он вспомнил. Ну конечно: его преследовал его собственный егерь в его собственном лесу. Честный ирландец не имел дурных намерений, просто оберегая от

непрощенных гостей владения нового хозяина, пригрозил выстрелить в чужака, не подозревая, что чужак-то и есть его хозяин, которого все считают покойным. Да, глупо было так близко подходить к дому. Тем более что в его планы не входило быть узанным. В свете его считали покойником.

И как только у него хватило сил вскарабкаться вверх по дереву? Он спрятался в этой комнате. Впрочем, не такой уж это был удачный маневр. Не в той он сейчас форме, чтобы вступать в физическую борьбу с кем бы то ни было. Но ничего, придет день, когда силы вернутся к нему, и тогда он отомстит тому, кто злоумышлял против него.

А сейчас ему надо отлежаться, дать ранам затянуться, продумать дальнейшие действия и как-то разобраться с женщиной, чье замечание вывело его из забытья. Голос ее вызывал в памяти какие-то приятные, но ускользающие воспоминания. Аромат дорогого мыла, нежная кожа, женственная фигура и... Странно. Откуда ему знать, каким мылом пахнет от незнакомки, какая у нее кожа и фигура?

Незнакомка разговаривала с какой-то девушкой. Возможно, девушек было много. Что ж, если его явление в качестве призрака не окажет должного эффекта, придется прибегнуть к мерам физического воздействия, хотя и не хотелось бы.

Он коснулся инкрустированной черным деревом рукоятки пистолета, заткнутого за пояс, шагнул к двери и приготовился.

Хлое послышалось подлинное страдание в этом стоне, мольба о помощи, которую она не могла оставить без внимания. Ей живо представился мужчина, страдающий от боли, возможно, от страшных ран. Мужчина, раненный, в полубреду нашедший себе убежище в ее гардеробной. Мысль о том, что ей самой грозит опасность, не пришла ей в голову.

Хлоя накинула халат и не колеблясь бросилась к дверям гардеробной, в глубине души уверенная в том, что стонет проказливый братец Девон.

Глава 3

Дверь распахнулась прежде, чем Доминик коснулся дверной ручки и сквозь застилавший глаза лихорадочный туман разглядел хорошенькое женское личико с утонченными чертами. На нем было написано крайнее изумление, при виде его превратившееся в ужас.

Видимо, незнакомка ожидала появления любовника, скрывавшегося в гардеробной, а отнюдь не Стрэтфилдского Призрака. Вышитые у нее на халате бабочки расплывались у него перед глазами.

Трудно сказать, кто больше был потрясен — незнакомка или он сам.

Кажется, он встречал уже эту женщину. В Доминике заговорил инстинкт самосохранения. Теперь, когда она убедилась, что в гардеробной прячется совсем не тот, кого она ждала, она поведет себя так, как повела бы себя на ее месте любая женщина.

Охваченная паникой, она захочет бежать.

Как только добежит до двери спальни, ведущей в коридор, завизжит на весь дом, призывая на помощь. Задыхаясь и преодолевая боль, Доминик догнал ее, схватил за талию и был потрясен силой ее сопротивления. Она вырывалась всем телом, ударила о его раненое плечо, причинив боль, но он уже месяц не прикасался к женщине, и его охватило желание. Но он тоже взял себя в руки и попытался зажать ей рот.

Однако пальцы его запутались в ее коротких цвета воронова крыла волосах. Женщина была полуодета, и ягодицы как раз вжимались ему в пах. Желание вспыхнуло в нем с новой силой, взяв верх над разумом.

И вдруг его осенило. Это та самая синеглазая барышня, которую он встретил в проливной дождь. Доминик очень хорошо помнил тот день, помнил, как рассердило его появление барышни, нарушившей все его планы. В тот день он обнаружил, что некто пытается его убить. В него стреляли из леса. Из засады. Он надеялся догнать неудачливого убийцу, когда вдруг на его пути явилась эта барышня и ненадолго отвлекла его от тяжелых мыслей, отравлявших ему в последнее время жизнь.

Доминик сразу заподозрил, что его выслеживают уже давно. Может быть, потому, что он как раз готовился обнародовать сведения о том, что Сэмюел Брекленд и Брэндон Боскасл погибли в прошлом году вовсе не потому, что нарвались на засаду повстанцев-гуркхов.

Или же потому, что он собирал улики, которые недвусмысленно указывали на то, что убийство обоих солдат было организовано офицером, их собственным командиром. Интуиция подсказывала Доминику, что он на грани великого открытия. Не обманула интуиция и убийцу Сэмюела и Брэндона.

Интересно, стала бы взбалмошная красивая барышня, Хлоя Боскасл, целоваться с ним под дождем, если бы знала, что жизнь Доминика в опасности? Ни за что. Да и сам он не стал бы втягивать ее в свои дела, несмотря на то что желал ее. Не стал бы подвергать девушку опасности. Что девушка! Его любовница прозрачно намекнула ему, что намерена искать себе нового покровителя.

Все, на что он тогда был способен, — это предложить барышне вытащить ее из грязной лужи и сорвать с ее губ поцелуй.

Ирония судьбы! Доминик с трудом сдержал смех. Он с грубой бесцеремонностью обращался с дочерью маркиза в изгнании. При других обстоятельствах он с удовольствием

пофлиртовал с этой барышней, проводил ее до дома, пустил бы в ход все свое очарование, чтобы выяснить, действительно ли в груди барышни таилось пламя, как это обещал сорванный с ее губ жаркий поцелуй.

Что ж, на этот раз, думал он, волоча сопротивляющуюся девушку к постели, придется провести с этой барышней больше времени, чем он когда-либо проводил с любой женщиной.

Хлоя успела увидеть, как в высоком зеркале в дальнем углу отразились две смутные борющиеся тени, и еще больше испугалась. К счастью, в комнате было темно и она не видела, что с ней делает появившийся из гардеробной мужчина. Уверенная, что в гардеробной прячется брат, Хлоя оказалась не готовой к подобному повороту событий.

Одной рукой незнакомец сдавил ей грудь так, что она едва не задохнулась, второй — зажал ей рот. Однако он старался не причинить ей боли, хотя мог сломать пополам. Мужчине ничего не стоит взять верх над женщиной. Хотелось бы знать, что ему от нее нужно. В голову лезли всякие неприятные мысли.

Неожиданно обнаженной спины коснулся пистолет, заткнутый у мужчины за поясом. Хлоя запаниковала и стала вырываться с удвоенной силой.

— Прекрати, — прорычал он ей в ухо. — Мне больно.

Ему больно? Какая наглость! Возмущенная Хлоя еще раз изо всех сил ударила мужчину затылком в плечо. Это было ошибкой. Он сжал ее так, что она обмякла в его руках. Он опустил ее на постель, склонился над ней — лицо суровое, напряженное. Хлоя закрыла глаза и приготовилась к худшему. Но ничего не произошло, и Хлоя, осмелев, подняла на него глаза.

Их взгляды встретились, и они узнали друг друга.

Так это Стрэтфилдский Призрак, подумала Хлоя, охваченная волнением. Призрак, который наводит ужас на всю деревню. Утеха одиноких леди в округе. Его обжигающий поцелуй до сих пор снится ей по ночам. Покойный виконт, которого барышни и дамы, в том числе и она, потихоньку оплакивали. Ее рыцарь Галахад с сентиментальными серыми глазами. Но как же он изменился!

Его била лихорадка, он тяжело, прерывисто дышал. Надменный повеса выглядел как выходец с того света, до неузнаваемости похудел с того дня, как она впервые встретила с ним. Заросшее щетиной лицо покрывала нездоровая бледность. У Доминика Брекленда вернувшегося с того света, был вид человека, доведенного до отчаяния. Способного на что угодно.

— Ты меня помнишь? — спросил он сердито.

Она кивнула, дрожа как осиновый лист:

— Помню. Вы спасли меня от ливня.

— Я спас тебя. От ливня.

Он умолк, обвел взглядом комнату, и, когда заговорил снова, в тоне его появились ироничные нотки:

— Теперь твоя очередь. Она закусила губу.

— Моя очередь?

— Спасать меня.

— Спа... — Она не успела договорить, как Доминик потерял сознание и рухнул на нее.

Хлоя лежала под ним, оцепенев от ужаса. Что будет с ее и без того подмоченной репутацией, если ее застанут в постели со Стрэтфилдским Призраком?

Довольно долго она лежала, не в силах шелохнуться. Наконец, когда испуг прошел, нервы успокоились и способность мыслить здраво вернулась к ней, Хлоя услышала, что мужчина дышит. Она попыталась вытащить руку из-под его бедра. Он издал звук, похожий на ворчание.

Хлоя почувствовала слабое биение его сердца как раз там, где его грудь примяла одну из ее грудей, и ее кровь быстрее побежала по жилам. Его пальцы все еще цеплялись за ее волосы, ее тело было вжато в перину. Хлоя не могла выбраться из-под него.

— Ну пожалуйста, слезьте с меня, — прошептала она, судорожно сглотнув.

Хлоя легонько толкнула его в плечо, он взвился с придушенным воплем боли. При виде столь бурной реакции на легкий толчок она почувствовала, что в душе ее зарождается жалость, которая пересилила страх. Он не свалился на нее, а упал рядом, на бок, придерживая левую руку.

Хлоя изумленно уставилась на свою руку, перевела взгляд на его мятую полотняную сорочку, а затем на постель, туда, куда он свалился и где расплывалось яркое красное пятно.

— О Боже всемогущий! — воскликнула Хлоя. — Вы ранены. Я позову кого-нибудь на помощь...

Прекрасная идея. Она убежит из спальни, поможет ему и спасется сама. И если все сложится удачно, он успеет выскочить из окна прежде, чем она вернется.

— И думать об этом не смей. — Он схватил ее за рукав халата, привлек к себе, зажал ногами и прорычал: — Не смей никому говорить, что я здесь. Даже о том, что ты меня видела.

В голосе его была неприкрытая угроза, и Хлое стало не по себе от того, что его жаркое дыхание обжигает ей шею, а жесткое, неподатливое тело вновь держит ее в плену. Неужели это тот самый мужчина, который целовал ее под дождем? Нежно дразнил и ласкал? С того дня Хлоя не переставала мечтать о встрече с ним.

— Но почему я должна молчать о том, что видела вас?

— Потому что я мертв, дорогая, и пока в мои планы не входит возвращаться в мир живых.

Хлоя глубоко вздохнула. Он говорил спокойно, с непоколебимой решимостью, так не вязавшейся с его поведением.

— Я бы не хотела, чтобы вы остались здесь, в моей спальне, живой или мертвый, — вырвалось у нее.

Он помолчал. А затем его глубокий голос произнес во тьме:

— Меня загнал сюда мой преследователь. Из леса.

— То есть как — загнал? — Хлоя ничего не могла понять.

Все считали, что он мертв. Он даже намекнул, что никому не известно, что он выжил после нападения на него кровожадного убийцы. И тут до нее наконец дошло, что с этим убийством вообще все сложнее, чем представляется жителям Чизлбери. И теперь она оказалась впутанной в эту жуткую тайну.

Доминик пристально посмотрел на ее изумленное лицо. Во что он впутался, черт возьми? Почему именно эта барышня?

Он снова подтолкнул ее к изогнутому изголовью кровати из розового дерева. Боже,

какая заварилась каша! Теперь, когда она знает, что он жив, ему волей-неволей придется довериться ей, и это может нарушить все его планы. Будь она мужчиной, он любимым способом заставил бы ее молчать, и не очень-то разбираясь в средствах.

Но леди Хлоя Боскасл, своенравная младшая сестра Хита! Красивая и умная барышня. Кстати, она, видимо, унаследовала склонность попадать в истории и скандалы, как и остальные члены этой семейки. Да и Хит, его друг, порвет его в клочья, если он хоть пальцем тронет его сестру. С тех самых пор, как их младшие братья, Брэндон и Сэмюел, погибли в Непале, Доминик и вступил в оживленную переписку с Хитом, поскольку обоих терзали подозрения в связи с этой роковой засадой. Да, Хиту можно довериться, но его лучше не злить.

Однако сейчас важно другое: может ли он довериться сестре Хита? Способна ли светская барышня хранить тайны? Способна ли стать его союзником? Он молча вглядывался в ее лицо, не зная, на что решиться, и тут вдруг заметил на кровати французский корсет.

С чего бы это порядочной барышне носить такой корсет, размышлял он, радуясь возможности отвлечься от мрачных мыслей.

— Это твой?

Она не сразу ответила. Уж не покраснела ли барышня от смущения? Сам он и без того был в лихорадочном жару, ему не нужно представлять себе, как она будет выглядеть в корсете.

— Я спросил — это твой?

— Что? Ах, корсет? Да, его выписали для меня..

— И ты его надевала?

— Мм. Кажется, да. Один раз. А может, и не надевала.

Он снова вгляделся в ее лицо. Неужели сестренка Хита закрутила роман? Конечно, сейчас ему безразлично, крутит она роман или нет. Но еще совсем недавно охотно поборолся бы с ее избранником за ее благосклонность.

Последнее время Доминик не думал ни об амурных приключениях, ни о плотских утехах. Жил только мыслями о мести.

Но сейчас воспоминания о столь приятных предметах вдруг живо напомнили о себе. Да, ведь он и впрямь жив и даже способен радоваться тому, что свободен от любовных связей, чреватых опасностями и разочарованиями. При иных обстоятельствах он бы с удовольствием завлек барышню в постель.

Но не сейчас. Сейчас она блее бумаги, до смерти напугана, поскольку не знает, что он намерен с ней делать. И немудрено. Однако ему нечем было ее успокоить. В последние несколько недель он узнал о себе много нового. Оказалось, что он способен на поступки, которые прежде показались бы ему отвратительными. Можно лишь надеяться, что он не причинит вреда этой барышне. Одно несомненно: его появление в ее жизни не принесет ей ничего хорошего теперь, когда он перестал быть джентльменом.

Он и сам не знал, что станет делать. Свет считал его мертвецом, давно покоящимся в могиле.

— Где ты была сегодня вечером? — полюбопытствовал Доминик.

Его всегда интересовали женские уловки. И добавил сухо:

— Или это тоже тайна?

Хлоя захлопала глазами. Она больше не сомневалась, что перед ней безумец. К тому же опасный. Черт бы побрал ее кузину! Вытащила этот дурацкий корсет. Их легкомысленные

замечания этот психопат не оставил без внимания.

Он заявил, что его сюда «загнали». Неужели прямо в ее спальню? И он рассчитывал, что она поверит в такое объяснение? Он ранен, однако силен и проворен. Сильнее ее. Но может, ей удастся добежать до двери и выскочить на лестницу прежде, чем он ее догонит? Предположим, она запустит в него подушку, толкнет сундук ему под ноги, тогда, может, и удастся. Однажды Хлоя это проделала со своим братом Хитом, который гонялся за ней по всему дому за то, что она стащила у него одно из его зашифрованных сообщений.

А не дразни сестру!

Вот только дверь спальни на кривых петлях открывалась самое меньшее с третьей попытки. Доминик наверняка ее догонит и разозлится за попытку бежать — а злить его неблагоприятно.

Его голос вернул ее к реальности:

— По-моему, я задал тебе вопрос.

— Что? — прошептала она, чтобы потянуть время.

Может, кто-нибудь в доме почувствует, что с ней стряслась беда.

«Господи, сделай так, чтобы Памела встала сейчас и потихоньку пробралась ко мне в комнату порыться в сундуке...»

— Я спросил, где ты была сегодня вечером.

На нее снова накатило страх. С чего бы этому типу интересоваться личной жизнью светской барышни? Нет, он точно не в своем уме.

— Я была...

Что бы такое сказать, чтобы он не впал в ярость. Следует ли признаться, что она ездила на местный бал потанцевать? Бал, конечно, был прескучный, однако «бал» звучит несколько фривольно и может вызвать у этого сумасшедшего всякие мысли романтического характера. А это ей совсем ни к чему. Пусть лучше думает, что она застенчивая зануда, а не легкомысленная кокетка, которая приводит в ужас всю семью своими выходками.

— Я ездила с дядей и тетей на домашний концерт.

Может, сумасшедший удовлетворится такой полуправдой. Зачем ему знать, что она весь вечер напропалую флиртowała с лордом Сент-Джоном?

Он презрительно фыркнул. И Хлоя вдруг заметила, что у него красиво очерченный рот и на губах его в данный момент язвительная усмешка.

— Поистине потрясающая новость. В Чизлбери стали давать домашние концерты. И кто-то из публики после этого испытания остался живым. — Тут, к великому ее смущению, Доминик подхватил корсет и, держа его навесу, спросил: — А зачем, скажите на милость, надо было надевать на музыкальный вечер вот это?

Она подалась назад, не желая развивать эту тему.

— Так вы сказали, что вас сюда загнали?

— Да, я сказал именно это.

Он разглядывал корсет самым внимательным образом и, похоже, прикидывал, как она будет выглядеть в этом предмете туалета.

Хлоя облизнула губы. Неужели он потребует, чтобы она сейчас надела корсет?

— А те, кто загнал вас сюда, знают, что вы спрятались в моей гардеробной?

— Нет. — Он внимательно посмотрел в ее полные тревоги синие глаза и негромко добавил: — Надеюсь, ты никому не станешь говорить об этом, верно?

Ее нервы были на пределе. Если этот безумец потребует, чтобы она совершила какое-

нибудь предосудительное деяние, она скорее выпрыгнет в окно, чем подчинится. Жизнь с пятью буйными братцами многому ее научила.

— Разумеется, не стану, — заявила Хлоя, притворившись оскорбленной. — С какой стати? В мою спальню ввалился незнакомец, запугивает меня, грозит физической расправой? Я радоваться должна!

Эта вспышка заставила его поднять густые черные брови. Он прочистил горло.

— Ты не могла бы говорить потише? Я поступил так в силу обстоятельств. Предупреждаю: намерен действовать в дальнейшем точно так же.

— А от меня чего вы хотите?

— Когда-то это поместье принадлежало мне, — задумчиво произнес Доминик. — Его купил твой дядя. Тебе это известно?

— Что-то подобное я слышала.

— Знаешь, кто я такой? — спросил он, вытащив из-за пояса пистолет и положив его на постель.

— Вы — Стрэтфилдский Призрак, — выпалила Хлоя. — Я хотела сказать, вы — лорд Стрэтфилд.

— А, — отозвался он, и его серые глаза насмешливо блеснули. — А расскажи-ка мне вот что — по-прежнему ли я предаюсь своим полуночным проказам?

Хлоя зарделась, припомнив те плотские грехи, которые, по мнению ее тетки и почти всех жителей округи, Доминик совершил в бытность свою Призраком. Она сама только что едва ли не мечтала о том, чтобы Призрак совершил что-нибудь и с ней, тосковавшей по светской жизни.

— Скажем так: все убеждены, что вы ведете очень бурную загробную жизнь.

Он кисло улыбнулся:

— К сожалению, это далеко не так. Последовало молчание. Хлоя рискнула бросить еще один взгляд на пистолет, лежавший между ними! Вдруг снизу, со двора, донесся шум. Калитка со скрипом отворилась, тихо заржала лошадь, послышался мужской голос, в дверь забарабанили.

Доминик бросил быстрый взгляд на Хлою — откровенно подозрительный, враждебный.

— Поздновато для гостей, ты не находишь?

Она кивнула, про себя молясь, чтобы пришло спасение. Да, поздновато, конечно, но если какой-нибудь бдительный слуга заметил Стрэтфилда, когда тот лез в окно, то в любой момент дверь может распахнуться и ее дядя ворвется в комнату, и...

— Я погибну в глазах света, — вырвалось у нее. — Ах, ну как можно быть таким глупым? Неужели вы не понимаете, что репутация моя будет погублена, если вас обнаружат в моей спальне? А что мои братья сделают с нами обоими, не догадываетесь? Ведь меня сослали в Чизлбери на перевоспитание!

Доминик схватил пистолет, сполз с кровати, кряхтя и морщась от боли.

— Меньше всего в данный момент меня тревожит твоя репутация.

— Ну, большое спасибо...

Хлоя не договорила, он покачнулся, стал валиться на нее, и девушка протянула руки, чтобы поддержать раненого. С точки зрения здравого смысла гораздо разумнее было бы дать ему упасть. Его тело давило на нее своей тяжестью, она остро ощущала физический контакт с ним, и это привело ее в замешательство.

— Лорд Стрэтфилд, вам нужен врач, — сказала Хлоя.

— Принимая во внимание обстоятельства, зови меня Доминик.

— Будь на то моя воля, я звала бы вас Черт Дьяволович, сэр.

Доминик бросил взгляд на дверь:

— Кто-то идет. Спрячь меня.

— И не подумаю.

Дуло пистолета прижалось к нежной коже ее плеча.

— Мне бы не хотелось палить из пистолета в того несчастного, который, сам того не желая, нарушит наше уединение.

— Вы не станете стрелять, — прошептала Хлоя.

— Стану, — ответил он, бросив на нее холодный взгляд. — Уж поверь мне. Сам я ушел живым от убийц, зато цивилизованный человек во мне умер навсегда.

Она стала отталкивать его руки. Во рту у нее пересохло. Невозможно в это поверить. От изысканного аристократа, которого Хлоя мысленно прозвала «сэром Галахадом», ничего не осталось. Это заставило девушку призадуматься.

Интересно, в тот день, когда он впервые повстречал ее, он уже знал, что ему грозит смертельная опасность? Может, в тот день она по неловкости вступила не только в грязную лужу, но вмешалась еще во что-то? Припомнились его грубость, странные замечания. Теперь все это виделось в ином свете.

Кто-то покушался на его жизнь. Разве можно винить его после этого в том, что он стремится отомстить? Но не в ее спальне, и незачем изливать свой гнев на нее. Но хуже всего было то, что ее братья ни за что не поверят, что тут нет ее вины.

Ее размышления прервал стук в дверь, и она услышала дядин голос. Она не допустит, чтобы Доминик выпустил пулю в ее милого старого дядю.

— Это мой дядя, — сообщила она негромко.

Он сжал челюсти.

— Сделай так, чтобы старик ушел.

— Каким образом?

— Как хочешь.

— Тогда возвращайтесь в гардеробную, — предложила Хлоя. — В мою спальню дядя не войдет.

Он огляделся, оценивая обстановку и с подозрением глядя на нее.

— Я буду подслушивать и подглядывать.

— Не сомневалась, — огрызнулась Хлоя.

Он швырнул корсет на постель.

— Ни перед чем не остановлюсь.

Их взгляды встретились, и от холодной решимости, которую она увидела в его глазах, по спине у нее побежали мурашки. Хлоя поняла: этому человеку нечего терять.

Хлоя, поглядывая на тень Доминика, которая пошевелилась, уменьшилась и замерла на стене, пошла отворять дяде дверь. Вломившийся в ее спальню безумец скрылся, однако его присутствие по-прежнему ощущалось в комнате — Хлое казалось, будто он ей дышит в затылок. Зловещие угрозы не шли из головы. Неужели он выстрелит в нее или в дядю?

Дядя заглянул в щель, едва она приоткрыла дверь. Может, интуиция подскажет дяде, что стряслась беда, и он предпримет меры?

— Хлоя, — заговорил дядя, — я не стал бы тебя беспокоить в такой час, но дело не терпит отлагательства.

Может, Стрэтфилдского Призрака заметили неподалеку от дома?! Вот была бы удача! Тетя прикажет немедленно эвакуировать всех проживающих в доме во имя соблюдения приличий. Боже, но как бы взвилась тетенька, узнай она, что порочный дух в данный момент засел в гардеробной племянницы. Хлоя едва сдержала улыбку, представив себе встречу тети Гвендолин и развратного призрака.

Дядя помолчал, склонив седую голову, и снова заговорил:

— Можно войти?

Зловещая тень на стене шевельнулась, от этого стало еще страшнее. Хлое представилось, что мощное тело со стальными мышцами вновь берет ее в плен и сжимает так, что невозможно дышать. Как мог дворянин и аристократ превратиться в варвара?

— Нет. — Голос ее дрогнул.

А так хотелось выложить дяде всю правду! Но она не могла рисковать.

— Я неглиже, дядя Хэмфри.

— Ах Боже мой! — воскликнул дядя. — Ну конечно же, время позднее, но я вынужден был потребовать тебя. Явился человек из городского магистрата и стал барабанить в дверь. Видишь ли, буквально час назад на Купер-бридж опять остановили карету. На сей раз грабитель взял только перчатки и подвязки дамы.

— Не думаете же вы, что это Девон...

— Думаю. — Дядя стал мерить шагами коридор, то и дело бросая взгляды на темную лестницу. — Представитель магистрата показал мне набросанное карандашом изображение грабителя. Точная копия твоего братца. Видимо, он проделал тот же номер на бис. И совершил очередное преступление, ваш несчастный брат Грейсон еще не успел замять прежнее.

Хлоя тихо вздохнула; в памяти еще живы были времена, когда ее брат Грейсон состоял в рядах проказливой молодежи, а не считался вечным мучеником, обреченным расхлебывать заваренную молодежью кашу. Грейсон изменился, когда встретил достойного противника в лице Джейн, его жены. Что ж, со временем Хлое удастся как-то смягчить гнев и разочарование, которые вызывали в старших проделки Девона, если докажут, что последний подвиг на мосту действительно совершил он. Не много ли это для барышни — тревожиться еще об одном шалопае, кроме того, который укрылся в ее гардеробной? На этот раз пусть Девон выкручивается самостоятельно.

— А тетя Гвендолин знает? — неожиданно спросила Хлоя.

— Боже правый! Конечно, нет! — воскликнул дядя Хэмфри. — Я не решился ей рассказать. Но... — Старик перестал шагать, медленно обернулся к Хлое и попытался

заглянуть в спальню через ее плечо. — Я подумал, может, Девон в это время был у тебя? Ведь он частенько наносит тебе визиты. Ну-ну, дорогая, не стоит так огорчаться. Я ни за что не скажу об этом тете, а уж тем более властям. Это будет наш с тобой секрет.

Еще один, секрет! Только этого ей не хватало. Ее и без того мучает совесть, а жизнь усложнилась до крайности.

— Наш секрет? — Тут тень Стрэтфилда едва заметно шевельнулась на стене, чтобы напомнить, что к каждому ее слову прислушиваются и ни один вздох не пройдет незамеченным. — Что вы имеете в виду, дядя Хэмфри?

— Про Девона — это будет наша с тобой тайна. — Дядя как-то странно посмотрел на нее. — Я вовсе не сержусь на тебя, Хлоя. Защищать брата — что может быть естественней. Но ты должна его предупредить, что за домом может быть установлена слежка. Чизлбери — не Лондон.

— Я уже это заметила.

Дядя нахмурился, услышав столь легкомысленный ответ.

— Здесь у властей нет никаких особых дел, свободного времени хоть отбавляй. В глупого мальчишку могут всадить пулю прежде, чем разберутся, что это юный лорд вышел попроказничать. Ты только подумай, Хлоя, потребовать перчатки и подвязки! Ну да ладно. По крайней мере на этот раз никто не пострадал.

Она прижалась лбом к двери. Мысль о том, что Стрэтфилд прислушивается к каждому слову, держала ее в таком напряжении, что она никак не могла сосредоточиться на разговоре. Неужели этот тип собирается заночевать в ее спальне?

— Девона здесь нет.

— Хлоя, с тобой все хорошо? Что-то мне твой цвет лица не нравится. Уж не заболела ли ты снова?

Дверь гардеробной скрипнула. Неужели дядя не услышал? Неужели не заподозрил неладное?

— Должно быть, это из-за того разговора в карете, — проговорила Хлоя.

— Разговора? В карете? Хочешь сказать, что разволновалась так из-за того, что кот принес дохлую мышь на кресло преподобного? Вот уж не думал, что ты настолько впечатлительна.

Хлоя с большим трудом сдержала порыв схватить дядю за грудки, тряхнуть как следует, чтобы он понял.

— Не из-за кота, — произнесла она очень отчетливо.

— Тогда... ах да. — Дядя неодобрительно вскинул брови. — Эта чепуха про призрак. Бедняга Стрэтфилд. Вы, женщины, просто не понимаете, что такое уважение к мертвым.

У Хлои заломило виски.

— При чем тут уважение?

Дядя требует, чтобы она отнеслась с уважением к человеку, который взял его племянницу в заложницы прямо у него под носом?

— Хлоя, ты побледнела. Боишься привидений? Уверяю тебя, тень Стрэтфилда не станет соблазнять никого из живущих под этой крышей. — Старик рассмеялся. — Зачем, скажи на милость, ему вставать из гроба ради того, что он без всяких хлопот мог бы осуществить при жизни? Да ему довольно было пальцем шевельнуть, и любая из наших глупых дам кинулась бы ему на шею. За исключением тебя и моей Памелы, разумеется.

Искры посыпались из глаз Хлои. При чем тут «соблазнять»? Вопрос в том, станет ли

Стрэтфилд стрелять в них с дядей? Если выскочить за дверь и помчаться к лестнице, может, и удастся убежать.

Но дядя Хэмфри останется, не подозревая о грозящей опасности.

— Прежде всего мы должны думать о Девоне, — торжественно заявил дядя. — Ну, иди ложись. Утро вечера мудренее. Завтра придумаем, как наставить озорника на путь истинный.

— Завтра, — пролепетала Хлоя, едва шевеля губами.

Она смотрела, как дядя удаляется по коридору, как спускается по лестнице. Доживет ли она до завтра. Или призрак рыцаря Галахада ограничится тем, что обесчестит ее?

Ужас сковал Хлою, однако, движимая инстинктом сохранения, девушка решила действовать. Это ее последний шанс. Никто больше не постучится в дверь, и до самого утра все будут считать, что она спокойно спит в своей постели.

«Скажи дяде, что Стрэтфилдский Призрак взял тебя в заложницы. Скажи сейчас, пока еще не поздно...»

— Дядя Хэмфри, — позвала она, — пожалуйста, по...

Но дядя уже не слышал ее.

Она не видела, как Доминик ринулся вперед: только заметила краем глаза, как размазанное отражение промелькнуло в зеркале. В следующее мгновение он навалился на нее всем телом и прижал к двери. Удар был такой силы, что дверь захлопнулась нормально, а не с третьей попытки. Гул прошел по всему дому.

Зажатая между дверью и телом Доминика, Хлоя не могла шевельнуться. Она чувствовала, что в его жестком как сталь теле, подобно свернутой пружине, таится бешеная энергия, оставалось лишь надеяться, что он не даст этой энергии воли. Вообще-то он не причинял Хлое боли, но слабость, которая охватила ее от близости жаркого мужского тела, в некотором смысле воспринималась как атака.

Если бы она не целовалась с этим мужчиной под дождем в тот памятный день, ощущала бы его прикосновения совсем по-другому. Боялась бы его больше. Может, ей просто показалось, что он питает к ней нежные чувства. Но при одном лишь воспоминании о том поцелуе у Хлои кружилась голова.

— А что, обязательно обращаться со мной так, как театральные злодеи обращаются со своими пленницами? — сердито спросила она.

Он смерил ее взглядом.

— Приходится, поскольку ты не слушаешься.

Хлоя похолодела. Он что-то сжимал в руке в непосредственной близости от ее живота. Оцепенев от ужаса, она опустила глаза и вдруг увидела, что в руке у него не пистолет, а любимое перо с ее письменного стола. Какая наглость! Хлоя выхватила перо у него из рук.

— Вы что, хозяйничали на моем столе?! — возмутилась она.

Доминик оттащил ее от двери и, глядя ей в глаза, спокойно запер дверь на задвижку.

— Я искал письменные принадлежности.

Она с изумлением возрилась на своего мучителя. Должно быть, в гардеробной он разыскал гребенку и привел в порядок свои густые черные волосы, там же нашел чистую тряпку, чтобы перевязать...

— Насколько я понимаю, вы разорвали мою кружевную нижнюю юбку от Хонитона на бинты? — осведомилась она не без сарказма.

Он криво усмехнулся:

— Прошу прощения, но выбора у меня не было. Либо нижняя юбка, либо один из ваших замысловатых корсетов. А корсет, — он весело окинул взглядом ее пышные формы, — вряд ли пришелся бы мне впору.

Хлоя едва сдержала охватывающую ее ярость.

Только сейчас она заметила, что пистолет исчез. Нигде не видно инкрустированной черным деревом рукоятки. И то хорошо.

В сумраке спальни он смотрелся совсем неплохо. Продолжительное пребывание в роли мертвеца не сказалось отрицательно на его личном обаянии. И если не считать того, что из-под окровавленной рубашки виднелась кружевная нижняя юбка, его вполне можно было принять за джентльмена.

— Письменные принадлежности, значит, понадобились, — проговорила она и добавила: — Писать записку с требованием выкупа?

— Что? — ошеломленно переспросил он не веря своим ушам.

Хлоя кашлянула.

— Записку с требованием выкупа, — повторила она.

Он остановился у нее за спиной и стал теревить розовое кружево, выглядывавшее из-под рубашки. Хлоя вспомнила, что кружево натирало ягодицы, и ее мучителю наверняка несладко приходится.

— С какой стати я стану писать записки о выкупе? — спросил он, наклонившись к ней.

Темнота, ее полурастерзанный ночной наряд — все это располагало к интимности. Хлоя почувствовала, как он ухмыльнулся. Он играл с ней в игры, недостойные джентльмена.

Она выпрямилась.

— Вам наверняка неизвестно, что мой брат, маркиз Седжкрофт, очень богат. Логично предположить, что он щедро заплатит за то, чтобы сестру вернули ему в целостности и сохранности.

Доминик ногой выдвинул табурет, стоявший перед туалетным столиком, и, не сводя с Хлои глаз, уселся на него.

— Логично, по-вашему? — спросил он, едва сдерживая смех.

Хлоя смерила его презрительным взглядом:

— Невзирая на то, что намерения ваши злокозненны, считаю своим долгом предупредить вас, что брат вряд ли заплатит выкуп, скорее согласится, чтобы вы оставили меня у себя.

— Не может этого быть, — заявил Доминик. — Неужели брат не будет ждать с нетерпением возвращения сестры, которая только и делает, что ввязывается в неприятности, стоит ему отвернуться?

Хлоя нахмурилась. Что ж, если ей суждено пережить наказание Господне в лице безумца Стрэтфилда, это заставит братца Грейсона горько пожалеть о том, что он сослал ее в Чизлбери.

— В последнее время я не слишком радовала брата своим поведением, — промолвила Хлоя.

Глаза его сверкнули в темноте.

— Я в курсе.

Она обожгла его злобным взглядом. Он сидел верхом на ее табурете с видом палача, наслаждающегося мучениями своей жертвы. Подумать только, в тот день, когда он поцеловал ее под дождем, Хлоя мечтала, чтобы он овладел ею.

— Что вы имеете в виду? — спросила она в замешательстве.

— Мне известно, за что тебя сослали в нашу деревенскую глухомань, дорогая.

Не может этого быть, подумала Хлоя. Грейсон и Хит хранили все подробности ее проступка, словно государственную тайну, в то время как о случившемся знал чуть ли не весь Лондон, в том числе и Стрэтфилд.

Она прибегла к обычной отговорке:

— Меня послали в деревню для поправки здоровья. У меня... э-э... слабая грудь.

Он выгнул бровь, окинув ее таким взглядом, что краска бросилась ей в лицо:

— Не вижу никаких изъянов в вашей груди и в остальных частях тела тоже. У вас на редкость цветущий вид.

— Вы так считаете?

— Да, — подтвердил он с энтузиазмом и добавил: — Разумеется, здесь темно, к тому же ваш халат больше скрывает, чем открывает. Надо зажечь свечку и подвергнуть вас более тщательному осмотру. И пусть никто не говорит потом, что я склонен делать поспешные выводы.

— Вряд ли стоит заходить так далеко, — пролепетала Хлоя.

— Не стоит? Жаль. Итак, вы выглядите прекрасно, на мой взгляд. По крайней мере в темноте. И под дождем тоже неплохо смотрелись, насколько я помню.

— У меня бывают приступы кашля, — заявила она.

— И еще вас охватывает желание целоваться, прячась за чужими каретами. Ай-яй-яй, леди Хлоя.

— Откуда... — Хлоя осеклась. Доминик посмотрел ей в глаза:

— Как видите, я все о вас знаю. Но ваши мелкие грешки ничто в сравнении с моим бурным прошлым. Ну, нравится барышне, что порой с ее уст крадут поцелуй. Ничего особенного. Однако я запомню это. Впрочем, в данный момент ни одна особа женского пола, даже такая привлекательная и бойкая, как вы, не сможет отвлечь меня от моей цели.

— В самом деле? — обиделась Хлоя.

— Насколько я понял, вас сослали в Чизлбери за неприличное поведение в парке. Среди бела дня. Ну о чем вы думали?

Хлоя не в силах была даже рассердиться. Хотя мучитель произвел на нее сильное впечатление. Во-первых, потому что использовал окольные пути при поиске информации. Во-вторых, потому что счел ее достаточно интересной особой, достойной расследования. Впрочем, не исключено, что он все же психопат со склонностью к насилию и кончит тем, что убьет ее. При этой мысли вновь ожили все ее тревоги.

— Но откуда вы узнали об этом происшествии? — спросила Хлоя. — Почему мои мелкие прегрешения интересуют мужчину, которого я едва знаю?

Он провел пальцем по узкому фиолетовому шраму, пересекавшему его подбородок.

— Меня интересовала информация о любых подозрительных поступках всех проживающих в деревне, включая и вас, в ходе расследования, которое я веду с целью привлечь моего убийцу к суду.

— Не думаете же вы, что я причастна к покушению на вас?

— Разумеется, нет, — признал он хмуро. — Но вы явились сюда из Лондона именно в то время.

— Это просто совпадение! — горячо возразила Хлоя.

— Да. И весьма неудачное для вас.

Хлое вовсе не нужно было напоминать о том, в какой опасности она находится. Она ни разу не вздохнула свободно с тех пор, как обнаружила этого типа в гардеробной. Девушка невольно покосилась на дверь и перевела взгляд на него. Мысль ее лихорадочно заработала. Неужели это она стоит в своей спальне и ведет беседу с... трупом? Да, только ее сестрица, великий энтузиаст этикета, сумела бы найти достойный выход из подобной ситуации. Сама же Хлоя может только испортить дело.

— Этот ваш убийца... — она подняла глаза на его едва различимое в темноте лицо, — это вы его имели в виду, когда говорили, что вас ко мне в гардеробную кто-то «загнал»?

— Ага, вы так же любопытны, как ваши братья.

Хлоя сжала руки, спрятанные за спиной. Бог свидетель, чего ей не хотелось, так это злить его снова...

— Надеюсь, вы не собираетесь оставаться здесь?

— Я останусь здесь ровно настолько, насколько будет необходимо. На день, максимум на два.

— И вы не собираетесь...

Он ответил не сразу, как если бы некоторое время тщился осознать, чего именно она боялась, а затем в притворном ужасе воскликнул:

— Воспользоваться своей властью над вами? Привязать ваше хрупкое тело к столбикам кровати и овладеть вами тайно, пока все в доме мирно храпят в своих постелях? — Он умолк и через мгновение продолжил: — Вообще-то в мои планы это не входило, но век живи, век учишься. Вы полагаете, этот вариант стоит попробовать?

Хлоя потеряла дар речи и когда вновь обрела его, решительно заявила:

— Вы не посмеете!

— Посмею, но лишь в том случае, если вас влечет к покойным аристократам. — Он скорбно покачал головой. — Не устаю удивляться, до чего я стал похотливым в загробной жизни.

— Но вы и при жизни особой святостью не отличались?

Он пожал плечами:

— Ни святостью, ни греховодничеством. Я — человек. И ничто человеческое мне не чуждо.

— Почему бы вам не уйти? — спросила она спокойно.

— Потому что я не уверен, что мой преследователь потерял мой след. — Что было истинной правдой.

Финли, его бдительный егерь, проследил Доминика почти до ворот Дьюхерст-Мэнора. Ирония ситуации заключалась в том, что верный егерь свято верил в то, что преследует убийцу своего покойного хозяина, а Доминик не считал возможным вывести его из заблуждения или же прибегнуть к его помощи.

— Ваши личные проблемы меня не касаются.

— Еще как касаются, — мрачно заметил Доминик. — Обещаю не доставлять особых хлопот во время своего пребывания здесь. Разобью временный лагерь в гардеробной. Вы не будете чувствовать моего присутствия.

— Очень сомневаюсь. Вы это серьезно? Думаете, я соглашусь спать в одной комнате с мужчиной? Никаких лагерей я не потерплю. Пойду за дядей. Можете стрелять мне в спину, если угодно.

Он поднялся с табурета и преградил ей дорогу.

— Тогда я вынужден буду обратиться к властям.

Она подняла на него глаза, почувствовав себя гораздо увереннее.

— Зачем? Хотите сообщить властям, что залезли в мою спальню, рылись в моем белье, приставали ко мне?

Он всмотрелся в ее лицо и подумал, что эта девушка постоянно влипает в истории из-за своих темно-синих глаз, в которых пылает такой огонь страсти, перед которым не может устоять ни один мужчина. В этой вызывающей невинности таится опасность. Ну почему его угораздило нарваться именно на эту барышню? Почему не попалась любая из пресных уроженок Чизлбери, которые с пискom разбегались, стоило ему только глянуть на них?

Он решил показать, что ее блеф не пройдет.

— Власти не слишком заинтересуются истеричными рассказами взбалмошной столичной девицы, которой примерещилось, будто в спальню к ней забрался местный призрак. А вот информация о грабителе, который стал пошаливать на дорогах, их очень заинтересует.

У Хлои заломило виски. Откуда он знает о проделках ее пустоголового братца? Ну не мог он так глубоко копать в ходе своих расследований.

— Что за грабитель? — равнодушно спросила Хлоя. — Не понимаю, о чем вы.

— Отлично сыграно. Не поверить невозможно. Но мне известно все — от идиотской истории с ограблением не той кареты в Челси до его последнего преступления в Чизлбери.

— Так вы подслушивали.

— Конечно, подслушивал. Очень полезная привычка. Надо полагать, вы твердо намерены покрывать проделки этой паршивой овцы, то есть вашего братца?

— Что вы имеете в виду?

— Преданность родственникам не может не тронуть. Надеюсь, братец отвечает вам взаимностью. Вы звали кого-то по имени, когда заглянула в гардеробную. Называли имя — Девон, да, кажется, Девон. Я не имел чести быть лично знакомым с этим чертенком.

— Я хочу, чтобы вы немедленно удалились.

Проигнорировав ее слова, Доминик взял дневник в сафьяновом переплете, лежавший на туалетном столе, который только сейчас заметил.

— Даже сойдя в гроб, я не лишился возможности распоряжаться частью моего состояния. Полагаю, я мог бы заплатить все долги этого юного бездельника, да и сумму во много раз большую, и не слишком бы обеднел.

Хлоя выхватила у него дневник и забросила под кровать. Какое счастье, что в темноте он никак не мог разобрать ее каракули! Но сама мысль о том, что ее сокровенные мысли могли стать доступны чужим глазам, показалась ей непереносимой, чудовищной. Не станет она такого терпеть!

Он с веселым интересом наблюдал за ней.

— Никогда не следует доверять информацию интимного характера бумаге.

— Обычно считается, что дневник, находящийся в спальне, защищен от любопытных глаз.

Он сложил руки на груди.

— Если вы согласитесь мне помочь, я смогу помочь Девону сойти с кривой дорожки, которая ведет его к гибели. Даже если власти предпочтут закрыть глаза на его проделки, кто-то из его жертв рано или поздно пристрелит его на месте.

Такое же опасение высказал и дядя. Девон играл со смертельной опасностью.

- Хотите заключить со мной сделку? — спокойно осведомилась Хлоя.
- Можете называть это сделкой, если вам угодно, — в тон ей ответил Доминик.

— Это шантаж, — произнесла Хлоя.

Прежде чем Доминик успел ответить, из-за двери гардеробной донесся странный звук. Кто-то швырял песком и мелкими камешками в окно гардеробной — то самое, на котором Хлоя заметила свою развевающуюся сорочку примерно около часа назад.

Хлоя обвела спальню взглядом, не зная, что предпринять. Притвориться, будто ничего не слышала, невозможно. Доминик вскинул брови. Значит, тоже слышал. В окно бросал песком, разумеется, ее братец, чтобы привлечь внимание.

Она должна как-нибудь прореагировать, иначе он разбудит весь дом, либо, что еще хуже, залезет через окно в гардеробную.

И столкнется нос к носу со Слрэтфилдом. А тот вполне может его застрелить.

Доминик присвистнул.

— Поговорите со своим ночным гостем, пока этот дурак не поднял на ноги весь дом.

Хлоя поплотнее запахнула шелковый халат — кто знает, насколько хорошо он видит в темноте? И, прищурившись, шепотом спросила:

— И что, по-вашему, я должна ему сказать?

Он схватил ее за руку и поволок к гардеробной.

— Скажите ему, что все британские сухопутные вооруженные силы держат дом под наблюдением! Скажите, чтобы перестал грабить кареты на большой дороге! Скажите что угодно — лишь бы он ушел.

— Дельный совет, — отозвалась Хлоя, высвобождая руку. — Было бы неплохо, если бы вы сами ему последовали.

Доминик подтолкнул ее к окну. Хлоя перегнулась через подоконник. В лицо пахнуло ночной прохладой. Первое, что она увидела, была ее собственная сорочка, заткнутая за ветку дерева.

Неужели все это происходит наяву? С ней? А ведь ей так хотелось приключений. В тот дождливый день, когда Стрэтфилд ее поцеловал под дождем, Хлоя мечтала о том, чтобы он увез ее из Чизлбери и сделал своей.

Внизу под деревом кто-то, закутанный в плащ, склонился за новой порцией песка. А когда выпрямился и заметил ее в окне, расплылся в улыбке.

— О Боже, только не это! — тихонько вскрикнула Хлоя.

Неизвестным оказался молодой человек, с которым Хлоя танцевала весь сегодняшний вечер, не упустив случая пофлиртовать. Он сказал, что не уснет, пока снова не увидит ее, Хлоя не поверила. И вот он здесь. Поистине позорное начало любовного романа!

Доминик, нервно расхаживавший за ее спиной, но так, чтобы его не было видно в окно, вдруг остановился и круто повернулся, едва не сбив ее с ног.

— Ну что там? — резко спросил он.

Хлоя выпрямила плечи, услышав в его голосе надменные нотки. Он буквально дышал ей в затылок, и девушка не могла не признать, что ей это приятно.

— Вы же считаете себя самым умным на свете, вот и соображайте.

Доминик приподнял край занавески, осторожно выглянул в сад и стал сыпать ругательствами, не стесняясь в выражениях. Хлоя лишь вскинула брови. Будучи отпрыском семейства Боскаслов, она и не такое слышала.

— Это не ваш брат, — в ярости сообщил Доминик.

Хлоя торжествующе улыбнулась:

— Нет, это лорд Сент-Джон.

— И какого черта он здесь делает?

— Откуда мне знать? — отозвалась Хлоя с самым невинным видом. — Я только сегодня с ним познакомилась.

— Неужели только сегодня?

— Именно сегодня.

— Видимо, вы и ваш корсет произвели сильное впечатление на местную молодежь.

— А вы что, не одобряете романтических увлечений, лорд Стрэтфилд?

— Не одобряю.

Поколебавшись, Хлоя заметила:

— Некоторые из нас до сих пор верят в то, что любовь возможна.

— А некоторым из тех, которые имели несчастье быть зарезанными в собственной постели, следует извинить склонность к цинизму.

— Ну нельзя же ополчиться на весь белый свет, — мягко возразила Хлоя.

— Почему же?

— Ну, потому...

— Ой, избавьте меня от своего девичьего идеализма и скорее спровадьте незваного гостя.

— Которого?

— Не надо меня провоцировать, — прорычал Доминик.

Хлоя, загадочно улыбаясь, снова посмотрела в сад. Доминик, опять разразившись проклятиями, процедил сквозь зубы:

— Спровадьте его.

— Каким образом, позвольте спросить? — осведомилась Хлоя.

— Для начала перестаньте ему улыбаться, словно сирена, — Доминик взглянул в ее силуэт, темнеющий в окне, бросил взгляд на шелковых бабочек, вышитых на халате. — Уверен, вы с ним целовались, — добавил он.

Хлоя сочла для себя унизительным возражать. Хотя в глубине души не могла не признать, что все выглядело довольно подозрительно. Красивый молодой человек ночью бросает песком в окно ее спальни. Кто поверит, что Хлоя не пригласила его к себе в сад. Брат тоже не поверил бы.

— Я его не звала, — вырвалось у Хлои.

Доминик хмыкнул.

— Правда не звала. — Она бросила на Доминика сердитый взгляд. — Кстати, так же как и вас.

— Держали бы окна закрытыми, никто бы в них не залезал, — заявил он раздраженно. — Вы не ждете еще гостей сегодня вечером? — спросил Доминик не без сарказма. — Может, чай заварить?

— Если готовы сгонять за этим чаем в Китай.

Доминик, остановив долгий взгляд на ее фигуре, снова стал расхаживать по гардеробной за ее спиной. Ну что за невезение! Почему о том, что он жив, первой узнала эта Елена Троянская с ее острым язычком! С ней свяжешься — жди неприятностей; впрочем, напомнил он себе, это у Боскаслов, фамильная черта. Мало ему своих бед. Так теперь он еще

напоролся на деревенскую прелестницу и деревенского дурачка, в то время как убийца гуляет на свободе.

— Ну почему, почему, увидев меня, вы не грохнулись в обморок, как все нормальные люди, когда открыли дверь гардеробной? — спросил он. — Это избавило бы нас обоих от неприятностей.

— Помолчи-ка!

— Что? — Доминик ушам своим не поверил.

— Я не слышу, что говорит Джастин, когда ты все время бормочешь у меня за спиной. По-моему, он предлагает мне выйти за него замуж.

Доминик остановился как вкопанный, пораженный тем, как высоко ставила эта девушка свою особу. Видно, не слишком-то серьезно она восприняла его угрозу — из-за того поцелуя под дождем, надо думать. Он снова посмотрел на ее очень привлекательную фигуру и вдруг почувствовал, что от игривого тона ее голоса его начинает весьма некстати бросать в жар.

Хлоя высунулась в окно еще дальше, засмеялась и вдруг произнесла шепотом:

— Награду? А какую именно ты хотел? Ах, ну конечно, я вас не забыла. Но что вы здесь делаете?

— Разве не понятно, что он здесь делает? — прошипел Доминик ей в ухо. — Этот мальчишка вас обольщает. Вот было бы славно, если бы каждый мужчина бросал в окна комья грязи, чтобы завоевать сердце женщины. Грязь мигом исчезла бы. Вместо нее пришлось бы использовать утиные яйца. Или бильярдные шары.

Хлоя посмотрела на него краешком глаза.

— Не могли бы вы помолчать?

— Это вы меня просите? — Доминик прижал руки к сердцу. — Попросите лучше своего Ромео!

— Что вы сказали, Хлоя? — довольно громко произнес Джастин, сбитый с толку. — Я ничего не понимаю. Может, спуститесь в сад, и мы поговорим? Я посвятил вам поэму.

— Поэму! — шепотом воскликнул Доминик, воздев руки к небу.

Голова у него кружилась. Плечо кровоточило. Неужели ему придется слушать вирши деревенского олуха?

— А что? Я люблю поэзию, — заметила Хлоя.

— А я — нет, — отрезал Доминик.

— Тогда уходите, — шепнула она, облокотившись о подоконник. — Джастин, может, утром зайдете?

— Утром? — отозвался Джастин. В его голосе звучало отчаяние. — Не знаю, доживу ли я до утра, Хлоя, не видя вас!

— Я тоже, — мрачно шепнул Доминик.

Хлоя побарабанила пальцами по подоконнику: и тихо произнесла:

— И я, — после чего обратилась к Джастину: — Ах, Джастин, принесите свою поэму после завтрака. Сейчас я не в настроении слушать ее.

Трудно было не заметить печальные нотки в голосе Хлои, не говоря уже о выпуклостях ее фигуры, когда она высунулась в окно, чтобы перемолвиться словечком со своим обожателем. И мертвый бы заметил, тем более такой «мертвый», как Доминик.

Он снова вспомнил о корсете, валявшемся на кровати. Неудивительно, что братья сослали девчонку в деревню. Впрочем, даже в неприступном замке в итальянских Альпах у этой барышни были на уме одни проказы. Что до добра ее не доведет.

Уже одно то, что эта девица заинтересовала Джастина, лорда Сент-Джона, самого завидного жениха в Чизлбери теперь, когда сам Доминик покинул мир живых, служило неопровержимым доказательством его предположений. Но ведь Джастин помолвлен с наследницей Сеймуров, глуповатой барышней, которая двух слов связать не может? Тогда какого черта мальчишка околачивается под окнами прекрасной лондонской изгнанницы, пытаясь заманить ее в темный сад?

— Я проделал неблизкий путь, чтобы повидать вас, Хлоя, — голос Джастина из темноты сада. — Неужели вы не можете выйти хотя бы на минутку поговорить со мной?

— Не вздумайте соглашаться на столь неприличное предложение, — прошептал Доминик, наклонившись к Хлое.

— Это почему же? — прошептана она в ответ, явно возмущенная его вмешательством. — На ваши предложения я соглашаюсь.

Юный лорд внизу в тревоге отступил на шаг.

— Хлоя, неужели у вас в спальне мужчина?

— Скажите ему, что да, — прошептал Доминик. — Что у вас любовник, очень ревнивый иностранец, который только и знает, что дерется на дуэлях.

— Может, вы оставите меня в покое? — сердито шепнула Хлоя.

— Что вы сказали? Мне послышался мужской голос.

Увы! Ее надежды на роман с Джастином рушатся на глазах. В прошлом не раз ее привлекали неподходящие кавалеры. Причину Хлоя видела в том, что впала в депрессию после смерти отца и младшего брата, Брэндона.

Ей вовсе не хотелось причинять огорчения семье или же порочить свое имя, но порой ее охватывало отчаяние, переходившее в безразличие. Брэндона убили в начале прошлого года, а отец умер от сердечного приступа пять месяцев спустя, когда весть о кончине сына достигла загородного дома, где они с Хлоей как раз гостили. Это было настоящим потрясением: узнать о гибели младшего брата и быть свидетельницей кончины отца.

Хлоя так и не оправилась от этого потрясения. И вряд ли когда-нибудь оправится. Не то чтобы у них с отцом были очень уж близкие отношения. Отец жил своей жизнью, совсем отдалился от детей после смерти жены восемь лет назад — Хлое было двенадцать.

Мир для Хлои померк, и влипнуть в истории стало для нее своеобразным способом напомнить самой себе, что она все еще жива. В некотором смысле она была призраком, так же как и мужчина, державший ее в плену.

Хлоя не смогла бы объяснить, почему питает симпатию к человеку, грозившему ее погубить, вместо того чтобы биться в истерике от ужаса.

Потому-то Хлоя была необычайно горда собой, когда ей удалось привлечь внимание беззаботного Джастина на деревенском балу. У них не было ничего общего. Он происходил из приличной семьи, не пил, не играл и, судя по всему, не имел ни малейшей склонности связываться в рискованные предприятия, если его появление под ее окном не считать таковым.

Ее братья торжественно поклялись подыскать Хлое жениха еще до конца года. Они с Джастином вполне могли бы составить прекрасную пару, если он и в самом деле был таким, каким казался.

И если бы этот ехидный черт не торчал у нее за спиной и не портил все дело.

— Это не мужчина, Джастин, — произнесла Хлоя. — Это мой дядя Хэмфри.

Видимо, одного упоминания имени дюжего баронета оказалось достаточно, чтобы

Джастин оставил всякую надежду на успешное полуночное совращение столичной прелестницы. Он послал Хлое множество воздушных поцелуев и растворился во тьме. Доминик со злобным удовлетворением посмотрел мальчишке вслед.

— Что за напыщенный дурак.

Хлоя резко повернулась и посмотрела на него.

— Надо было дать ему шанс прийти мне на выручку. Я...

Тут Хлоя заметила, что Доминик ее не слушает. Он смотрел в окно на свое поместье с такой страстью во взоре, что в сердце ее шевельнулось недоброе предчувствие.

— Что случилось? — прошептала Хлоя. — Вы увидели своего преследователя?

— Не волнуйтесь. Он потерял мой след еще в лесу.

— Не волнуйтесь?!

Доминик перевел на нее взгляд, на мгновение отвлекшись от своих мыслей — что отрицать, его влекло к этой девушке. Неудивительно, что мужчины срывают с ее губ поцелуи и слоняются по ночам под окнами ее спальни. Он несколько не сомневался, что, если бы не его вмешательство, барышня в данный момент млела бы в объятиях своего поклонника в саду.

— Это был мой егерь. Он принял меня за браконьера и преследовал до самых границ поместья, — объяснил Доминик.

— Но почему вы не открылись егерю?

Доминик улыбнулся:

— Потому что в некотором смысле я и есть браконьер. Я проник в пределы поместья, чтобы расставить ловушку моему убийце. Финли малый не глупый, однако не узнал меня.

— Ничего удивительного, — бросила Хлоя, — принимая во внимание ваш непрезентабельный внешний вид. — Она поморщилась.

— Не всем же носить французские корсеты и украшать собой деревенские музыкальные вечера. Верно?

Хлоя посмотрела мимо него, на темный силуэт массивного дома елизаветинской эпохи. Он утверждает, что осведомлен обо всем. А то, что его любовница стала частой гостьей в поместье после его похорон, ему тоже известно? В обществе бытовала версия, что эта особа вводит сэра Эдгара, являвшегося наследником Доминика, в курс личных дел своего покойного любовника. Но люди, само собой, склонны предполагать худшее.

Тем более что не раз видели, как эта дама приезжает в поместье поздно ночью.

— А леди Терли знает, что вы живы? — спросила Хлоя.

— Нет, — резко ответил Доминик, дав ей понять, что дальнейшие расспросы излишни.

— Как это жестоко, не сообщить любящей вас женщине, что вы остались в живых.

Выражение его лица, когда он повернулся к ней, заставило Хлою умолкнуть. Она надеялась задеть его за живое, по его реакции угадать, каковы его истинные чувства, но, увидев на его лице выражение боли и душевной муки, поняла, что этот человек страдает.

— Любовь, — сказал он с напускной легкостью, — это отвратительное чувство, незаслуженно отнесенное к числу высоких стараниями поэтов и мечтательных дураков.

— Какое счастье, что не все люди придерживаются столь циничных взглядов, — помолчав, заметила Хлоя.

— Только те, кто имел несчастье быть зарезанным в собственной постели.

— Это верно, — согласилась она, — но ведь ваша возлюбленная к этому непричастна?

И снова его молчание оказалось красноречивее слов и открыло больше, чем Хлое

хотелось бы знать. Неужели леди Терли была замешана в покушении на убийство? Невозможно! Сама мысль о том, что женщина из хорошей семьи, лежа в постели с любовником, знала, что его вот-вот зарежут, поистине чудовищна. Хлоя решила, что горькие подозрения у Доминика возникли из-за его циничных взглядов.

— А ведь ваш брат воевал вместе с моим братом Брэндоном, — заметила Хлоя, чтобы сменить тему. — Хит говорил, что вы расследовали обстоятельства той роковой стычки в Непале.

На лицо Доминика набежала тень.

— Да, — бросил он.

— Что вам известно об их гибели?

— Почти ничего, помимо того, что известно всем, — ответил Доминик уклончиво.

Ей и самой приходила мысль, что с гибелью Брэндона что-то нечисто, что не только повстанцы в ней виноваты. Девушка подозревала, что братья скрывают от нее правду.

— Вам что-то известно, — заметила она.

— Мне известно одно, — сказал он, отойдя от окна, — я и так наговорил вам много лишнего.

— Расскажите. Может, я смогу вам помочь.

— Рассказывать нечего, — отрезал Доминик.

Однако интуиция подсказывала Хлое, что это не так.

И чтобы узнать правду, Хлоя готова помочь наглому Стрэтфилдскому Призраку. Брэндон был ей не только братом, но и самым близким другом.

Однако Призрак не собирался раскрывать тайны каждому встречному и поперечному. Оно и понятно. Хлоя даже пожалела бы его, если б не чудовищная беспардонность, с которой он вторгся в ее жизнь. Вот и сейчас — как ни в чем не бывало роется в ее сундуке, где лежат интимные предметы дамского туалета.

— Что вы делаете?

— Ищу халат. А то в этом вы представляете собой отвлекающий фактор такой силы, что мужчине в моем ослабленном состоянии очень трудно его игнорировать.

Хлоя примолкла. Его наглое заявление достойно внимания. В сущности, Доминик признался в том, что находит ее привлекательной. Правда, заявил, что не позволит этому обстоятельству стать на его пути.

— А чем плох халат, который на мне? Я его купила всего-то месяц назад.

Он поднял на нее глаза и ответил без обиняков:

— Благодарите Бога за то, что сегодня туман. Если бы ваш придурковатый воздыхатель как следует разглядел вас в этом халате, вмиг вскарабкался бы по дереву, не хуже любой обезьяны, и залез в окно. А с мужчиной я не стал бы церемониться, как с вами.

— Хороши церемонии, — промолвила Хлоя.

Опустившись рядом с ним на колени, чтобы спасти свой любимый веер, который он держал в руках.

— Если бы вы не стояли у меня над душой и не корчили рожи, может, я и оделась бы попростойнее.

— А вы бы вышли к нему в сад, если бы меня не было рядом? Правы были ваши братья, отправив вас в эту глухомань.

Хлоя изо всех сил сжала веер.

— Меня отправили в деревню потому, что я нездорова, подвержена простудам.

— Вас застали, когда вы целовались с каким-то бароном.

«Этого человека не проведешь», — подумала Хлоя.

— С чего вы взяли?

— Главное, что мне это доподлинно известно.

Доминик захлопнул крышку сундука. Его знобило. Открывшаяся рана стала воспаляться. Без помощи Хлои не обойтись, это ясно. К тому же необходимо уговорить эту девицу соблюдать осторожность, иначе она разрушит все его планы. Но знает ли эта барышня, что такое осторожность?

И можно ли ей доверять?

Он допустил большую ошибку, заговорив о ее брате. Как быстро она сообразила, что у него есть некоторые подозрения! Теперь ее уже не обмануть. Да, Доминик имел кое-какую информацию, свидетельствующую о том, что и Брэндон, и его собственный младший брат пали жертвой жестокого заговора. Доминик не собирался принять версию о нападении гуркхских повстанцев, выдвинутую Ост-Индской компанией. Но мог ли он обосновать свои подозрения? Пока не мог.

Ну что, черт возьми, ему делать с этой барышней?

Доминик медленно поднялся на ноги, остро ощущая, что она внимательно следит за каждым его движением, как если бы он был раненым животным. Ничего удивительного. За прошедший месяц он действительно стал походить на животное, действовал в основном движимый инстинктом. Он взял ее руки в свои и почувствовал, что она подняла на него глаза. Ее пальцы были теплыми и сильными, и они пытались вырваться из его рук.

— Посмотрите на меня.

В бытность свою защитником женского пола, он бы лелеял и берег этот огонь невинности. Дьявол в облике человека, в которого он превратился, желал пошуровать в угольях так, чтобы она вспыхнула.

— Могу я довериться вам? — Он сжал ее пальцы.

— Не знаю.

Это был честный ответ, который сильно его огорчил. Ведь ему больше некому довериться. Значит, надежды никакой. Все его планы рухнули. Любой ценой он должен заставить Хлою помочь ему. До того момента, когда придет пора раскрыть всем имя его убийцы. Возможно, придется спрятать барышню. Малопривлекательная перспектива для обоих.

— Неужели я не заслуживаю вашей дружбы? — спросил он.

— Вряд ли я стану другом тому, кто вломился в мою спальню, повалил меня на кровать и шантажирует в придачу.

— Тогда помогите мне по-соседски.

— А вы расскажете мне о том, что узнали о смерти Брэндона.

Рассказать ей эту тайну значило собственными руками разрушить созданный им хитроумный заговор! Кроме того, узнай Хлоя правду, она может невольно навлечь на себя смертельную опасность, а этого Доминик не мог допустить.

— Пока не стану. И не искушайте меня. Я не могу раскрыть вам тайну, которую рассчитываю использовать для того, чтобы отомстить за его смерть.

Она кивнула.

— Вы уже достаточно сказали. И я готова вам помочь.

— Вы поможете мне, если выполните то, о чем я вас попрошу.

— А я могу вам довериться?

— Не знаю, — ответил Доминик и вдруг сказал: — Ничего удивительного.

— Что вы имеете в виду? — прошептала Хлоя, догадавшись, куда он клонит.

— Ничего удивительного, что ваш барон пошел на такой риск ради поцелуя в парке. Я не забыл тот день, когда мы впервые встретились.

В глазах ее сверкнул ответный огонек желания. Его губы скользнули по кромке ее ушной раковины, руки сомкнулись на талии. Он остановился, выжидательно глядя на нее. Но она замерла. Запах женщины исподволь рушил его оборону. Месяц назад в жизни его произошел крутой поворот. Очень близкий человек предал его. И уничтожил в нем способность верить людям. А теперь он собирается завести роман с сестрой аристократа, которого искренне уважал.

Нет, он не станет ее губить. Упаси Бог. Но какую иную роль он может сыграть? Хлоя будила в его угасшей душе искру надежды; ее жизнелюбие и идеализм были ему близки, он и сам был когда-то таким. Верит ли эта барышня в любовь? Верит ли в то, что счастливый конец бывает не только в сказках? Сколько раз с ее сладостных губ срывали поцелуи под тихий шепот в темноте? Сколько полуночных свиданий ей предстоит пережить, прежде чем ее иллюзии наконец развеются?

Нет, не его это дело — разрушать мечты, которые поселил в ее душе большой свет. Может, барышне посчастливится больше, чем ему самому.

— Вы опять целуете меня, — прошептала Хлоя.

— Да, не могу удержаться. — Он почувствовал, что по ее телу пробежала дрожь.

— А я думала, вы собираетесь меня убить.

— Разве это похоже на убийство? — прошептал он, слегка касаясь губами ее губ.

— Я знала, что вы не убьете меня, не причините мне вреда.

Она положила ладони ему на грудь. Ее прикосновение доставило ему огромное наслаждение. Тепло ее тела, нежный аромат душистого мыла, восхитительный запах кожи. Она была как целительный бальзам, как убежище, а вовсе не героиня мимолетного романа. Нежность и утешение в мире мрака и предательства. Она напомнила ему о той жизни, какой он жил прежде и какой ему хотелось зажить опять.

Он поцеловал ее крепче, лишив возможности сопротивляться и дышать. Разумеется, для нее это был отнюдь не первый опыт такого рода, но куртизанкой она тоже не была, так что у них не было будущего, с тем же успехом он мог попытаться поймать одну из бабочек, вышитых на ее халате. И все же ее тело было таким теплым, таким отзывчивым, таким роскошным и податливым, что Доминик с ума сходил от желания обладать ею.

Его изголодавшееся сердце не могло отразить этой внезапной атаки. Почти месяц он не позволял себе никаких чувств, кроме ненависти. А шелковая ткань халата подчеркивала округлость ее груди и ягодиц, казалось, одной чувственности хватило бы, чтобы вернуть его из мира мертвых.

Краем глаза он заметил какое-то движение на дворе. Тень пробежала, или кошка на дерево влезла. Что бы это ни было, Доминик не собирался рисковать. А потому схватил ее за локти, повалил на пол и придавил своим телом.

Хлоя дернула головой, спросила сердито:

— Что вы делаете?

— Окно. Нас могут увидеть.

Хлоя заелозила под ним, пытаясь запахнуть полы халаты. Мышцы у него в паху напряглись, и он сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем сумел совладать с

охватившим его возбуждением. Уже несколько недель он не прикасался к женщине, а к этой девушке его так влекло, что лишь огромным усилием воли ему удалось сдержаться.

Он не знал, как следует воспринимать эту девушку, да и себя самого тоже. Не был готов так вот с ходу признаться, что после одного поцелуя возбуждился, словно неопытный подросток. Но, черт возьми, она права. Всем своим телом он ощущал собственную немощь. Несколько дней кряду он не спал, следил за тем, что происходит в доме, прислушиваясь к каждому шороху.

Если Хлоя Боскасл настолько же умна, насколько хороша собой, не исключено, что он попал из огня да в полымя.

Хлоя боялась шелохнуться, она не понимала, что происходит, не знала, как ей следует реагировать на происходящее. Если он поцеловал ее только для того, чтобы показать, до чего она неопытна, ей нечего сказать. Ее губы словно звенели от прикосновения его губ, странно, но Хлоя его больше не боялась. Какая-то непостижимая близость возникла между ней и этим мужчиной. Но поцелуи здесь ни при чем, решила Хлоя. Это потому, что она стала невольной соучастницей его планов. Но разве могла Хлоя относиться с ненавистью к человеку, который хотел отомстить за смерть Брэндона?

Конечно, безнравственно с ее стороны позволить ему еще раз поцеловать себя, она по-прежнему думала о нем как о человеке, некогда спасшем ее от ливня.

Так кто же он? Сэр Галахад или озлобленный призрак? Опасен он или нет? Конечно, опасен. Стоило посмотреть на выражение его лица, чтобы убедиться в этом.

Это выражение не изменилось, даже когда он повалил ее на ворох муслиновых нижних юбок. Положение было хуже не придумаешь, но светские приличия помогли им преодолеть минутную неловкость и сделать вид, будто они беседуют в гостиной, а не валяются на куче дамского белья в гардеробной. Хлоя запахла полы халата.

— Что теперь? — спросила она.

Доминик привалился здоровым плечом к сундуку и посмотрел в окно.

— Сам не знаю. — И вздрогнул всем телом, потому что Хлоя в этот момент склонилась над ним и ее нежные пальцы коснулись его груди. — Эй, что вы затеяли?

— Какая наглость — задавать мне подобные вопросы после всего, что вы вытворяли, — заметила Хлоя кротко.

Доминик, чертыхнувшись, сел, а Хлоя принялась проворно расстегивать ему рубашку, касаясь пальчиками его разгоряченного тела.

— Больно, — поморщился Доминик, — могли бы сами догадаться. К тому же не припомню, чтобы я разрешил раздевать себя.

— Я, кстати, тоже не давала разрешения вваливаться в мою спальню и уж тем более целовать меня.

Хлоя поморщилась и закусил губу, когда сняла импровизированную повязку. Все плечо и верхняя часть груди были в едва затянувшихся кинжальных ранах. Как только он остался жив? Убийца явно метил в сердце.

— Малопривлекательное зрелище, не правда ли? — подал голос Доминик.

— Хирург, который занимался вашей раной, мастерски наложил швы, — заметила Хлоя. — Сомневаюсь, однако, что он похвалил бы вас за то, что вы испортили его рукоделие, не ко времени развив такую активность.

— На швы ушло несколько часов.

— Я уже говорила, что вам необходим врач. Раны воспалены.

— Никаких врачей.

— И что прикажете мне делать, если умрете у меня на руках? — выпалила она, потеряв терпение.

— Выбросите мое брэнное тело из окна.

— А вы не подумали, что произойдет со мной, если обнаружится, что я прячу у себя в спальне мертвое тело?

— Или же что вы целовались с мертвецом? Впрочем, пусть это останется нашей тайной. Тайной до гроба.

— Не смейте отшучиваться, Стрэтфилд! В этом случае меня тотчас же отдадут замуж за какого-нибудь старого беззубого деревенского сквайра.

— Да, это похуже смерти. Леди Хлоя Боскасл, приговоренная к пожизненной деревенской идиллии. Зато скольких коров и ворон вы сможете здесь очаровать на просторе!

— Теперь я понимаю того, кто решил вас убить, — мрачно заметила Хлоя.

— А вам не кажется, дорогая, что поздновато тревожиться о таком пустяке, как девичья репутация? И уж кто-кто, а я не причастен к вашему изгнанию из лондонского света.

Хлоя глубоко вздохнула, стараясь справиться с гневом.

— Если вас обнаружат в моей спальне, меня сошлют в Тасманию.

— Леди Хлоя в окружении всех этих гнусных каторжников? Какой ужас! Мы этого не допустим.

— А что, каторжник еще хуже, чем труп?

— Смотря чей труп. Следует ли расценивать вашу озабоченность этим вопросом как знак того, что вы всерьез вознамерились исправиться?

— Да, это так. Если, конечно, вы все не испортите. — Она не опустила глаз под его вызывающим взглядом.

Он закинул руку за голову и чертыхнулся от поразившей его боли.

— Я вполне серьезно. А теперь скажите, кто лучше целуется. Я или барон, с которым вас застали за каретой?

Голос у него срывался от боли. Ему необходима медицинская помощь. Вот только как протащить сюда тайком врача? Задача не из легких.

— Не знаю. Это вас не касается.

Он ухмыльнулся, и ухмылка его была поистине дьявольской для человека, страдающего от боли.

— Осмелюсь предположить, что мой поцелуй лучше.

«Еще бы!» — подумала Хлоя.

Когда она целовалась с бароном, ее тело не полыхало огнем, по спине не бежали мурашки.

Ее поймали на месте преступления. Интересно, как бы среагировали ее многострадальные родственники, если бы увидели ее в данный момент?

Хлоя поднялась на ноги, отметив про себя, что он не попытался ее остановить. Неужели он так ослабел от боли? Может, все эти фривольные замечания он отпускал с единственной целью — скрыть, насколько ему худо?

— Ваш поцелуй, — произнесла Хлоя, глядя на него сверху вниз, — был много-много хуже.

У Доминика хватило наглости рассмеяться ей в лицо.

— Ничего подобного. Вы помните, как его зовут?

— Кого?

— Ну вот, уже забыла.

— Когда вы собираетесь уйти отсюда? — спросила Хлоя, готовая придушить этого нахала.

— Через день-два.

— Через день-два? — Это был крик ужаса.

Он нахмурился.

— Я попросил бы вас говорить потише. Кстати, не одолжите ли мне одеяло на ночь? Я буду спать здесь, во имя соблюдения приличий.

— Какое уж тут соблюдение приличий, — буркнула она.

Можно подумать, этот человек всю жизнь только тем и занимался, что соблюдал приличия. Хорошо, что воспитание она получила среди юных Боскаслов мужского пола, а то, пожалуй, упала бы в обморок.

— Вы что, собрались спать на полу?

— А вы хотите пригласить меня в свою постель?

— Ни за что!

— А я и не просил.

Хлоя смотрела на лежавшего на полу мужчину, не зная, что ей с ним делать.

— Надо перевязать рану.

— Хотите помочь — перестаньте трещать и оставьте меня в покое. — Он пошарил по полу рукой позади себя.

Хлоя догадалась, что это упрямое чудовище попросту не хочет, чтобы она видела, как ему больно.

— А ваш шалунишка братец не имеет обыкновения выпивать стаканчик-другой бренди, когда посещает вас?

— У меня тут не питейное заведение, сэр.

— А это что такое, черт возьми? — Доминик нахмурился, вытащив из-под себя морскую подзорную трубу — Ваша?

— Это собственность родственника моего дяди. Я ее позаимствовала. — Можно было только надеяться, что он не заметит виноватого, смущенного выражения, которое появилось в ее глазах.

По правде говоря, они с Памелой протащили сюда подзорную трубу контрабандой, чтобы наблюдать за лесом и не пропустить появления Девона.

Ну, и чтобы, развлечения ради, понаблюдать за домом Стрэтфилдов — вдруг появится это знаменитый призрак?

— Позаимствовали, значит. Подзорную трубу, — проговорил он бесстрастно. — Зачем?

— Чтобы наблюдать за птицами.

— За птицами?

— Я, кажется, ясно выразилась.

Он скрипнул зубами.

— Ложитесь-ка в постель. Укройте одеялом с головой. А меня оставьте наедине с моими бедами. Если утром обнаружите мой хладный труп, визжите на весь дом и симулируйте обморок. Но если до утра я не умру и вы хоть единой живой душе проговоритесь, что я здесь, пеняйте на себя, я вас предупреждал.

Хлоя и бровью не повела. За последние двадцать минут все круто изменилось. Он

больше не контролирует ситуацию. Контролирует она. Она могла бы выйти из комнаты и позвать на помощь. Могла бы связать своими чулками этого типа, захватившего ее силой, и всласть поизмываться над ним.

Его отяжелевшие веки опустились. Вид у него был болезненный. Она попятилась от него, нащупала ручку двери. Наглый хам, настоящая скотина. Зверь, ревуший от боли. Понимал он это или нет, но она не была больше его пленницей. Теперь он был у нее в плену.

Хлоя смотрела и смотрела на тени, скользящие по потолку, пока не стало светать. Что же будет, если она откажется помогать? Не только с ней, но и с ним? Возможные варианты развития событий, малоутешительные, мелькали в ее голове, не давая уснуть. Да, он запугивал ее, пытался шантажировать, но у Хлои не хватало духу отвернуться от человека, равного ей по рождению и настрадавшегося так, как настрадался он. Пусть даже сам был причиной своих бед.

Не так давно этот человек был уважаемым членом общества. Дружил с ее братьями. Помог ей, когда она провалилась в лужу. Пусть даже он вел себя не по-джентльменски, отпетым негодяем его нельзя было назвать. Он не способен был уложить женщину в постель под дулом пистолета.

Уснуть Хлоя не могла. Он ведь тоже не спал в гардеробной, Хлоя видела это собственными глазами, поскольку раз десять потихоньку заглянула к нему, втайне надеясь, что незваный гость исчез, избавив ее от необходимости принимать решения. Но он по-прежнему лежит, раскинувшись на ворохе ее нижнего белья, и когда Хлоя смотрела на него, у нее начинало сосать под ложечкой.

Какая-то ее часть желала помчаться вниз, как поступила бы на ее месте любая леди. Но другая ее часть, та самая, из-за которой Хлоя вечно впутывалась в неприятности, желала его укрыть.

Взгляд его, казалось, способен проникнуть сквозь непроницаемую тьму. И под этим взглядом Хлоя чувствовала, что не так уж ей легко контролировать ситуацию.

Она подошла к гардеробной и открыла дверь.

— Хлоя! — Он поманил ее легким взмахом изящной кисти.

— Что? — отозвалась девушка шепотом, продолжая стоять в дверях и не сводя глаз с его обнаженной груди.

Она заметила, что он стянул с себя рубашку и отбросил одеяло, которым она его укутала.

Хлоя увидела подживающие раны и швы. Как мог человек сотворить подобное с человеком? Чем заслужил Доминик такую страшную месть?

Он нахмурился.

— Который час?

— Скоро пять. — Она покосилась на окно. — Если хотите уйти незамеченным, не медлите, уходите прямо сейчас. Дэнни очень рано встает объезжать лошадей и...

Она не договорила — послышался топот копыт по мягкому дерну пастбища, эхом отозвавшись по всему поместью. Теперь ему не уйти до ночи.

— Ну что же мне с вами делать? — вырвалось у нее.

Губы его тронула мрачная усмешка. Он с трудом сел, привалившись спиной к сундуку. Подзорная труба лежала у него на коленях.

— Для начала принесите чистой воды. А попозже, когда появится возможность, придете и побреете меня и принесете все необходимое. Я тут список составил.

Она в ужасе уставилась на него:

— Побрить вас?!

— Ну да, побрить. Только не перережьте мне горло и запахните, пожалуйста, ваш халат.

— Мой... — Хлоя опустила глаза и увидела, что одна грудь ее обнажена.

Увидев, как блеснули его глаза, ей следовало радоваться, что незванный гость сейчас недееспособен. Но ей почему-то не очень хотелось проверять это.

— Не то чтобы я возражал, — добавил он негромко, — На самом деле очень милое зрелище. Приятно такое увидеть, проснувшись поутру.

— Настоящий джентльмен сделал бы вид, будто ничего не заметил.

— Ну разве не славно, что я имел возможность отбросить эти глупые условности, покинув мир живых?

— Ничего хорошего в этом не вижу, — заметила Хлоя, нахмурившись.

Он окинул ее взглядом и снова привалился к сундуку.

— Может, вы согласитесь организовать мое воскрешение, когда придет время?

На языке Хлои вертелся хлесткий ответ, но она промолчала. Девушка мало что смыслила в ранах, но видела, что Доминик старается скрыть, как ему плохо. Повинуясь порыву, Хлоя опустилась рядом с ним на колени и коснулась ладонью его лба. Лоб был горячий.

Доминик застонал. И к немалому ее удивлению, прижался лбом к ее ладони.

— Нежные руки, — прошептал он. — Неужели эти руки способны причинить боль?

Хлоя вспомнила, сколько раз она, держа в этих руках деревянный меч, лупила почем зря своих братьев по задницам.

— Нет, конечно, — солгала она.

Он остановил на ней взгляд своих серых глаз, и у Хлои все сжалось внутри.

— Разумеется, леди Хлоя. Женщина с такими нежными руками может доставлять только наслаждение. Я рад, что вы согласились выполнить то, о чем я просил.

«С чего он взял, что я согласилась?» Хлоя поднялась с колен и окинула быстрым взглядом гардеробную. Крупное тело Доминика, раскинувшееся на полу, занимало практически половину помещения. Вторая половина выглядела как после оргии. Муфты, шали, перчатки и туфли были разбросаны. Если бы это увидела тетя, на месте испустила бы дух.

Хлоя и сама не была уверена, что переживет это. Чем скорее она выпроводит свалившегося на ее голову призрака, тем лучше.

— Ну идите же, — сказал он ворчливо. — Что стоите и смотрите? — И тут же: — Нет погодите. Вы обычно встаете в такую рань?

— Нет, конечно! Я сплю до полудня, потом выпиваю три чашки шоколада в постели и час-другой трачу на то, чтобы ответить на письма поклонников. Иногда приходит горничная делать мне прическу, иногда я принимаю теплую ванну с розовым маслом, а горничная массирует мне пальцы ног.

— Неужели барышням приходится, переделывать столько дел в один день? Бедняжка! Полагаю, вы порой в полном изнеможении.

Хлоя прищурилась:

— Осмелюсь заметить, обижать того, в чьей власти находишься, не очень разумно.

— Отлично сказано, — парировал он, нагло ухмыльнувшись. — Не забывайте повторять это себе всякий раз, когда в голову вам придет предательская мыслишка выдать меня. Если вы это сделаете, я из-под земли вас достану. Ну а сейчас занимайтесь какими-нибудь пустяками до тех пор, пока можно будет без опаски заняться делами.

Хлоя покосилась на окно:

— То есть как, без опаски? Полагаете, этот ваш убийца может и на меня напасть?

— Говоря «без опаски», я имел в виду, что вам не стоит привлекать внимание какими-нибудь экстравагантными поступками. Лучше воздержаться от прогулок в лесу, а также не вести разговоров с незнакомыми.

При чем тут лес, размышляла Хлоя, пятясь к двери, если самый опасный из всех известных ей мужчин прячется в данный момент в ее гардеробной?

За завтраком Хлоя смотрела на расставленные на буфете аппетитные блюда, но внутри у нее все переворачивалось от волнения. От запаха копченой селедки ее стошнило. Поджаренный хлеб с маслом — комом стал в горле. А вот Стрэтфилд наверняка голоден. Надо взять для него сосисок со стола. Впрочем, нет. Лучше держать его на диете. Покормишь его, он еще сильнее станет.

— Хлоя, дорогая моя, ты же ни крошки не съела, — пожурела ее тетенька, театрально вздохнув. — Должно быть, эта кошмарная новость лишила тебя аппетита. Я просто потрясена.

Дядя Хэмфри покосился на Хлою поверх газеты и покачал головой. Видимо, дяди хотел ей дать понять, что «ужасные новости» не имеют отношения к Девону.

— Что еще за новости? — спросила Хлоя притворно равнодушным тоном. В Чизлбери возгорание сажи в печной трубе считалось катастрофой мирового масштаба.

— Стрэтфилдский Призрак нанес сегодня ночью новый удар.

Хлоя отбросила измятую салфетку. Сердце ее бешено забилося.

— Что?

Тетя Гвендолин кивнула.

— Он совратил еще одну невинную молодую особу, пока та спала.

От Хлои не ускользнуло, что дядя закатил глаза.

— Совратил...

— Господи Боже мой, Гвенни, — не выдержал дядя. — Не забивай ты ей голову этой чепухой с утра пораньше.

Тетя обиженно помолчала, но потом продолжила свой рассказ:

— Ребекка Пламли была совращена вчера ночью, тоже в собственной постели, Стрэтфилдским Призраком, — объявила она.

— Не может быть, — сказала Хлоя. Тетенька уверенно закивала:

— Есть свидетель.

— Замужнюю женщину под сорок вряд ли можно назвать невинной молодой особой, — буркнул дядя Хэмфри, не отрываясь от газеты. — Кроме того, Ребекка Пламли страшна как смертный грех. Вряд ли призрак польстился бы на нее.

Памела с улыбкой посмотрела на Хлою:

— Интересно, что по этому поводу говорит муж Ребекки.

— Он по вполне понятным причинам чувствует себя униженным, — ответила тетя Гвендолин. — Тем более что видел это собственными глазами. Это его я имела в виду, говоря о свидетеле.

Дядя Хэмфри оторвался от газеты.

— Хочешь сказать, что Освальд видел, как призрак вступает в сношения с его женой?

— Ну... — Тетя Гвендолин сделала очередную паузу. — Призрак, судя по всему, все же был невидим. Но Освальд отчетливо слышал, как его жена Ребекка воскликнула: «Ах, Стрэтфилд, Стрэтфилд! Прекрати сейчас же, нахал эдакий! Мне щекотно!» И да будет вам известно, в этот самый момент одеяло с простынями взвилось в воздух.

Глубокое молчание воцарилось в столовой. Сквозь приоткрытую дверь Хлоя увидела, как проходившая по коридору горничная остановилась как вкопанная, а рука ее с метелкой

для обметания пыли повисла над бюстом сэра Френсиса Дрейка, любимого героя дяди Хэмфри.

Дядя Хэмфри с досадой покачал головой:

— Перестань наконец повторять глупые выдумки очередной истерички, Гвенни! Стрэтфилд был достойным человеком и в расцвете своих мужских сил, когда его убили. Полагаю, бедняга перевернулся в гробу, когда ты предположила, будто ему захотелось пощекотать Ребекку Пламли...

Хлоя опустила глаза. Ее мучила совесть. Раны у виконта действительно были жуткие. Вдруг он не выживет? В этом случае его смерть будет на ее совести. Надо раздобыть для него какие-то лекарства. И отнести ему еду. В каком же рискованном положении она из-за него оказалась! Подумать только, еще недавно она мечтала о том, чтобы какое-нибудь приключение оживило ее скучную жизнь в изгнании, но то, что случилось с ней, никак нельзя назвать приключением. Неужели у него есть ключ к разгадке таинственной смерти Брэндона? Интересно, что стали бы делать в такой ситуации ее братья.

Молодые, склонные к риску, они наверняка присоединились бы к жаждавшему мести Стрэтфилду. Девушка не может себе такого позволить. А как поступила бы ее старшая сестра Эмма? Стала бы обучать виконта высокому искусству воздаяния? Потребовала бы, чтобы впредь он не входил в спальню барышни без стука?

Хлоя развернула салфетку у себя на коленях и, взяв со своей тарелки сосиски и гренки, незаметно завернула в нее.

— А подозревают кого-нибудь в убийстве виконта? — обратилась она к дяде Хэмфри. — По-моему, отыскать убийцу — сейчас самое важное.

Дядя отложил газету.

— Первая здравая мысль, высказанная за этим столом.

— Совершенно неуместная мысль, — оскорбилась тетя Гвендолин. — Вряд ли стоит говорить об убийствах с утра пораньше!

Ответом ей было молчание. Никто не хотел напоминать хозяйке дома, что она сама подняла эту жутковатую тему. Дядя Хэмфри снова скрылся за газетой, затем, выглянув из-за нее и многозначительно посмотрев на Хлою, проговорил:

— Все это весьма странно.

Хлоя подумала, что даже ее либерально мыслящий дядя пришел бы в ужас, узнай он, во что впуталась племянница — что она фактически провела ночь в обществе мужчины, причем с таким сложным характером, что не так давно кто-то попытался его зарезать. Однако мужчина нашел в себе силы встать из гроба, дабы отомстить покушающемуся на него негодяю.

Жители деревеньки Чизлбери разделились на тех, кто благоговел перед покойным виконтом, и тех, кто его презирал. Никто не удивился бы, узнав о том, что призрак покойника посетил леди Хлою Боскасл в глухую полночь. Все были бы едины во мнении: рыбак рыбака видит издалека...

И были бы правы.

После завтрака Хлоя, опасаясь выдать себя излишней поспешностью, тихонько спрятала еду в китайскую вазу и отправилась в сад прогуляться. Ноги сами привели ее на место своего последнего преступления — под окно собственной спальни. Мысль о том, что там прячется Доминик, снова повергла ее в панику. Надо найти способ выдворить его.

Но как это сделать? Он болен, беспомощен. И запретил ей звать врача — да и как бы

она сумела протащить врача к себе в спальню, не переполошив при этом весь дом, если не всю деревню? Хлою так и подмывало обратиться за советом к дяде. Но это могло разрушить все планы виконта, к тому же Хлоя обещала Доминику хранить тайну.

Поколебавшись, она повернула к конюшням. Может, стоит обратиться к аптекарю. Но если столичная барышня со скандальной репутацией попросит дать ей бальзаму для лечения колото-резаных ран, это наверняка вызовет подозрения.

— Доброе утро, леди Хлоя, — вежливо приветствовал девушку младший конюх, увидев племянницу хозяев в дверях конюшни. — Желаете прокатиться верхом сегодня прямо с утра?

Это вывело Хлою из транса. Молодой мускулистый парень старательно чистил гнедого Памелы. Хлоя вздохнула, припомнив, какую здоровенную, глубокую ссадину мерин получил с неделю назад, когда ему вздумалось лягнуть забор. Теперь на задних ногах мерина и следа не осталось от ссадины! Все зажило.

— Чем ты мазал ему ноги, Дэнни?

— Бальзамом на травах со всевозможными маслами, который я каждый год у цыган покупаю, миледи.

— Похоже, бальзам и правда целительный.

— Лучшего я не знаю. Я тоже им пользовался, после того как бился на кулаках на прошлой ярмарке. — Он вытер щеку локтем и ткнул скребницей в глиняную крынку на полке, рядом с которой стояла бутылка. — Что мазь, что вон то бодрящее средство — любой недуг вылечат.

Хлоя зачарованно уставилась на темно-зеленую бутылку. Хватит ли у нее храбрости? Впрочем, Доминик не оставил ей выбора.

Она подождала, пока Дэнни зайдет в стойло, и быстро отлила в стоявшую рядом пустую бутылку чудодейственный бальзам. Во рту у нее пересохло от волнения, когда она возвращалась в дом, чтобы забрать спрятанную еду. Если ее поймут с сосисками и вонючим цыганским зельем, она скажет, что нашла в лесу подраненное животное и хочет его спасти.

Это будет почти правда. Доминик Брекленд так же дик и опасен, как лесной зверь.

Сердце Хлои бешено колотилось, когда она вошла в спальню. Там стояла тишина. Может, виконт наконец ушел? Какое бы это было счастье! С того момента, как Хлоя обнаружила его в своей гардеробной, она не знала ни минуты покоя. Ведь неизвестно, чем все это кончится.

Она открыла дверь гардеробной. Виконт лежал в углу, одной рукой обхватив сундук. При виде его Хлоя как ни странно испытала облегчение. Глаза его лихорадочно блестели.

— Еще раз доброе утро, — проговорил он спокойно, чуть наклоняя голову. — Ну что, будете меня брить?

— А может, лучше придушить, — сердито ответила Хлоя.

Сидит тут и нагло отдает ей приказы, сохраняя при этом спокойствие, в то время как она вся извелась от тревоги.

— Никто никогда не причинял мне столько хлопот.

— Обоюдно, — бросил он. — Я вам, вы мне.

— И обоим придется за это расплачиваться, — заметила Хлоя, развернув салфетку. — Вот. Ешьте сосиски, а я пока осмотрю ваше плечо. И еще у меня есть бутылка бренди. Можете прибавить к списку моих прегрешений хищение имущества любимого дяди.

— А зачем вам осматривать мое плечо?

— Какой же вы подозрительный и неблагодарный! Я принесла мазь, которой лечили коня, — произнесла Хлоя. — Украла на конюшне, ни одна живая душа не видела. Ну, что скажете?

Он опустился на пол с кротким видом, однако губы его скривились в лукавой усмешке, как только она принялась расстегивать его рубашку.

— Не знаю, что и сказать. А если я тряхну гривой и издам громкое ржание, вы засчитаете мне это в качестве извинения?

Он больше не может оставаться рядом с ней.

Прошлой ночью оба не спали. Хлоя несколько раз заглядывала в гардеробную. Беспокоится о нем. Доминик притворился спящим. Как назло, в нем пробудилось желание, он даже испытывал к Хлое нежность, и его мучила совесть из-за того, что он втянул ее в ад, где пребывал сам. Всякий раз, как девушка склонялась над ним, он с трудом сдерживался, чтобы не уложить ее рядом с собой.

Ее тело прижмется к его разгоряченной от лихорадки коже — и окажется мягким, как бархат. И он сможет воплотить в жизнь эротические мечты.

И погубит и ее, и себя. Нельзя поддаваться искушению. Тем более что желал он не только плотской близости. Хлоя была умной, заботливой, обладала множеством прекрасных качеств.

— Мазь для лошадей, — задумчиво протянул Доминик. — Я рад, что ты такая находчивая.

— Радуйся, что остался жив. — Хлоя остановила на нем взгляд. — Тебе надо уходить отсюда, Стрэтфилд.

— Знаю.

Из коридора донесся приглушенный звук шагов — кто-то приближался к двери спальни. Хлоя быстро вложила бутылку в руку Доминика:

— Вышей это. Дядя ведет нас сегодня смотреть любительский спектакль в доме священника. Слуги наверняка соберутся в комнате экономки играть в карты, когда они остаются одни...

Она поймала на себе его пронзительный взгляд и обомлела.

— Если фортуна окажется благосклонна и нам доведется свидеться снова, леди Хлоя, то, надеюсь, это произойдет при обстоятельствах, которые позволят нам закончить то, что едва началось между нами.

— Не понимаю, о чем вы.

Хлоя понимала. Она растерянно смолкла, ее пальцы замерли на его плече. Значит, она равнодушна к нему.

— Я вот об этом, — сказал он.

Доминик взял ее за подбородок и наклонился, чтобы поцеловать ее. Тихий вздох сорвался с ее губ, она изогнулась навстречу ему, пылая от страсти. Хорошо, что в настоящий момент он не может обладать ею. Чем крепче будет его связь с Хлоей Боскасл, тем труднее ему будет управлять своей собственной жизнью. Эта девушка способна покорить сердце любого мужчины.

Он ткнулся лицом в ее теплую шею, провел ладонью по ее спине.

— Держись подальше от леса, Хлоя. На свете существуют люди, которые гораздо порочней, чем мы с тобой.

Местные энтузиасты поставили «Гамлета» в доме священника. Играли так скверно, что Хлоя едва сдерживала смех. К тому же она вообще не могла сосредоточиться на пьесе. Всякое упоминание о тени отца Гамлета наводило на мысль о собственной спальне с призраком.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Во время диалога могильщиков по зрительному залу пробежал шепоток. Хлоя повернула голову и увидела подтянутого темноволосого джентльмена в плаще, который занял место в первом ряду.

Полковник сэр Эдгар Уильямс, дядя ее рыцаря Галахада и, по общему мнению, наследник. По крайней мере у него хватило ума не являться в общество под руку с любовницей своего покойного племянника. Впрочем, возможно, дама уже покинула здешние места. О ней ничего не было слышно в последнее время, и Хлоя стала сомневаться, заслужила ли эта особа ненависть, которую питал к ней Доминик. В оправдание дамы можно сказать, что любовницу нельзя упрекать в неверности, если ей неизвестно, что покойный любовник жив.

— Господи, дай мне сил, — пробормотала тетя Гвендолин, приподнимая бровь. — Надеюсь, мне удастся уговорить дядю виконта сделать скромное пожертвование на нужды нашего прихода. Племянник, царство ему небесное, несмотря на все свои пороки, жертвовал щедро.

— Тише, дорогая, — шепнул дядя Хэмфри. — Не хотелось бы пропустить хоть слово столь блистательного представления. И все равно сэр Эдгар еще некоторое время не сможет вступить во владение унаследованным имением. Сначала придется уладить кое-какие юридические формальности.

В этот самый момент Гамлет на сцене выронил череп Йорика из рук, да так ловко, что череп угодил прямо одному из могильщиков на макушку. Перепуганный могильщик рванулся, чертыхнулся, и публика разразилась смехом. Сэр Эдгар тоже рассмеялся, даже

заплодировал, но тут взгляд его наткнулся на Хлою рядом с тетенькой.

Сэр Эдгар склонил голову в знак того, что узнал их, после чего снова устремил взгляд на сцену. У Хлои по спине побежали мурашки. Этот задумчивый, вопрошающий взгляд, лицо с сильными чертами.

— Тип, на которого ты пялишься, приходится дядей нашему Призраку, — шепнула ей Памела, прикрываясь веером.

Хлоя вздрогнула. У этого человека действительно есть сходство с Домиником, но он какой-то вялый, безжизненный. Он старше Доминика, сдержаннее, напыщеннее, типичный военный.

— Как ты думаешь, почему он порвал с любовницей нашего Призрака, а? — прищурившись, спросила Памела. — Если это действительно так.

Хлоя не успела ответить. Ее внимание привлек появившийся в зале лорд Сент-Джон. Заметив Хлою, лорд расплылся в улыбке, даже не взглянув на сцену.

— Не знаю, — прошептала Хлоя в ответ на вопрос Памелы и снова стала смотреть на сцену, хотя происходящее в зале было гораздо интереснее. — Полагаю, полковник просто не пожелал шокировать местное деревенское общество, явившись на любительский спектакль с любовницей Призрака.

— А может, потому, что оба причастны к убийству, — едва слышно произнесла Памела.

— Что ты сказала? — Хюя была потрясена.

— Это предположение, — зашептала Памела, ежась под неодобрительным взглядом матери. — И все же я очень надеюсь, что убийцу виконта найдут в скором времени. Потому что я себя чувствую в безопасности только дома, за запертой дверью. А еще лучше — в моей гардеробной.

Хлоя изо всех сил старалась ничем не выдать себя. Если бы Памела и тетюшка знали, кто скрывался в их запертом накрепко доме в данный момент, и именно в гардеробной, они бы навсегда потеряли покой. Им в голову не могло прийти, что их печально знаменитую гостью из Лондона едва не соблазнил местный деревенский призрак.

Хлою бросило в жар при воспоминании о том, как близка она была к искушению. Дрожащей рукой Хлоя раскрыла веер и стала обмахивать пылающее лицо. Доминик прикоснулся к ней, сгорая от желания, и пробудил в ней ответную и опасную страсть. Оставалось лишь надеяться, что она никогда больше не окажется в подобной ситуации.

Он ушел.

Хлоя ощутила его отсутствие с такой остротой, с такой силой, с какой прежде ощущала его присутствие. Едва перешагнув порог спальни, девушка почувствовала, что Доминика нет. Хлоя знала, что никогда не забудет его.

Девушка зажгла три свечи. Одну внесла в гардеробную. Окно было распахнуто, ветерок с моря шевелил занавеску, в воздухе пахло дождем. Свеча погасла у нее в руке в тот самый момент, когда она заметила на полу сложенный в несколько раз лист бумаги.

Она подняла листок и закрыла окно. Во дворе Доминика тоже не было. Очевидно, к нему вернулись силы и он благополучно выбрался из дома. Но куда он отправился?

Возможно, в этом листке таится ключ к разгадке. Хлоя пошла в спальню, села на край кровати. И остолбенела.

— Шифр, — прошептала она. Зашифрованное сообщение. Очень похожее на то, которое она когда-то обнаружила среди личных вещей Хита. Если бы оба ее брата долгие годы не увлекались шифровкой и кодами и не имели отношения к разведке, вряд ли она смогла бы

разобраться в шифровке. Однако она разобралась.

Ее только удивило, что Стрэтфилд имел неосторожность выронить подобную бумагу и цифры на листке были написаны рукой ее покойного брата Брэндона.

— Хлоя, — раздался за ее спиной мужской голос.

Девушка выронила шифровку и с трудом подавила крик ужаса, когда фигура, облаченная в черные одежды, встала в проеме двери гардеробной. На какое-то мгновение ей показалось, что ее призрак вернулся, и она была счастлива. Однако ее постигло разочарование. Это заявился ее братец Девон.

— Ах, это ты, — проговорила она, пряча листок под подушку. — Ну что у тебя за привычка подкрадываться потихоньку?

Девон озорно улыбнулся ей, сверкнув синими глазами.

— Ну не могу же я оповещать о своем прибытии трубами и фанфарами, верно?

— О твоём прибытии станут оповещать в тюрьме, если ты не прекратишь свои дурацкие игры в разбойников, Девон Боскасл, — раздраженно сказала Хлоя.

На лице Девона появилось озадаченное выражение.

— Ты что, Хлоя? Я всего-то одну карету остановил. Да и то не ту, которую хотел.

Хлоя вскочила, взгляделась в лицо брата — если не ростом, то характером она была ему под стать.

— А на Купер-бридж кто останавливал карету? И не смей лгать мне! Не до шуток сейчас.

— На каком еще Купер-бридж? — Он провел ладонью по коротко стриженным черным волосам.

— На том самом, где карету остановил целующийся разбойник. Ты должен прекратить эти штуки, Девон.

Девон раздраженно вздохнул.

— На мосту — это не я... Но похоже на то, что я ввел новую моду, Хлоя. И все валят теперь на меня. Какие-то скучающие молодцы останавливают кареты, чтобы сорвать поцелуй у леди.

— Рискуя при этом жизнью, — заметила Хлоя.

— Ну я не могу же приказать этим дуракам прекратить, верно?

Хлоя заколебалась.

— Так это правда был не ты?

— Конечно, не я. Все это время я был паинькой! Хочешь — верь, хочешь — нет, но я помогал дяде Ричарду пересаживать орхидеи. А ты чем занималась? — Девон прислонился к туалетному столику и улыбнулся. — Мечтала, надо думать, день-деньской о том, чтобы хоть что-нибудь нарушило монотонность здешней жизни, да?

Хлоя отвела взгляд.

— Есть вещи, которые даже трудно себе представить.

Девон не поверил бы ей, расскажи она о том, как сильно в последнее время была нарушена монотонность здешней жизни. А может, и правда рассказать Девону?

— Ты познакомилась с мужчиной, — сказал вдруг Девон.

Она подняла глаза на брата:

— Глупости. Какие могут быть мужчины в Чизлбери?

Девон прошелся по комнате, не сводя глаз с подушки за ее спиной.

— Ты любовную записку читала, когда я вошел? Господи, Хлоя! Только не хватало,

чтобы ты влюбилась в какого-нибудь деревенского увальня! Надеюсь, наше с тобой изгнание скоро закончится.

— А я очень надеюсь, что не скоро, — сказала она. Поколебалась мгновение и продолжила снова: — Девон, все отказываются говорить на эту тему, но ты-то всегда был откровенен со мной. Как ты думаешь, мог Брэндон ввязаться в какие-то шпионские игры, после того как покинул Англию?

— На службе в Ост-Индской компании? Очень сомневаюсь. А вот прежде... — Девон поймал ее взгляд. — Не думаю, что это должно оставаться тайной для тебя, тем более теперь, когда Брэндон уже мертв. Мне кажется, что в Португалии Брэндону случалось возить депеши для Хита. Какая нелепость! Вернуться живым с войны и погибнуть от руки горстки фанатиков, устроивших у дороги засаду! Глупее ничего не придумаешь.

Хлою терзали противоречивые чувства. Ей хотелось довериться брату, но она не могла нарушить слова, данного человеку, которого едва знала. Или могла? В конце концов, нельзя упрекать девушку в том, что она нарушает клятву, которую ее вынудили дать, повалив на постель и держа в заложницах. Но обещание есть обещание. И если только таким образом она сможет узнать о том, какая судьба постигла Брэндона, то пусть так и будет.

Кроме всего прочего, Девон может решить, что с его сестрой случилось самое плохое. Что она окончательно скомпрометирована. У него разыграется мужское самолюбие, он отправится на розыски Доминика, и добром это не закончится. На Хлою же обрушится новая буря семейного негодования. Что ж, какое бы решение она ни приняла, ей придется вытерпеть споры и упреки.

Она взглянула на брата.

— Полагаю, ты явился потому, что тебе снова потребовались наличные.

Девон поднял бровь.

— На самом деле я явился, потому что стал о тебе тревожиться. Дядя Ричард — старик щедрый, но если мне и дальше придется пересаживать орхидеи, я просто потеряю рассудок.

— А почему вдруг ты стал тревожиться обо мне?

— Появилось дурное предчувствие. Бред, конечно, но мне приснилось, будто ты в опасности. — Девон положил руки сестре на плечи. — Но тебе ничто не грозит, верно? Ты ведь не собираешься бежать и тайно обвенчаться с каким-нибудь кавалеристом? Грейсон и Хит голову с меня снимут, если ты у меня под носом выкинешь что-нибудь подобное.

Хлоя похолодела. Никогда еще ей не приходилось врать Девону. Казалось, у Девона было шестое чувство, интуиция редко подводила его. В общем, обмануть его было непросто, тем более теперь, после смерти Брэндона. Девон единственный лучший друг. Но все равно она не откроет ему своей тайны. Во всяком случае, хорошенько подумает, прежде чем это сделать.

— Я действительно познакомилась с мужчиной. — Она улыбнулась, глядя на встревоженное лицо брата. — Это некто Джастин Линтон. Он швырял мелкие камешки в мое окно и сочинял кошмарные вирши в мою честь. Но это просто развлечение, Девон. Ничего серьезного. Подозреваю, старшие даже одобрили бы этого молодого человека.

Под «старшими» имелись в виду старшие братья Грейсон и Хит, а также сестра Эмма, которая была не намного старше Хлои, Девона и Брэндона, но являлась домашним тираном. Брат Дрейк занимал промежуточное положение между тиранами и бедокурами.

— Если ты считаешь этого молодого человека вполне достойным, Хлоя, — мягко заметил Девон, — он не может быть так уж плох, хотя, должен признаться, барон, с которым

ты целовалась, вызвал у меня антипатию.

Хлоя скрестила руки на груди.

— Ну, мне и самой этот барон теперь уже и не нравится. Смотри, до чего довели его поцедуи.

Тут разговор их прервался, так как из-за двери, откуда-то с лестницы, донеслись голоса. Девон встрепенулся, поцеловал сестру в лоб и быстро шагнул назад, в гардеробную.

— Ах, скорей бы кончилась вся эта история с разбойниками и каретами, — прошептала она вслед брату. — Жду не дождусь, когда Грейсон даст знать, что тебе можно возвратиться, не опасаясь властей.

Девон ухмыльнулся, прежде чем скрыться в сумраке гардеробной.

— Я не властей боюсь, а тети Гвендолин. Ведь она до смерти замучает разговорами о нравственности и морали.

Глава 10

Доминик понял, что обронил где-то драгоценную записку, когда добрался до поросшего папоротником эскарпа на самой опушке леса. И как только его угораздило! Грозный знак. Он размяк потому, что рядом была красивая девушка, поглощавшая все его внимание. Досадуя, он продолжил свой путь в глубь леса.

Эта девушка не шла у него из головы. Даже приблизившись к парку позади собственного дома, он думал о ней. Хотя главное сейчас было остаться незамеченным. Доминик всегда держался особняком, не интересовался развлечениями, которым предавались представители дворянства, и не особенно гордился своим прошлым. Однако он знал, как очаровать женщину. К несчастью, выбор леди Терли в качестве дамы сердца оказался весьма неудачным. Эта особа, не дожидаясь даже, пока погибшего любовника положат в гроб, поспешила улечься в постель другого мужчины.

Этого он не мог ей простить. И леди Терли стала той частью его жизни, которую он решил предать забвению.

И пусть это несправедливо с его стороны, пусть она напугана, пусть отвращение, которое он начал испытывать к этой женщине, было совершенно иррациональным. Глупо винить леди Терли в том, что она не забывала о своих интересах. Но с его же дядей! У Доминика внутри все переворачивалось при этой мысли. Нет, с леди Терли все кончено. К тому же, как он слышал, эта дама уехала из деревни. Вернется она сюда или нет, Доминику было все равно.

Хлоя Боскасл тоже была далека от идеала. Но она будила в Доминике не только страсть. Доминику хотелось общаться с ней, вести дружеские беседы. Эта синеглазая девушка сочетала в себе все то, о чем Доминик мечтал.

В сущности, Доминик ничего почти о ней не знал. Помнится, в свете ходили какие-то неясные слухи, будто, когда старый Боскасл внезапно скончался, с ним была только одна из его дочерей. Должно быть, эта самая Хлоя. Говорили, будто Ройден Боскасл держал детей в узде и они часто бунтовали даже на людях. Может, этим и объяснялось то, что младшая из Боскаслов оказалась отчаянной девчонкой. После смерти жены папенька менял любовниц как перчатки, что не могло не оказать тлетворного влияния на детей, лишившихся материнской опеки.

Разумеется, он мог вожделеть к этой девушке только издалека, доводя себя до исступления неосуществимостью своих желаний. Если судьба будет к ним благосклонна, то пути их никогда больше не пересекутся. К тому времени, когда Доминик свершит свою месть, что может стоить ему жизни, леди Хлоя наверняка успеет выскочить замуж и стать, недоступной даже для соблазна.

Доминик тихо прошел по темному коридору заброшенного крыла Стрэтфилд-Холла, точь-в-точь как призрак, продолжающий появляться в своем прежнем жилище. Никому не пришло бы в голову искать его в тайных коридорах того самого дома, где он был убит? Ему даже импонировала пикантность ситуации, как и то, что деревенские жители приписывали ему все новые непристойные проделки. Слухи о его призрачных подвигах способствовали его плану.

Теперь главное самому по тупости не погубить этот план. Ну как же он мог выронить драгоценную записку! Не трудно догадаться, когда именно сложенный лист бумаги выпал из

кармана: когда эта прехорошенькая барышня Хлоя раздевала его и ее ловкие белые ручки все время прикасались к нему то там, то здесь и он едва справлялся с охватившим его желанием. Как же он хотел, чтобы Хлоя прикасалась к нему!

И вот теперь в эти белые ручки попала улика, которая способна порушить все его планы. Покажет девушка этот лист бумаги кому-нибудь или нет?

Сохранит ли его тайну?

А может, возьмет и выбросит бумажонку, испещренную бессмысленными цифрами? Впрочем, сестра полковника лорда Хита Боскасла вполне может догадаться, что это не бессмысленные цифры, а шифровка. А что до содержания, так ведь и он сам пока не знал его, так же как и того, насколько важна эта шифровка и чьей рукой была написана. Одно ему было известно: сложенный лист бумаги был зашит в полу мундира Сэмюела, а его покойный брат не стал бы так хлопотать из-за маловажного документа.

Доминик провел рукой по стене, нащупал рычаг, скрытый за грубо обточенным камнем возле очага, и нажал. Перед ним открылся темный проход, пустой и жутковатый. Вот до чего он дошел! Прячется по темным углам, шмыгает по закоулкам, в то время как враг его пирует за его столом, обнимает его любовницу и обдумывает, как распорядиться его состоянием.

Он зашел в темный проход, помедлил, давая глазам привыкнуть к темноте. Потянулся к поясу проверить, на месте ли пистолеты — на случай если в затхлой темноте его ждут неприятные сюрпризы. Доминик стал пугливым, словно старая дева, с тех пор как его «убили». Пистолеты давали хотя бы иллюзию безопасности.

Пальцы его, вместо того чтобы сомкнуться вокруг гладкой рукояти из черного дерева, утонули в невыносимо сладостной мягкости дамской нижней сорочки.

Ну конечно — это та самая сорочка, которая выпала из окна, когда он торопился выбраться наружу. Доминик подхватил сорочку и сунул за пояс, не желая оставлять белье валяться под окном: зачем доставлять лишние неприятности очаровательной хозяйке, принимавшей его не по своей воле. У бедняжки своих проблем достаточно.

Он повертел в руках сорочку. Выходит, он уволок это сокровище в свою берлогу? Он улыбнулся. Ему не нужны сувениры, чтобы помнить о Хлое, он и так ее не забудет. Тело его тут же напомнило о том, как сильно он желал эту девушку.

Не так уж он и мертв, как ему казалось.

Доминик стал спускаться по узкой лестнице, которая вела к тоннелю, проходившему под домом. Там, в своем логове, при свете свечи он проводил бесконечные часы за изучением таинственной шифрограммы, единственного документа, оставшегося после смерти брата.

Этот документ не мог не оказаться важным. Доминик страстно желал разгадать шифр, тем более что его собственное расследование зашло в тупик.

Ведь это денщик Сэмюела впервые заставил его заподозрить неладное: честный служака переслал Доминику письмо через своих товарищей, в котором сообщал, что его покойный хозяин в Непале тайно встречался с какими-то людьми, как раз за неделю до своей гибели.

Доминик, надеявшийся узнать подробности, списался с британским резидентом в Непале, а также с генералом Отерлони. Несколько раз съездил в Лондон, чтобы встретиться с советом директоров — нечто вроде судебной палаты компании, а также с людьми, которые имели дело с лордом Мойрой, главнокомандующим британскими войсками в Непале.

Это помогло ему в одном — он получил возможность прочитать официальный рапорт, в

котором было написано, что его брат вместе с Брэндонем Боскаслом кинулся преследовать группу повстанцев-гуркхов и попал в засаду; трупы молодых людей были сброшены в неприступное ущелье и стали добычей диких птиц и стихии.

Но вот какая мысль осенила Доминика в один прекрасный день: а не его ли собственный дядя, под чьим началом Сэмюел служил в Непале, организовал засаду на молодых людей? Доминик и сам не мог сказать точно, когда у него появились первые смутные подозрения. Но он хорошо помнил, что его покойная мать недолго любила Эдгара и не раз предупреждала мужа, чтобы он не доверял своему родственнику.

То, что в роковой день засады полковник сэр Эдгар Уильямс находился в Катманду по делам службы, отнюдь не доказывало его невиновности. В колониях полным-полно дезертиров, готовых за солидное денежное вознаграждение совершить любую подлость.

Звук, раздавшийся за его спиной, вывел Доминика из задумчивости. Тихий вой, в котором не было ничего человеческого. Доминик потянулся за пистолетом и опустил руку.

Увесистое тело, которое потерлось о его ногу, не несло никакой угрозы. Также как и холодный мокрый нос, уткнувшийся ему в ладонь. Он быстро обернулся, опустился на колени, обнял своего любимого пса.

— Арес, Арес.

Здоровенный волкодав тут же уселся рядом с хозяином, рассчитывая, вероятно, что сейчас они отправятся на прогулку в лес. Глаза собаки сверкали в темноте.

— Зачем ты пришел сюда? Я же не могу держать тебя здесь...

Но нельзя было отправить пса в жилую часть дома сейчас, посреди ночи. Сэр Эдгар имел привычку читать в постели далеко за полночь...

— Арес! — воскликнул Доминике досадой. — Ну что мне с тобой делать?

Он поднялся на ноги и снова свернул к лестнице. Пес следовал за ним по пятам, словно вопрос о его пребывании здесь был решен положительно.

Мысли же Доминика обратились к более сложной проблеме. Надо немедленно получить шифровку обратно, чего бы это ему ни стоило.

И наибольшую опасность для него представляло посещение покоев Хлои Боскасл.

Не прошло и сорока минут, как он опять стоял в ее спальне, а шифровка лежала у него в кармане. Хлоя мирно спала все то время, пока он шнырял по комнате, разыскивая документ. Он взглянул на нее из дверей гардеробной и строго напомнил себе, что ему следует бежать отсюда как можно скорее.

Слишком уж велик был соблазн прикоснуться к девушке. Доминик поклялся себе, что он только заберет шифровку и уйдет, в ее спальню заглядывать не станет, чтобы не разбудить. Но стоило ему взглянуть на девушку, как от его решимости не осталось и следа.

На постели она, разумеется, лежала не так, как лежат юные девы на живописных полотнах, а раскинув руки и ноги. Черные кудрявые волосы ниспадали на лицо. Одну подушку она сбросила на пол, видимо, сражаясь с кем-то во сне. Скомканное одеяло завернулось вокруг белых ног.

Доминик глубоко вздохнул — уж очень беззащитной показалась ему эта девушка, даже во сне не знавшая покоя. Вряд ли найдется мужчина, способный успокоить эту мятущуюся душу... Вряд ли найдется такой, кто пожелает сделать это. Гораздо интереснее насладиться этой девушкой, не думая о ее душе.

Взгляд его проследовал от согнутого колена вверх. Полотняная ночная рубашка служила слабой защитой от жадных мужских взоров.

Он подошел ближе. Теперь стал виден темный курчавый треугольник. Тело его напряглось. Как же он сильно хотел ее.

Он присел на край постели, прислушиваясь к ее ровному дыханию. Что ей сейчас снится? Через некоторое время он легонько провел указательным пальцем по белому лбу, словно стремясь стереть хмурое выражение. Она шевельнулась, потянулась к нему. Он не мог отвести взгляда от ее шеи, роскошной груди. Ее тело раскинулось с такой безыскусной соблазнительностью.

Он провел кончиком пальца по ее ключице, коснулся сосков, ощутив, как они напряглись. Хлоя реагировала на каждое его прикосновение.

Доминик наклонился и потерся щекой о ее шею. Вдохнув аромат ее кожи, он потерял над собой контроль. Она повернулась к нему. Он судорожно сглотнул, сражаясь с собой, хотя эту битву уже проиграл.

Ну не мог он бороться с влечением, которое испытывал к ней. Она уже обосновалась в его сердце, в том, что осталось от его сердца, и он жаждал обладать ею. Лицо его потемнело. Неужели призрак Стрэтфилд-Холла совершит наконец нечто достойное своей репутации?

Хлое снилось, что какой-то мужчина ласково прикасался к ее лицу, и она дрожала от желания, а он шепотом произнес ее имя. Она застонала, противясь властному зову его голоса, противясь пробуждению. Его длинные пальцы пробежали по ее плечу, по округлостям груди, коснулись сосков сквозь ночную рубашку.

Хлою захлестнула волна вожделения. Она выгнулась навстречу соблазнителю, умоляя пойти дальше, ласкать ее еще и еще.

— У тебя тело богини, Хлоя, — прошептал мужчина. — Ты достойна поклонения. Я мог бы подарить тебе наслаждение, которое ты никогда не забудешь.

Когда ладонь мужчины скользнула к ее животу, а потом ниже, к лону, желание захлестнуло ее. Тело требовало освобождения. Больше не было сил терпеть.

Пальцы мужчины нащупали самое чувствительное местечко и стали ласкать ее лono. Это было ни с чем не сравнимое наслаждение: Хлоя взлетела на вершину блаженства, а когда спустилась с нее, ощутила прохладу, открыла глаза и села в постели.

Уж слишком реальным показался ей сон. Хлоя озябла. Неужели Девон забыл закрыть дверь в гардеробную. Но ведь она проверяла.

Хлою била дрожь.

— Кто здесь? — прошептала девушка и соскочила с постели. — Доминик, ты?

Хлоя осмотрела гардеробную, проверила, закрыто ли окно, вздернуты ли занавески. Убедившись, что все в порядке, Хлоя снова легла в постель и прижала к груди подушку, чтобы согреться.

Шифровка! Она исчезла. На месте листка бумаги под подушкой лежала белая роза. Лепестки были слегка смяты, но аромат не исчез.

Она уставилась на постель. Сердце ее прыгало в груди. Не может быть... Не может быть, чтобы этот дьявол во плоти тайком вернулся за шифровкой. И украл ее.

— О, — только и могла она произнести. — Нет, он не осмелился бы.

Но он осмелился. Хлоя обшарила всю спальню и гардеробную, перевернула все вверх дном. Шифровки не было. Исчезла и подзорная труба.

Хлоя открыла окно и взгляделась в жидкий пролесок, отделявший одно поместье от другого.

— Я знаю, что ты где-то рядом и, наверное, смеешься надо мной. До чего же ты неблагодарный! Как ты мог обойтись со мной подобным образом после того, что я тебе так помогла!

Что ж, вот еще пища для сплетен. Стрэтфилдский Призрак нанес очередной удар, и последней его жертвой оказалась леди Хлоя Боскасл.

* * *

Доминик почесал пса за ушами, тихонько засмеялся.

— Рискованная, что и говорить, проделка. Зато мы вернули шифровку, верно? Ничего подобного больше не случится.

Доминик признался себе, что одержим прекрасной юной девушкой, которая,

поразмыслив на досуге, вряд ли захочет снова иметь с ним дело. Иначе зачем бы он стоял на коленях у ее постели и мучил себя, тайком расточая ей ласки? Он посмотрел на свои руки. Они все еще дрожали от возбуждения.

Доминик рисковал. Ведь Хлоя могла проснуться, закричать, увидев его, и переполошить весь дом. Или не позволить ему делать с собой все, что ему заблагорассудится.

Ясно было, что она интересуется взаимоотношениями полов, и он с восторгом бы взялся просвещать эту барышню. Но также было ясно и то, что девушка эта не пустоголовая кокетка и вполне способна мыслить самостоятельно.

Она спрятала шифровку под подушку. Догадалась, что это важная улика? Маловероятно. Но вряд ли она спрятала бумагу под подушку из одной лишь сентиментальности, как сувенир, в память об их встрече.

Здравый смысл подсказывал Доминику, что девушка повела себя необычно. И это лишь усилило его влечение к ней.

Он поднял подзорную трубу, которую стянул у нее, и навел на окно спальни. Через несколько минут девушка появилась в окне, в своей белой девичьей сорочке. Видеть Доминика в его норе, скрытой зарослями папоротников, она, разумеется, не могла, да и вряд ли хотела. Скорее проклинала его.

— Понравилась ли тебе моя роза? — спросил Доминик, словно Хлоя могла его услышать, и засмеялся.

В этот момент девушка выбросила в окно что-то белое, видимо, розу, которую Доминик ей положил под подушку на место похищенной шифровки.

Доминик оглянулся. Свет замерцал в окне его дома и его спальни. Он увидел силуэт дяди за занавесками и вспомнил, что ему не следует разгуливать под окнами Хлои.

Доминик опустил подзорную трубу, и его улыбка померкла.

— Еще доброй ночи, Хлоя, — тихо произнес он с печалью в голосе. — Пора идти выслеживать врага.

Хлоя зажгла свечу, поставила в подсвечник и залезла под кровать. Дневник лежал на своем месте в тайнике под выпавшей половицей.

Она вытащила тетрадку из тайника и отнесла в постель. На последней странице было аккуратно скопировано ее рукой то самое зашифрованное письмо, ради которого Доминик приходил сюда этой ночью.

Значит, письмо это настолько важно для него, что он готов был на любой риск ради того, чтобы заполучить его обратно. Она поздравила себя с тем, что предусмотрительно переписала содержание шифровки. А также с тем, что в свое время заставила своего брата Хита обучить ее кое-каким тонкостям шифровального дела.

Теперь пришло время использовать эти познания для того, чтобы прочитать письмо, бывшее, вероятно, последним посланием покойного Брэндона. Могла она, в конце концов, получить от Доминика хоть что-то за ту помощь, которую оказала ему?

Когда на следующий день Хлоя спустилась к завтраку, в доме творилось что-то невообразимое. Дядя Хэмфри промчался через коридор с тростью под мышкой. Волосы у него стояли дыбом, крахмальный галстук был завязан небрежно — старик, видимо, очень торопился. Заметив племянницу, замершую на последней ступеньке лестницы, дядя бросил на нее исполненный ужаса взгляд и проговорил театральным шепотом:

— Хватай плащ, дорогая, и прочь, прочь из этого дома, пока не поздно! Дом этот поразило страшное безумие.

— Какое безумие? — спросила Хлоя, но ее вопрос потонул в нарастающем гуле женских голосов, донесшихся из парадной гостиной.

Залаяли собаки, дожидавшиеся на крыльце дядю Хэмфри, чтобы он взял их с собой на прогулку в лес.

В дверях парадной гостиной появилась Памела; ее веснушчатое лицо покраснелось.

— Ах, Хлоя! Наконец-то ты спустилась. Собрание уже началось.

— Собрание, — повторила Хлоя, совершенно ничего не понимая. Памела подбежала к кухне, схватила ее за руку и потянула за собой в гостиную.

— Мама пригласила всех дам Чизлбери к нам, чтобы обсудить надвигающийся кризис.

У Хлои заломило виски. После ночи, проведенной в тщетных попытках расшифровать письмо Брэндона, Хлоя проснулась невыспавшаяся, в дурном расположении духа. Она до сих пор так и не решила, действительно ли вчера Доминик ласкал ее спящую или все эти непристойности ей приснились. Это злило девушку. Она сама не знала, что хуже, но в одном была твердо уверена: не в том она сейчас настроении, чтобы сидеть в гостиной с деревенскими кумушками и обсуждать проделки Стрэтфилдского Призрака. Но жена священника поспешно встала и препроводила Хлою к дивану, на котором теснились почтенная мать семейства и обе ее незамужние дочери, с живостью обсуждавшие угрозу, нависшую над женщинами Чизлбери.

В гостиной царил тишина. Все взоры были устремлены на Хлою. словно это она девица с подпорченной репутацией, а не местный призрак навлекла скандал на эту Богом забытую деревушку. Хлоя одарила их улыбкой, и женщины наконец заговорили.

Хлоя откинулась на диване, подавила зевок. Перед глазами плясали цифры из шифровки Брэндона. Зачем ему понадобилось шифровать свои письма и где он это делал — в Непале? Неужели Наполеон засылал своих агентов в такую даль?

Сидевшая рядом женщина дернула Хлою за рукав.

— Наша задача, — сказала она, — уложить его. Вы согласны, леди Хлоя?

— Простите, не поняла.

— Наш долг — уложить его, — повторила женщина.

— Объясните, пожалуйста.

— Уложить его. Упокоить, дорогая моя, нашего бедного духа. Именно этого он домогается.

Хлоя не сомневалась в том, что «бедный дух» домогался ночью какой-то женщины.

«Уложить» — это конечно. А вот «упокоить» — вряд ли.

— И как вы намерены это осуществить? — спросила Хлоя.

У нее не было ни малейшего желания быть втянутой в этот духоборческий процесс.

В этот момент все дамы разом заговорили. В гостиной появилась цыганка в алой юбке, зеленой шали с бахромой, на руках звенели серебряные браслеты. Худое лицо, горбатый нос, карие глаза, светившиеся неподдельным весельем.

Тетя Гвендолин поспешила поставить кресло в угол гостиной, дабы почетная гостья могла в нем расположиться.

— Скажите нам, мадам Дара, — обратилась к ней тетя, — кто из нас окажется следующей жертвой.

«Мадам» Дара, которой было лет девятнадцать, а то и меньше, с ленивой грацией обошла вокруг кресла.

— Я хочу пить.

Жена священника вскочила и наполнила чашку чаем. Затем передала чашку Памеле, та передала ее даме, сидевшей рядом, а дама вручила чашку тете Гвендолин, и с таким почтением, будто это была чаша Святого Грааля.

Мадам Дара приняла чашку и уселась в кресло. Дамы в гостиной как зачарованные следили за тем, как цыганка прихлебывает чай, словно от этого зависела их жизнь.

Хлою клонило в сон. Почти две ночи она не спала. Да и недавние волнения давали себя знать.

— Это будет... это будешь ты.

Дамы ахнули, Хлоя открыла глаза и увидела, что цыганка тычет в нее пальцем. Сердце Хлои едва не выпрыгнуло из груди. Нет, цыганка ничего не знала. Она просто так ткнула в Хлою пальцем. Может, к до цыган дошли слухи о скандальной репутации столичной барышни.

— Минуточку, — заговорила Хлоя, густо покраснев. — Я, конечно, не местная жительница, но это вовсе не значит...

Договорить ей не дали, дамы загалдели, выражая сочувствие.

Тетя Гвендолин между тем пробивалась к ней сквозь толпу. На лице ее был написан ужас. Хлоя почувствовала укол совести.

— Это ошибка! — завопила тетя Гвендолин. — Ошибка! Чтобы моя невинная овечка, моя девочка... Нет!

Хлоя захлопала глазами, повернулась... Памела! Так это на нее указала цыганка, а не на Хлою. Памела улыбалась во весь рот, явно польщенная тем, что ей выпала такая честь.

— Я буду бороться! — закричала тетя Гвендолин, потрясая кулаком. — Стрэтфилдскому Призраку не получить моей дочери!

Вряд ли Стрэтфилдский Призрак так уж стремился заполучить Памелу, думала Хлоя, но решила держать язык за зубами. Редкий случай, когда не она оказалась в центре скандала. Почему бы не поблаженствовать для разнообразия? Доминик вряд ли придет в восторг оттого, что снова оказался в центре внимания смешных деревенских дам. Впрочем, если этот шkodливый призрак не желает, чтобы дух его был упокоен, то лучше не проникать в спальни дам и не соблазнять их, когда они спят. Этот тип оказался гораздо сладострастнее, чем представляла себе Хлоя, судя по его словам.

Впрочем, он уже вернул себе письмо с шифрограммой, так что вряд ли ей представится возможность отчитать его за сладострастие и сказать все, что она о нем думает. Но к счастью, она никогда больше его не увидит.

Однако Хлоя увидела его вечером того же дня.

Девушка как раз собиралась расшифровать письмо Брэндона. Ее не покидала

уверенность, что именно в этом письме найдет ключ к разгадке таинственной смерти молодого человека. И тогда наконец сумеет смириться с этой смертью и обрести душевный покой.

Сразу после ужина она пойдет к себе и займется письмом. Но оказалось, что дядя Хэмфри, прогуливая собак в лесу, повстречался с сэром Эдгаром Уильямсом, и новый хозяин Стрэтфилд-Холла пригласил его вместе с семейством отужинать у него по-соседски.

Дядя, вернувшись домой, начал свои объяснения с того, что его первым порывом было отказаться. Но, учитывая, что сэр Эдгар теперь их ближайший сосед...

— В общем, нельзя было отказаться, — перебила мужа тетя Гвендолин, блестя глазами. — Явиться с визитом — наш долг.

Дядя Хэмфри бросил на Хлою тревожный взгляд:

— Неужели это и в самом деле наш долг?

— Стрэтфилдский Призрак наметил нашу Памелу в качестве следующей жертвы. Мы не можем этого допустить, — объяснила тетя. Голос ее дрогнул. — Кто станет ухаживать за нашей девочкой после того, как призрак овладеет ею, Хэмфри?

Дядя снова покосился на Хлою.

— Множество молодых людей, прежде не обращавших на нее внимания, полагаю.

Но тетю Гвендолин не так-то легко было сбить с толку. И священник, и цыганка сумели ее убедить, что лишь самые крайние меры смогут спасти добродетель Памелы. Что же до самой Памелы, то она не скрывала восторга. Подумать только! Знаменитый дух избрал именно ее в качестве жертвы. Она даже попросила Хлою одолжить ей ночную рубашку пошикарнее ради такого случая.

Все приоделись, собравшись на званый обед. Тетя Гвендолин настояла на том, чтобы ехать к соседу в карете, хотя дядя Хэмфри не преминул заметить, что если плюнуть с их порога, попадешь прямо в стрэтфилдский пруд.

— Как вульгарно, Хэмфри, — возмутилась тетя Гвендолин, сложив руки в перчатках на коленях.

— Вульгарность тут ни при чем, Гвенни! Не проще ли дойти до соседского крыльца, чем запрягать эту проклятую карету?

— Я не допущу, чтобы сэр Эдгар счел нас деревенскими хамами, — отрезала тетя Гвендолин.

Во время этой короткой поездки Хлоя вглядывалась в залитые лунным светом кусты и деревья. Не устроил ли себе Стрэтфилд логово в лесу? Как он там? Помогло ли ему цыганское зелье? Откуда он мог вести наблюдение за собственным домом, оставаясь незамеченным? И как он сумел организовать собственные похороны без посторонней помощи?

Быть может, он нашел какой-нибудь подземный ход, вырытый контрабандистами, или спрятался в пещере. Хит ей рассказывал, что в Суссексе недавно обнаружили множество подземных ходов, прорытых на случай вторжения Наполеона с побережья.

Карета прогрохотала вокруг группки ветел, среди них Доминик когда-то поцеловал ее. Хлоя вспомнила, как его ладони в перчатках обхватили ее лицо, а губы впились в ее губы. Да, он человек опасный во многих отношениях. Хлоя понимала, что сделало его таким.

Она вспомнила, каким печальным он показался ей в лесу. У него были все причины впасть в меланхолию. Лучше бы ей никогда больше не встречаться с этим человеком. Но если грозившая ему опасность как-то связана со смертью Брэндона, Хлою это не может не

тревожить.

Беда в том, что Хлою влечет к Доминику как к мужчине. Но она сумеет преодолеть это искушение. Тем более что никогда больше не увидит Доминика.

Из задумчивости ее вывела Памела, ткнувшая кузину локтем в бок. Хлоя вздрогнула.

— Ты почему такая мрачная, Хлоя? — шепнула она с лукавой улыбкой. — Ведь это я жертва, а не ты.

— Ну, у тебя-то вид отнюдь не мрачный, — заметила Хлоя.

Улыбка Памелы стала еще шире, и она снова зашептала кузине в ухо:

— Ну признайся, тебе же тоже было бы любопытно узнать, каково это — быть соблазненной Стрэтфилдским Призраком.

— Вовсе мне нелюбопытно, — отрезала Хлоя, подумав, что уже испытала это.

Карета миновала высокие, увитые диким виноградом ворота и покатила по дорожке, усыпанной битой ракушкой. Хлоя расправила подол серого шелкового платья, в этот момент карета остановилась у крыльца элегантного позднеелизаветинского помещичьего дома.

Изъеденные временем камни кладки, башенки, острые коньки фасадов — дом имел такой же горделивый и могучий вид, как и его владелец. Хлое даже показалось, будто она видит Стрэтфилда в высоком полукруглом окне длинной галереи, с удовлетворением обозревающего свои владения. Даже призрак пришел бы в умиротворенное состояние, глядя на залитый лунным светом пруд с белыми лебедями и на ступенчатые террасы сада.

Младший конюх и два лакея помогли гостям выбраться из кареты. У Хлои по телу вдруг побежали мурашки. У нее было такое чувство, будто кто-то пристально смотрит на нее.

Девушка подняла глаза и увидела, что навстречу им идет высокий черноволосый широкоплечий мужчина с военной выправкой.

В темноте сэр Эдгар был так похож на своего племянника, что у Хлои перехватило дыхание. Властный, с таким же мрачно-задумчивым выражением в глазах и резкими чертами лица. Только голос у него был другой, не такой глубокий, как у Доминика, и произношение как у истинного валлийца. Сэр Эдгар одарил гостей приветливой улыбкой.

— Весьма любезно было с вашей стороны принять мое приглашение. — Он положил руку на плечо дяди Хэмфри и добавил: — Нам с вами очень повезло, мой друг, что за столом мы будем наслаждаться обществом трех прекрасных дам. — Он задержал взгляд на Хлое.

Хлоя улыбнулась ему: любезность, усвоенная с колыбели, у светской барышни становится рефлексом. Дядя Доминика был не такой яркой личностью, как сам Доминик, да и постарше. В глазах его читался не столько ум, сколько расчетливость, и ясно было, что каждое его слово, каждый поступок тщательно взвешены и выверены. Лицо его было темным от загара после долгой службы в колониях. Костюм сэра Эдгара отличался элегантностью, манеры — изысканностью. Поклонившись, он щелкнул каблуками.

— Леди Хлоя, — заговорил сэр Эдгар, и глаза его вспыхнули, — я всегда восхищался вашей семьей. Позвольте выразить вам свои соболезнования в связи с кончиной молодого лорда Брэндона. Я как раз был в Катманду, когда молодые люди попали в засаду этих дикарей, но, надеюсь, вас несколько утешит известие о том, что виновные понесли заслуженную кару.

Хлоя изумленно уставилась на сэра Эдгара, не в силах вымолвить ни слова.

— Простите, я не поняла. Вы были в Непале с Брэндоном?

Эдгар удивленно посмотрел на нее:

— Милая барышня, я полагал, вы это знаете. Как нехорошо с моей стороны! Ваш брат

служил в том же подразделении компании, что и мой племянник Сэмюел, под моим началом. Я предупреждал этих молодых людей, чтобы остерегались опасностей, когда патрулируют пустынные туземные тропы, но юным храбрецам захотелось показать свою удаль, поиграть в героев.

— Я не знала, — пролепетала Хлоя, сильно расстроившись.

Сэр Эдгар провел их на крытое крыльцо, затем в переднюю. Хлоя, несколько придя в себя, заметила, что тетя старательно заглядывает за дорические колонны холла, словно ожидая, что вот-вот из какого-нибудь закоулка выскочит покойный виконт Стрэтфилд с криком: «А вот и я, местный призрак».

Но самое забавное заключалось в том, что Хлое тоже казалось, будто Доминик где-то поблизости. Она ощущала его присутствие. Ей-то было известно, что Доминик жив.

Его присутствие ощущалось повсюду. В дубовых стенных панелях, в галерее для музыкантов в парадной столовой. Хлоя не удивилась бы, если бы его могучая фигура вдруг появилась наверху черной дубовой лестницы и послышался бы его голос.

— Мне случалось бывать тут несколько раз, — шепнул ей дядя Хэмфри. — Стрэтфилд как-то пригласил меня пострелять, поиграть в карты с его друзьями. Он был совсем не такой ужасный человек, каким его все склонны изображать теперь. И не такой уж он был и повеса, каким притворялся. Все разговоры о том, что его призрак...

— Надеюсь, вы не верите этим досужим вымыслам? — шепотом перебила дядю Хлоя.

— Конечно, не верю. Мало ли что болтают! В давние времена болтали, будто в этом доме появляется призрак католического священника, который в период гонений укрылся в потайной каморке, которые строили в домах на такой случай, а потом не смог выбраться оттуда. Так что если какой-то призрак и соблазняет женщин во сне, то это скорее всего призрак нахального старого святоши.

Хлоя обвела взглядом холл:

— Здесь есть потайная каморка?

— Конечно. Ведь семья виконта из католиков. А гонения были такие, что многие скрывают свое истинное вероисповедание и по сей день.

Хлоя задрожала.

— Разве виконт Стрэтфилд был католиком?

— Не думаю. Хотя при мне он как-то упомянул о католическом прошлом семьи, и то мимоходом.

Хлою эта новость изрядно взбодрила, она и сама не могла понять почему. Выходит, Доминик происходил из семьи бунтарей, ну и что? Ведь она тоже из семьи смутьянов. Очень хотелось узнать об этом человеке побольше.

К столу подали фаршированного фазана, картофель, пюре из петрушки на сливочном масле и яблочный пирог с густейшими сливками. Струнный квартет деревенских музыкантов и фал старинные мелодии на галерее наверху. Сэр Эдгар был очень внимателен к гостям, сверх меры любезен. А как уверенно чувствовал себя на месте покойного племянника. Оказывается, Брэндон служил под началом у этого типа! Хлое очень хотелось поподробнее расспросить полковника о брате, однако чутье подсказывало ей, что торопиться с этим не стоит.

Постепенно она отвлеклась от застольной беседы. Дядя Хэмфри и сэр Эдгар завели разговор о будущем французской аристократии. Хлоя вдруг представила себе Доминика сидящим на противоположном конце старинного стола в вечернем фрачном наряде.

Мрачная элегантность этого дома прекрасно сочеталась с его властным характером.

Вот он берет серебряный кубок сильными пальцами, на губах его играет презрительная усмешка. Хлоя кожей ощущала на себе взгляд его серых задумчивых глаз. Она глотнула вина. Неужели у него хватило наглости соблазнить ее, пока она спала? Как будто не было вопиющей наглостью тайком проникнуть к ней в спальню и похитить письмо Брэндона.

От всех этих фантазий, мыслей о Доминике, восседающем во главе стола, Хлою бросило в жар. Хоть бы увидеть его еще разок и бросить ему в лицо обвинение в том, что он бесстыжий негодяй. Подумать только, он посмел ласкать ее спящую! Воспользовался ее беспомощностью, заставил отвечать на его ласки. Если бы...

— Что с вами, леди Хлоя? — прервал ее размышления сэр Эдгар. — Вы раскраснелись. Полагаю, напрасно мы затеяли за столом дискуссию о судьбах режима, державшегося на гильотинах.

Хлоя не нашлась что ответить. В разговор вмешалась тетя Гвендолин:

— Вероятно, моей племяннице не по себе в этом доме. Мне тоже.

— Почему? — удивился сэр Эдгар.

— Ведь в этом доме живет призрак, — пояснила тетя Гвендолин. — Неужели вы не ощущаете присутствия потусторонних сил?

Сэр Эдгар пришел в замешательство.

— Не могу сказать, что мне случалось слышать по ночам звяканье цепей или нечеловеческие стоны. Полагаю, дамы, вам следует немного пройтись и все эти сентиментальные глупости сами вылетят у вас из головы. Прогуляйтесь по длинной галерее или по зимнему саду, а мы с сэром Хэмфри выпьем по бокалу бренди в библиотеке.

— Великолепная идея! — воскликнула тетя Гвендолин.

Хлоя должна была бы сразу догадаться, что тетенька так ухватилась за идею неспроста.

— Пойдемте, девочки, моцион и правда нам не повредит после такого прекрасного ужина.

Сэр Эдгар поднялся проводить дам. И когда они уже были в дверях, сказал:

— Маленькое предостережение, дорогие дамы. Уверен, вам не грозит опасность повстречаться с духом моего покойного племянника, но вы можете наткнуться на его пса...

— Пса? — изумилась Памела.

Сэр Эдгар рассмеялся:

— Несносное животное, которое принадлежало моему племяннику. Несколько недель этот гнусный волкодав то рыл ямы по всему саду, то носился по окрестному лесу. Я велел егерю пристрелить эту тварь, но глупец отказался. Два дня назад зловредный пес неожиданно исчез. Было бы крайне неприятно, если бы он снова появился.

— Я не испугаюсь собаки его милости покойного виконта, — заявила тетя Гвендолин. — Бедное животное тоскует по хозяину. Покойный виконт был страстным охотником и наездником. Что бы о нем ни говорили, к животным он имел подход.

— К женщинам тоже, — заметила Памела, обратившись к Хлое.

Хлоя хотела сказать, что убедилась в этом на собственном опыте, но вовремя прикусила язык.

— Вы слышали, девочки? — заметила тетя. — Пес покойного виконта ощущает присутствие хозяина. Животные очень восприимчивы к таким вещам. Уж поверьте мне. Нет, призрака надо успокоить, раз и навсегда. И я добьюсь этого, даже если мне придется укладывать его самой.

Это было уж слишком, Хлоя и Памела захихикали. Тетя Гвендолин поспешила повести их вверх по широкой лестнице черного дуба, на галерею, которая нависала над холлом. В давние времена хозяева дома с детьми прогуливались по этой галерее. Влюбленные ходили по этим половицам, держась за руки, целуясь в альковах при лунном свете.

Памела принялась разглядывать семейные портреты, висевшие на стене, и снова захихикала. Хлоя тоже рассмеялась, хотя в глубине души очень жалела, что тут нет портрета Доминика.

Легкомысленный смех Хлои проник сквозь стену, в мрачную тьму, в которой засел Доминик. Ее бьющая через край жизнерадостность немного рассеяла его меланхолию, и появился соблазн выбраться из своей темницы хоть ненадолго, чтобы увидеть ее. Это была такая пытка — знать, что она здесь, в его собственном доме, и не иметь возможности заключить ее в объятия!

А ему хотелось большего, гораздо большего. Ему страстно хотелось узнать Хлою Боскасл до конца, завоевать ее восхищение, стать героем в ее глазах.

Он стал мерить шагами душную тесную щель, в которой прятался. Какая несправедливость, что он повстречался с этой девушкой, когда все в жизни у него разладилось. Хлоя наверняка вспоминает его с отвращением. Даже если он сумеет осуществить свою месть и остаться живым, за этой девушкой ему никогда не позволят ухаживать. Ее братья первые навесят на него ярлык «дьявол во плоти» и сожрут его живьем.

Доминик был готов умереть, чтобы совершить месть.

Ее смех снова эхом разнесся по галерее, словно дразня его, и он припал глазом к щели в надежде увидеть ее. Сколько раз он воскрешал в памяти их поцелуи, их перепалки, исходивший от нее запах — все до мельчайших деталей. Ему до сих пор не верилось, что она пришла в его дом. Она была так близко и так далеко.

А она смеялась. Смеялась, сидя за столом с его врагом. Весело бежала по коридору, которым не так давно шел его убийца. Кокетничала с властолюбцем, которому убить человека было так же легко, как прихлопнуть муху.

Да, он не сумел ее предостеречь.

Она и представления не имела, насколько опасен сэр Эдгар.

— Мама, куда ты идешь?! — спросила потрясенная Памела, едва поспевавшая за матерью.

— В спальню его милости.

Памела бросила тревожный взгляд на Хлою.

— А что, если сэр Эдгар застанет нас там? И спросит, что мы делаем в его спальне?

— Мы скажем, — невозмутимо ответила тетя Гвендолин, — что услышали какой-то шум и забрели в его спальню по ошибке.

— Тетя, ведь это верх неприличия зайти тайком в спальню джентльмена, хозяина дома? — заметила Хлоя, думая про себя, что сильно недооценила решимость тетеньки: видно, и в этой почтенной даме проявилась наконец кровь Боскаслов.

— Верх неприличия — это терпеть в доме привидение, которое собирается посягнуть на добродетель моей дочери, — отрезала тетя.

Хлоя прибавила шаг. Бессмысленно пытаться остановить Боскасла, вышедшего на тропу войны. Оказывается, тетя Гвендолин пронесла в дом в своем ридикюле пакет с солью, Библию, серебряный колокольчик и шелковый кисет, содержащий в себе стертую в порошок косточку из пальца французского святого. Этот порошок тете продала мадам Дара.

По мнению Хлои, он подозрительно смахивал на овсяную муку.

— Ну, девочки, вперед, — шепотом скомандовала тетя Гвендолин, когда они дошли наконец до плотно закрытой дубовой двери спальных покоев. — Согласно информации, полученной от нашего преподобного, это та самая комната, где был зарезан лорд Стрэтфилд.

— Может, лучше сделать это при дневном свете? — шепнула побледневшая Памела.

— Что за глупости! — воскликнула тетя. — Призрак-то творит свои бесчинства по ночам, кроме того, когда еще нам представится такая возможность? Вперед! Вряд ли мой супруг сможет занимать сэра Эдгара так уж долго!

Памела отворила дверь в темный покой, а Хлоя замешкалась на пороге. Ей не хотелось заходить в комнату, где Доминику были нанесены эти ужасные раны. Представить только, как он был поражен, как напуган этим нападением, какую страшную боль испытал! Хлоя собственными глазами видела, какие мучения ему причиняли уже поджившие раны.

— Ты идешь, Хлоя? — шепотом окликнула ее Памела.

— Я лучше здесь постою, покараулю, — тоже шепотом ответила Хлоя. — Только вы недолго, пожалуйста.

Время тянулось медленно. Хлоя вдруг заметила висевший в противоположном торце длинной галереи портрет. И сразу догадалась, что изображенный на нем всадник в развевающемся винно-красном плаще — это Доминик. Она пошла к портрету. Серые глаза Доминика блестели тем насмешливым блеском, который был ей так памятен. Художник сумел передать и силу, и глубину характера Доминика.

Создавалось впечатление, будто он сам стоит перед ней.

— Следовало бы проучить тебя хорошенько, — прошептала Хлоя.

И услышала какой-то звук. Слабый царапающий звук. Что это? Она пошла на звук и скоро приблизилась к большому неиспользуемому камину, по обеим его сторонам стояли колонны из зеленого итальянского мрамора.

— Это мышка, — разочарованно произнесла она, заглянув в пыльный зев камина.

Она попятилась и оказалась у одного из двух стрельчатых окон, выходящих в раскинувшийся перед домом сад. Лунный свет мерцал на черной поверхности пруда. Призрака она не увидела.

— Где ты, Доминик? — Хлоя приложила ладонь к стеклу в свинцовых переплетах.

— Ближе, чем ты думаешь.

Хлоя резко обернулась. К ней приближалась темная, закутанная в плащ фигура, смутно видневшаяся в полумраке галереи. Сердце у нее подпрыгнуло, замерло, но прежде чем она успела издать хоть звук, ладонь в черной перчатке зажала ей рот, сильная рука подхватила ее, подняла в воздух и увлекла в зияющее темное отверстие возле камина.

Колонна захлопнулась за ними, подняв столб пыли, и теплая, душная тьма сомкнулась вокруг Хлои. Она чувствовала, как крепко прижимает ее Доминик к своей груди. Его мускулистые бедра подталкивали ее куда-то назад, в темную пустоту. Она его совершенно не видела, но чувствовала всем телом. Его руки защищали ее от невидимых опасностей, которые она тем не менее ясно ощущала. Его губы коснулись ее щеки.

— О Боже, Доминик! Ты с ума сошел!..

— Молчи, — прошептал он ей в шею, приложив палец к ее губам.

Он взял ее за подбородок. Хлоя содрогнулась и закрыла глаза, так ужасно и восхитительно было оказаться пленницей и возлюбленной в его объятиях.

Его ладони, затянутые в черную кожу перчаток, двинулись по ее плечам, бокам, легли

на ягодицы. Он окреп с тех пор, как они виделись в последний раз, могучее тело его двигалось без труда, и он прекрасно сознавал это. Она ощущала, как напрягаются и перекачиваются мышцы его груди, живота, бедер, вжимавшихся в ее тело.

— Я часто думал о тебе, Хлоя. Вспоминал, как мы целовались.

— Не понимаю, как вообще можно о чем-то думать в этой кромешной тьме!

— Какое счастье снова быть рядом с тобой! А еще большее счастье поцеловать тебя!

От этих слов у Хлои перехватило дыхание. Он прильнул губами к ее губам. Язык его проник в ее рот. Он издал глухой стон.

Здесь, в темноте, да еще на своей территории Доминик хозяин положения, все козыри у него, и он не замедлит пустить их в ход. Теперь она в его власти. Он может сделать с ней все, что пожелает. Может оставить ее здесь на неопределенное время. И никто не догадается, куда она пропала. Эта мысль не только не испугала Хлою, но и показалась ей соблазнительной. Его поцелуи были до того сладостны, что Хлоя забыла обо всем на свете.

Затем пришла в себя и спросила:

— Мы так и будем стоять в темноте и мучить друг друга? Хоть бы кресло мне предложил.

— Это упрек в мой адрес?

— Если угодно. Это такое кошмарное место! Как можно здесь прятаться?

Он принялся наматывать ее блестящий, локон на палец.

— Следовало бы наказать тебя за строптивость.

— Наказать?

— О да. — Он тихонько потянул локон. — Например, приковать к стене. Здесь есть очень подходящие цепи. Может, чуть ржавые и не такие красивые, как золотые безделушки с бриллиантами, которые обычно украшают твои дивные запястья.

Кандалы. В подземелье. Негодяй угрожает приковать ее к стене! Подумать только. И это в благодарность за то, что она для него сделала! Ну, закует он ее в кандалы. Что дальше? Она представила себя скованной и беспомощной, объектом наслаждений. Картина, которую ей нарисовало воображение, была столь эротичной, что лицо Хлои залилось румянцем.

— Еще чего не хватало! — воскликнула Хлоя. — Я залепила бы тебе пощечину, Стрэтфилд, да только ничего не вижу в темноте.

— Я совсем рядом, Хлоя. Ближе невозможно.

Это была чистая правда. Она ощущала жар его тела. Биение ее сердца эхом отзывалось в его сердце.

— Неужели ты не можешь найти меня на ощупь? Ведь ты должна ощущать меня рядом. — Он коснулся кончиками пальцев ее подбородка, щеки, нежной раковины уха.

— Всем телом. — Голос ее дрогнул от волнения. — Как там у Шекспира — Князь Тьмы должен быть джентльменом? Ведь католические священники не заковывали людей в кандалы?

— Священники не заковывали, — жизнерадостно отозвался он. — А вот контрабандисты, два века спустя занявшие их место, еще как заковывали. Ладно уж, не стану показывать тебе скелет, прикованный к стене, который обнаружил на второй день своего пребывания в этом подземелье.

— Сердечное тебе за это спасибо.

Он засмеялся. Его жаркое дыхание обдало ей плечо. Мурашки побежали у нее по телу.

— У бедолаги на шее висела дощечка с надписью «Освободи меня и сам пропади».

— Но что может значить такая надпись? — спросила Хлоя, вдруг осознав, как хорошо быть под защитой Доминика.

— Представления не имею.

— Может, это означает, что его дух тогда освободится и начнет мстить своим мучителям? — негромко заметила Хлоя. — Быть может, это скелет одного из твоих предков.

— Сомневаюсь. Скорее его сиятельство Скелет был врагом тех, кто командовал подземельями в те времена.

— Ну, если его сиятельство и не был тебе родней, то он точно родствен тебе по духу.

Доминик улыбнулся:

— Вполне возможно. Так что, освободить его?

— А ты готов «пропасть сам»? Только не сейчас, пока я здесь. И что теперь со мной будет?

Его голос звучал так насмешливо, что ей снова захотелось отвесить ему оплеуху.

— А что бы ты хотела, чтобы с тобой произошло, а, Хлоя? Обещаю исполнить любую твою просьбу, как и подобает гостеприимному хозяину.

Если провести целый месяц в темноте, ни с кем не общаясь, у кого угодно помутится рассудок.

Хлоя была предметом его фантазий, прекрасной мечтой, призом, который всякому хотелось бы завоевать. И либо эта барышня до смерти напугалась его угроз — в чем он сам очень сомневался, либо... либо ее влекло к нему с непреодолимой силой. Возможно, именно по этой причине она и не выдала его, когда он прятался в ее гардеробной. Неужели он и в самом деле завоевал сердце этой бойкой красавицы? При этой мысли Доминика буквально распирало от гордости.

— Я счастлив видеть тебя, Хлоя Боскасл, — проговорил он между поцелуями, которыми покрывал ее пухлые губы и нежную шею.

Эта девушка была для него настоящим пиршеством. Его тело реагировало на нее самым примитивным и недвусмысленным образом.

— Здесь так душно, Доминик, — прошептала Хлоя. — Как ты терпишь?

В темноте чувственность легко воспламеняется. Податливая мягкость ее округлых грудей, живота, прижимавшегося к его животу, легкий запах душистого мыла, исходивший от ее плеч. Она вся была податливая мягкая плоть и ускользающая женственность в его неловких руках. Ему хотелось обцеловать ее всю, с головы до ног, раздеть и восхищаться сливочной нежностью ее обнаженного тела.

— Ты явилась сюда, чтобы меня мучить?

Доминик знал ответ на этот вопрос. Хлоя не способна на мстительность и жестокость. Если она и причиняла ему страдания, то невольно. Хотя она и нарушила его планы своими чарами, несправедливо укорять ее в намерении растопить его решимость.

— Можно подумать, что я такая же хитрая и коварная, как ты, Доминик.

В голосе ее звучала обида, что ему сразу же захотелось поцеловать ее, чтобы утешить, ну или чтобы хотя бы заставить замолчать. Ведь скоро ему придется отпустить Хлою. Иначе ее хватится его гостеприимный дядя.

— Мне в голову не могло прийти, что ты скрываешься в своем собственном доме.

— Никому не придет и не может прийти, — заявил он. — Я рад, что это обнаружила ты.

— Почему? — спросила она насмешливо, дразня его.

— Сама знаешь почему, — проворчал он.

— Нет, ты скажи мне, Доминик. — Она обвила рукой его шею и обмякла в его объятиях. — Я хочу это знать.

Кровь забурлила у него в жилах. Что она с ним делает и без всяких усилий со своей стороны? А что будет, когда она наберется опыта?!

— Боже мой, Хлоя, как ты любишь дразнить!

— Неужели? — Он заметил, что девушка задышала чаще, и звук ее голоса заставил его почувствовать себя хищником, готовым кинуться на пойманную добычу.

Она тоже желает его! Не только он сходит с ума от желания!

Он снова поцеловал ее. Доминик понимал, что потерял контроль над собой. Он также знал, что в темноте Хлоя не ориентируется и вряд ли рискнет передвигаться. У него самого ушло несколько дней на то, чтобы научиться ориентироваться в кромешной тьме. Ну кто рискнет обвинить его в том, что он воспользовался беспомощным положением девушки? Он

так истосковался без людей, без женской ласки, что едва способен был соображать.

Если он не соблазнил эту девушку прямо там, где стоял, то лишь из уважения ко всему семейству Боскаслов. Как же ему хотелось зарыться в это нежное тело!

Случайное прикосновение ее пышных грудей вызывало в его теле приступ сладчайшей боли, какой ему еще не доводилось испытывать. Мягкая тяжесть ее живота, навалившаяся на его пах, заставляла изнывать от желания. Девушка, сама того не желая, скрутила его в безнадежный и болезненный узел. Перед ее чарами невозможно было устоять.

Доминику хотелось, чтобы она оказалась обнаженной у его ног и взирала на него с обожанием. Наверное, все же не стоит рисковать. Можно продержаться здесь еще несколько минут, не более — искорку света в темном царстве. Если он не остановится, то через мгновение начнет пресмыкаться перед ней и умолять о ласках. Он привлек ее к себе, крепко обнял.

Нет, отвести ее сейчас в свое логово — значит попусту искушать судьбу, зря подвергнуть девушку многим, слишком многим опасностям. А он скорее бы дал уничтожить себя, чем допустил, чтобы Хлоя оказалась втянутой в тот ад, в который превратилась его жизнь. Это ведь не ее битва. Она была желанным призом, ожидавшим его после сражения.

— Проклятие! — вырвалось у него. — Хлоя, ну зачем, зачем ты пришла сюда?

Хлоя почувствовала себя увереннее, инстинкт самосохранения был силен как никогда. Нет, она не тепличное растение, которое вянет при первых заморозках!

— Не понимаю, на что ты рассчитываешь? Неужели тебя не обнаружат в твоём собственном доме? — спросила она.

— Ты понимаешь, какой опасности подвергла нас обоих, явившись сюда?

— Ты что, умом тронулся, Доминик? Неужели меня едва не соблазнил безумец?

— Вполне возможно.

— Прятаться в собственном доме...

— Прекрати искушать меня!

— Тогда прекрати меня целовать.

— Делай, что тебе говорят, Хлоя!

— Не стану, пока не разберусь во всем.

— Ты и так разобралась, в чем не следовало. А целовать тебя я буду, когда пожелаю.

— Не спросив на то моего позволения...

Вместо ответа он взял ее за подбородок и одарил еще одним ошеломляющим поцелуем. Хлоя забилась в его объятиях, сама не зная, хочет ли вырваться от него или прижаться к нему еще теснее. Доминик обвел языком ее губы, лизнул щеку и ухо. Он держал в ладонях ее лицо так, словно оно было сделано из тончайшего хрусталя, легонько поглаживая пальцами ее скулы.

Шквал ощущений, свирепый и непредсказуемый, словно буря, потряс девушку. Доминик стал поглаживать ее грудь. У Хлои подогнулись колени. Соски, прижатые к его телу, напряглись и заныли, голова пошла кругом от пьянящего наслаждения. Ей казалось, что там, где его жаркое тело вдавливается в нее, оно прожигает ее насквозь, словно каленое железо. Она дрожала как в лихорадке, вцепившись пальцами в его шею.

— Никогда не смей больше прикасаться ко мне вот так, — прошептала она слабеющим голосом.

Доминик замер, прищурился и в этот момент походил на волка, подкрадывающегося к добыче. Хлоя сделала вдох и добавила:

— Пока не расскажешь мне, что именно ты затеял.

— А если я удовлетворю твое любопытство, ты позволишь мне прикасаться к тебе?

— Может, позволю, а может, нет. — Подумать только, что она несет: предлагает свою добродетель в обмен на информацию. — Но только чуть-чуть.

Он взял ее за руку, так и не пообещав ничего.

— Осторожней на ступеньках. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я обниму тебя за талию, чтобы не упала? Дерево старое, местами прогнившее. Не ровен час упадешь, расшибешься.

От его ровного голоса и заботливых слов у нее мурашки побежали по коже. Действительно — не ровен час упадет она здесь, расшибется. И он вдруг спрашивает разрешения взять ее за талию после того, что только что творил с ней? Он повел ее по темным переходам вниз, в самые недра подземелья, в свое тайное логово. Она почти ощущала жар адского пламени под ногами, следуя за порочным князем, который вел ее по своим стигийским владениям.

Выйдет ли она когда-нибудь отсюда? А если выйдет, то останется ли прежней светской барышней и будет снова вести скучную будничную жизнь?

Доминик никому не позволит обидеть ее, в этом Хлоя уверена. Иначе не пошла бы за ним в подземелье.

Но выйдет ли она все той же невинной девушкой из подземных владений Доминика?

Он провел ее по длинному тоннелю, вырубленному в меловой скале. Оставил в тоннеле одну горящую свечку. Он заметил, что Хлоя брезгливо морщит носик при виде куч застывшего цемента и множества пустых бочонков, валявшихся повсюду.

Где-то за стеной раздался осторожный скребущий звук.

— Боже правый, что это?

Он улыбнулся с виноватым видом:

— Ничего особенного. Крысы.

Хлоя отшатнулась от гнилой балки и прошептала:

— Крысы.

Но вопреки его ожиданиям в голосе ее не было ни страха, ни отвращения, только жалость. Это совершенно обезоружило Доминика.

— Ах, Стрэтфилд, несчастный дух. Как ты можешь жить в таких условиях?

До чего же непредсказуема эта Хлоя Боскасл! Да, такую не запугаешь. Такая свалившись с лошади, тотчас же снова вскочит в седло. Видимо, потому, что выросла в обществе очень буйных молодых лордов.

— Устраиваюсь, как могу. Конечно, моему камердинеру очень трудно брить меня в потемках, и я все время вдеваю в манжеты запонки не из той пары. Но в общем и целом устроился с комфортом.

— Но как же тебе здесь одиноко. О чем ты думаешь, сидя в тишине и темноте?

Он внимательно посмотрел на ее лицо: при свете свечи оно казалось еще нежнее, еще очаровательнее.

— Сначала я думал только о мести. Изобретал всевозможные способы, в том числе варварские.

Она не смутилась под его пристальным взглядом.

— Принимая во внимание, как с тобой поступили, это вполне естественно.

— Может, и так. Но в последнее время я все чаще думаю о другом.

— О чем же?

Он приблизил лицо к ее лицу, вдохнув восхитительный аромат ее кожи. И сразу ослабел от прилива желания. Неужели она не догадывается, что отвлекает его от мысли о мести? О том, что он мечтал привести ее в свое логово, раздеть при свете свечей и любить всеми доступными для смертного способами.

— Скажи наконец, какие мысли отвлекают тебя от мыслей о мести? — не унималась Хлоя.

Он сжал челюсти. Она бросила ему вызов, что еще сильнее разожгло его страсть. Очень медленно, не сводя с нее горящих глаз, он стал стягивать перчатки. Затем положил ладони ей на затылок и привлек к себе.

Его губы коснулись ее губ, язык проник ей в рот, он обхватил ее за талию. Хлоя издала стон, такой тихий, что он едва не зарыдал — так ему хотелось обладать ею.

— Мысли о тебе... — Это признание вырвалось из самой глубины его души. — Я думаю лишь о том, чтобы прикасаться к тебе тысячью разных способов и...

Она закрыла ему рот поцелуем. Доминику показалось, будто мир перевернулся. Рука его скользнула ей на живот, на грудь. Ее тело обмякло, стало податливым. А ее поцелуй — требовательным. Покоренный отвагой Хлои, Доминик передал инициативу ей в руки.

Податливая. Или соблазняющая. Не всели равно, в каком именно качестве он получит свою барышню. Если все-таки получит. Дыхание его участилось, он сжал ладонью ее грудь. Он для нее источник наслаждения. Она воспаляет его. Ее пышное тело манит, взывая к самым примитивным и опасным инстинктам.

Он коснулся ее соска и был вознагражден нежным вздохом. Сжал ладонью вторую грудь, наслаждаясь ее сладостной тяжестью, ощущением тонкого шелка платья — единственной преграды.

— Вот об этом, — сказал он срывающимся голосом, — об этом я думаю, сидя в темноте. О тебе.

— Ну не все же время?

— Почти все.

Его руки скользили по ее шелковистой коже. Он представил себе, как ее теплое тело станет горячими ножнами для его жезла страсти.

Сладостная пытка. Как же они подходят друг другу. Его возбужденная плоть ткнулась в нежный холмик меж ее ног, суливший блаженство. Ее юбка зацепилась за выступ засохшего цемента. Она отцепила юбку, посмотрела ему в глаза. И замерла. Губы ее были влажны и блестели в полумраке. Должно быть, по его глазам она догадалась, как сильно он нуждается в ней. Он и не пытался это скрывать. Пыл желания обжигал его. Вдруг он заметил, что дрожь пробежала по ее телу. Неужели она обиделась? Или испугалась? Почувствовала, что он очень близок к тому, чтобы разорвать на ней платье?

Она улыбнулась, и пытка неизвестностью закончилась. Доминик вздохнул с облегчением. Хлоя облизнула припухшие губы.

— Ну не можешь же ты постоянно думать обо мне. Чем еще ты занимаешься здесь, в подземелье?

— Иногда читаю, — ответил он. — Или упражняюсь в фехтовании. Мой дядя когда-то преподавал технику Анджело в Венеции. Он научил меня всему.

Хлоя взгляделась в сумрачный коридор, убегавший вдаль.

— Куда ведет этот коридор?

Доминик заколебался. Может, сейчас он и держит Хлою в объятиях и она в его власти, но ее нескольких слов будет достаточно, чтобы погубить его. Впрочем, он ей уже полностью доверился, так не все ли равно, будет она знать больше или меньше?

— Этот тоннель ведет к заброшенной мельнице на окраине деревни. Вернее, к целой сети тоннелей, которыми контрабандисты в свое время изрыли весь склон за поместьем. Контрабандисты сплавляли по ручью, на котором стоит мельница, свой товар к морю. А мне этот ручей служит ванной, хотя и холодноватой, но вполне сносной. Я выхожу туда в полночь.

— И никто тебя ни разу не видел?

Он поморщился:

— Ни разу, до того памятного вечера, когда мне пришлось укрыться от преследования в твоей гардеробной. Я знал, что рискованно расхаживать по лесу, но уж очень мне захотелось побродить на свободе.

— Как долго ты сможешь скрываться в подземелье собственного дома?

— Сколько угодно. Если ты сохранишь мою тайну.

— Но сэр Эдгар — твой родственник, он образованный человек и профессиональный военный. Почему бы тебе не обратиться к нему за помощью? Или сэр Эдгар из тех зануд, которые считают, что все должно быть по закону? У него должны быть связи, влиятельные друзья...

По презрению, отразившемуся во взгляде Доминика, Хлоя все поняла.

— Так это он?! — воскликнула она не веря своим ушам. — Твой родной дядя? Не может быть. Как ты можешь его подозревать в подобной подлости?

— Я не подозреваю. Я знаю.

— Откуда?

Доминику не хотелось отравлять те немногие мгновения, которые он мог провести наедине с ней.

— Я доверился тебе, Хлоя. Так доверься и ты мне. Я узнал голос убийцы, который ударил меня кинжалом. И хотя лицо его было скрыто маской, его голос я не мог спутать ни с каким другим.

— Поскольку Сэмюел уже мертв, то все твое состояние переходит к сэру Эдгару, — едва слышно произнесла Хлоя.

— Именно.

— А Брэндон... О Боже! Доминик, значит, он повинен и в смерти моего брата?!

— Ну же, Хлоя. Время ли сейчас вести беседы! Впрочем, ты права. Полагаю, мой дядя сэр Эдгар, организовал убийство Сэмюела и Брэндона потому, что они стали свидетелями его тайных связей с французами, которым он продавал военные тайны. А теперь позволь, я покажу тебе мои покои.

— Твой дядя, — прошептала Хлоя. — Уму непостижимо.

Он смахнул паутину с ее волос, взял ее за руку, ободряюще сжал пальцы. Она стояла так тихо, что ему стало не по себе. Конечно, он пощадил бы ее и не стал открывать всей правды, будь это возможно. Доминик вспомнил, как сам был потрясен и обескуражен, узнав о предательстве дяди.

— Боже правый, — прошептала Хлоя после долгого молчания.

— Ты что-то вспомнила?

— Ведь меня отправили в Чизлбери на перевоспитание. Вряд ли братья представляли

себе, чем я буду здесь заниматься.

Доминик расхохотался:

— Полагаешь, твой визит нельзя считать визитом вежливости?

— Барышня не должна наносить визиты вежливости джентльмену, тем более на ночь глядя, — заметила Хлоя. — Знай, моя сестра Эмма... — Хлоя осеклась — что-то мохнатое потерлось о ее ногу. — Это крыса? — спросила Хлоя невозмутимо.

— Это мой пес. Манеры у него, как и у хозяина, оставляют желать лучшего.

— Пес? Он здесь, с тобой, в подземелье?

— Тут все решено было за меня. Аресу, видно, не понравилось общество, в котором ему пришлось вращаться наверху. Что неудивительно, учитывая, что сэр Эдгар заклеил его как опасное животное и приказал пристрелить.

Хлоя опасливо покосилась на массивного, мускулистого пса.

— Он и в самом деле опасен?

Доминик ухмыльнулся.

— В случае необходимости — очень даже. В данный же момент, полагаю, мы можем считать его дуэньей.

— Дуэньей? По-моему, он больше похож на шеф-повара. Смотрит на меня так, будто собрался съесть на обед.

— Ну, в этом его трудно винить. Мы с ним не видели такого аппетитного создания, как ты, уже много недель.

— Что за глупости, Стрэтфилд.

— Что ты делаешь здесь, в этом доме? — спросил он, вдруг посерьезнев. — Я-то думал, что ты достаточно напугана, что вовек не переступишь этого порога. А также достаточно умна, чтобы внять моим предостережениям.

— Ты предостерегал меня от прогулок по лесу.

— Теперь, надеюсь, ты поняла, что мой дядя Эдгар — хладнокровный убийца.

Хлоя покачала головой:

— Должна признаться, что это не укладывается у меня в голове. Как только тебе удалось остаться в живых? Как ты ухитрился организовать собственные похороны без посторонней помощи?

— Есть у меня один верный друг. К счастью, он без предупреждения заехал ко мне как раз накануне нападения на меня. Надеюсь, вскоре мне представится возможность познакомиться тебя с ним.

Вдруг где-то наверху, над их головами, зазвенел колокольчик. Доминик в тревоге поднял глаза к потолку.

— Боже правый, это что еще такое?

— Это моя тетя Гвендолин, — ответила Хлоя после долгой паузы. — Она пытается изгнать одного хулиганистого призрака.

Доминик ухмыльнулся:

— Что плохого я ей сделал?

— Тетя убеждена, что ты собираешься соблазнить во сне мою кузину Памелу.

— Какую кузину?

— Перестань ухмыляться, демон в человеческом обличье! После того, что ты сотворил со мной прошлой ночью, я и сама подумываю, не устроить ли тебе вечное упокоение.

Он издал тихий смешок и повел ее снова вверх по ступеням, обратно в коридор,

который тянулся внутри стены.

— Ну, если бы ты действительно спала, то не знала бы о том, что произошло — если вообще что-то произошло. Может, тебе попросту приснился сон, а, Хлоя?

— Точнее, ночной кошмар?

Доминик откашлялся. Интересно, как далеко она позволила бы ему зайти? И тут же порадовался, что в полумраке тоннеля невозможно увидеть блеск его глаз. Он так страстно желал эту барышню, что ему стало не по себе.

— Что ж, мы были близки с тобой?

— Ты был близок со мной — ты демон, инкуб.

— А ты, бедная невинная дева, спала и не сопротивлялась.

— Именно так. И не смей меня больше расспрашивать о подробностях.

Он тут же опомнился и поднял глаза, когда сверху донесся звук колокольчика.

— Сэр Эдгар в курсе предприятия, затеянного твоей тетенькой?

— Надеюсь, нет.

— Надо немедленно прекратить эти колокольные звоны, и как можно скорее. Насколько мне известно, дядя ни разу в жизни не обидел женщины, но не будем искушать судьбу и проверять, насколько далеко он готов зайти.

Хлоя же думала о том, что она, должно быть, совсем сошла с ума. Ей живо представилось, как старшие семейства Боскасл, известные в узком кругу под прозвищем Испанская Инквизиция, учинят ей допрос, требуя объяснить, как она посмела закрутить странный роман. Хит на черной кухне привяжет ее к стулу, как, бывало, частенько делал в детстве, а Грейсон станет трясти над ее головой что-нибудь ужасное, вроде мертвой вороны, дабы сломить ее сопротивление.

А Эмма, Прелестная Диктаторша, будет осуществлять сам допрос, расхаживая вокруг привязанной пленницы в надежде, что та сломается и выдаст важную информацию. Но Хлоя была достаточно упряма, чтобы сохранить тайну, которую не желала раскрывать. Допустим, Хлою спросят, к каким методам прибегал покойный виконт Стрэтфилд, ухаживая за ней.

Хлое придется ответить:

«К самым обычным: шантажировал, угрожал, давил на жалость и целовал до беспамятства».

Тут поднимется переполох. В кухню ворвутся Девон, Дрейк и Брэндон и ринутся освобождать пленницу. Начнется битва на столовых ножах и вилках, начищенных старательной прислужгой, и будет продолжаться до появления в черной кухне экономки или гувернантки, явившихся чтобы приструнить несносных детей.

Хлоя покачала головой, улыбаясь этим сладостным и вместе с тем горьким воспоминаниям. Какой же простой была жизнь в те времена, когда они жили одной семьей. Где...

— Где ты была, Хлоя? — раздался над ее ухом шепот Памелы.

Тут только Хлоя заметила, что уже стоит в дверях.

— Ты все пропустила.

— Я... э-э... сторожила на галерее. Ну что, удалось тете прогнать духа?

Памела вздохнула и поставила свечку на место, в настенный светильник.

— Мама устроила такой кошачий концерт! Боюсь, наслушавшись таких завываний и молитв за упокой его души, бедный призрак решит, что не так уж плохо быть мертвым.

Тетя Гвендолин, услышав перешептывания девушек, обернулась к ним. Колокольчик и

Библию она прижимала к груди.

— По-моему, у меня получилось! — торжественно объявила она.

Хлоя с любопытством оглядела пустую спальню, но на кровать, где едва не убили Доминика, избегала смотреть. И кто? Родной дядя!

— С чего вы взяли, тетя? По-моему, комната нисколько не изменилась.

— Ну, — начала тетя Гвендолин, — во-первых, здесь больше не ощущается его присутствия...

— А я с самого начала не ощущала его присутствия, — перебила мать Памела, не скрывавшая своего разочарования. — Я так надеялась, что нам удастся увидеть призрака прежде, чем ты организуешь ему вечный покой.

Тетушка нахмурилась.

— С чего бы тебе вдруг захотелось увидеть этого несносного призрака?

— Чтобы спросить, кто его уби... — Памела не договорила, и у нее вырвался пронзительный вопль, поскольку в этот момент в спальню влетело четвероногое мохнатое существо.

Тетя Гвендолин ахнула и выставила вперед Библию, как щит, что не произвело на существо особого впечатления.

Это был пес. А конкретнее — обожаемый волкодав Доминика, Арес. Видимо, догадавшись, что визжащая Памела и ее мать с Библией наперевес вряд ли окажут ему теплый прием, пес кинулся к ногам Хлои. Хлоя посмотрела на собаку, и ее охватила легкая паника.

— Ты что здесь делаешь? — прошептала она псу, погладив его по гладкой рыжей голове.

Девушка сразу поняла, что пес выскочил из подземелья, когда Доминик выпускал ее в коридор. Ну что теперь ей делать?

Тетя Гвендолин с явным облегчением опустила Библию. На лестнице раздался топот ног и эхом разнесся по галерее.

— Прекрати истерику, Памела. Это пес его милости, покойного виконта.

Хлоя выдохнула. Тетя Гвендолин была несносной старухой, но очень любила животных.

Памела опустилась на кровать и тут же с визгом вскочила. Ведь на этой кровати был зарезан покойный виконт!

— Откуда этот пес явился? — Голос Памелы дрогнул.

Тут послышался голос сэра Эдгара, а затем и сам он ворвался в спальню, держа в руке дуэльный пистолет. Дядя Хэмфри и трое лакеев следовали за ним по пятам.

— Кто кричал? Что случилось? — Сэр Эдгар окинул спальню быстрым цепким взглядом.

И в следующее мгновение увидел пса у ног Хлои.

Лицо его окаменело от гнева.

— Откуда здесь это животное? Он напал на вас? Что вы здесь делаете?

Хлоя заметила, что, хотя сэр Эдгар сохранял самообладание, рука его слегка дрожала. Тут ей вспомнилось, что сэр Эдгар грозился пристрелить пса. Это из-за нее Арес ускользнул из подземелья, и, сама того не желая, Хлоя может выдать Доминика.

— Мы прогуливались по галерее и вдруг услышали шум в этой комнате, — спокойно сообщила девушка сэру Эдгару. — Открыли дверь и увидели собаку. Она никому не причинила вреда, сэр Эдгар.

Тетя Гвендолин слегка приподняла брови, услышав столь далекую от истины версию, однако во взгляде ее сквозило одобрение. И что самое главное, подобная отговорка никак не могла навести на след Доминика.

Сэр Эдгар, видимо, совладавший с собой, опустил пистолет.

— А я-то гадал, где может прятаться проклятое животное. Странно, что прислуге не пришло в голову проверить эту спальню. Мне следовало прикончить этого пса в первый же день.

— Ничего подобного, — заявила возмущенная тетя Гвендолин. — Бедный зверь скорбит по своему хозяину. Это свидетельствует о его верности и уме.

Сэр Эдгар покосился на Хлою и Памелу и ответил, как предписывала вежливость:

— Как вам будет угодно, леди Дьюхерст.

— К тому же, — продолжала тетя Гвендолин, — псу, похоже, пришлось по душе Хлоя. Не исключено, что собака через нее пытается вступить с нами в контакт.

— Вступить в контакт? — изумилась Хлоя.

Тетя Гвендолин нетерпеливо тряхнула головой. До чего же племянница непонятлива.

— Чтобы сообщить нам о смерти хозяина. Уверена, Стрэтфилд пытается сообщить нам что-то с того света.

— Что? Что ему приглянулась Хлоя?

Сэр Эдгар устремил взгляд на освещенную свечами галерею и процедил сквозь зубы:

— Сейчас прикажу, чтобы с этой проблемой было покончено раз и навсегда.

Тетя Гвендолин так и ахнула:

— Неужели вы и в самом деле собираетесь умертвить это безобидное животное? Сэр Эдгар! Ведь ваш покойный племянник просто обожал этого пса. Сердце радовалось смотреть на них, когда пес бежал за лордом Стрэтфилдом во время их частых прогулок.

Хлоя взглянула на устроившегося подле нее мастифа краешком глаза. Нельзя сказать, что она так уж любила животных, но ни за что не допустила бы, чтобы животному причинили зло.

К тому же, несмотря на сентиментальные рассуждения тети Гвендолин о верности и уме пса, Хлоя опасалась, что пес выведет сэра Эдгара на тайное убежище Доминика. И добром, разумеется, это не кончится.

— Мне всегда хотелось иметь такую собаку, — пролепетала Хлоя, совершенно несвойственным ей тоном легкомысленной светской барышни.

— В самом деле, дорогая? — Тетя Гвендолин уставилась на нее с недоверием, смешанным с восхищением.

Памела прищурилась.

— О да, — выдохнула Хлоя, прижав руки к сердцу. — Папа обещал мне такую собаку незадолго до смерти.

Это было самое наглое вранье в ее жизни! У папы Хлоя выпрашивала диадему с бриллиантами, а вовсе не собаку. Арес уселся на пол рядом с ней.

— Я буду счастлив найти для вас подходящую комнатную собачку, леди Хлоя, — сказал сэр Эдгар, кривя рот в улыбке. Он шагнул к Аресу, пес оскалил зубы. — Разве вы не видите, что это животное непредсказуемо?

— Ошибаетесь, сэр Эдгар, — вмешалась тетя Гвендолин. — Пес просто защищает свою хозяйку. — И дабы окончательно разбить доводы противника, тетя Гвендолин подошла к собаке, опустила на корточки и принялась чесать ее за ухом.

Арес оставался кротким, словно агнец. Хлоя же думала про себя: что она станет делать с собакой-убийцей?!

Или — с человеком-убийцей.

Она подняла глаза на сэра Эдгара, силясь понять, что может скрываться за маской гостеприимного хозяина, который был сама любезность. Неужели такой благовоспитанный, лощеный джентльмен способен на убийство? Может, Доминик ошибся? Может, плохо разглядел напавшего, ведь в спальне наверняка было темно.

— Ну, что скажете, сэр Хэмфри? — воскликнул сэр Эдгар, обращаясь к своему гостю, маячившему в дверях спальни. — Вам решать, если вы согласны терпеть в своем доме эту псину.

— Ах, сэр Эдгар, я еще ни разу не смог отказать супруге, когда речь шла о том, чтобы взять в дом очередное бездомное животное, — добродушно ответил сэр Хэмфри, пожав плечами. — Было бы глупо с моей стороны воспротивиться сейчас.

Сэр Эдгар покачал головой, признав свое поражение.

— Что же, берите зверюгу, но если она бросится на вас, не говорите, что я не предупреждал.

Сэр Эдгар стоял на каменных ступенях крыльца рядом с Хлоей, в то время как остальные члены семейства рассаживались в карете, собираясь отправиться домой.

— Благодарю вас за удовольствие, которое вы доставили мне своим посещением, леди Хлоя. Жаль, что я не сумел устроить для вас вечер позанимательнее.

Хлоя заставила себя с улыбкой принять этот комплимент. Да, их хозяин был сама галантность, сама утонченность, но ничего, кроме ужаса и отвращения, он Хлое не внушал.

— Благодаря вам, сэр Эдгар, я провела очень интересный вечер, — ответила она.

Боже, а ведь это было чистой правдой. Воспоминание о том, как Доминик целовал ее в темноте, о ласках, которые он дарил ей, заставило ее покраснеть до корней волос. Никогда еще на ее долю не выпадало такого интересного вечера! И теперь она знала, пусть только в общих чертах, всю историю Доминика.

Сэр Эдгар улыбнулся:

— Не знаю, право, надолго ли мы оба задержимся в Чизлбери. Я начал всерьез скучать без упражнений в военном искусстве, вы же, леди Хлоя, совершенно очевидно, принадлежите лондонскому свету, где вам способны воздать должное.

Мгновение Хлоя соображала, уж не намекает ли этот лощеный тип, что ей лучше бы убраться отсюда подобру-поздорову.

— Вы льстите мне, сэр Эдгар. — «И пугаете меня», — добавила она про себя.

Подумать только, такой светский человек и убийца. Неужели и гибель Брэндона на его совести? Возможно ли это? Не ошибается ли Доминик? Но ведь совершил же кто-то это чудовищное покушение на самого Доминика, а сэр Эдгар многое выигрывал в случае смерти своих племянников.

— Ах ты, милый мой малыш, — ворковала тетя Гвендолин над громадным псом, который уселся на замшелых ступенях крыльца Дьюхерст-Мэнор и так и сидел в настороженном молчании. — Вы только посмотрите, до чего он послушный!

— И какой громадный, — проворчал дядя Хэмфри. — Отбивных на этой неделе мне уж точно не достанется.

— Ты столько слопал сегодня у сэра Эдгара, что до Рождества хватит.

Сэр Хэмфри пропустил мимо ушей это замечание. Он смотрел на Памелу и Хлою

которые рука об руку вошли в дом. Арес двинулся за ними. Сэр Хэмфри был тронут готовностью пса охранять девушек.

— Знаешь, Гвенни, что-то не понравился мне наш новый сосед, — обратился сэр Хэмфри к жене.

Он ожидал бурных возражений с ее стороны, но она спокойно ответила:

— Признаться, мне тоже. Человек, который не любит животных, не заслуживает доверия.

Доминик проводил глазами карету, пока она не исчезла за поворотом, в надежде хоть мельком увидеть Хлою. Ему так хотелось унести с собой в темноту ее образ, ее дразнящую улыбку. Когда ему снова станет невыносимо душно во мраке, он будет думать о своей возлюбленной, которая, словно луч солнца, осветила его лишенное света мрачное убежище.

В некотором смысле он был рад, что Арес ушел с Хлоей. Проклятый пес был для него обузой, как и роман с восхитительной Хлоей, узнавшей все тайны.

Доминик, приуныв, отправился в свое логово. Он видел, как долго сэр Эдгар торчал на крыльце, провожая гостей. Безупречный хозяин дома. Безупречный солдат. Предатель, губивший и свою родину, и свою семью ради золота, убивавший без малейших угрызений совести. А как он смотрел на Хлою! При одном воспоминании об этом у Доминика мурашки побежали по спине.

Он постоял мгновение в потайном переходе. Надо приниматься за расшифровку письма, но он никак не может сосредоточиться, взять себя в руки. Письмо явно имеет отношение к предательской деятельности сэра Эдгара, но кто написал его? И кому оно адресовано?

Доминик стал спускаться в подземелье. И вдруг почувствовал, что мысли путаются, что ему необходимо глотнуть свежего воздуха. Ночная прогулка взбодрит его.

Почти полчаса прошло, прежде чем он пробрался по узкому ходу, прорубленному в меловом склоне холма, и, подняв деревянную крышку люка, оказался на заброшенной мельнице. Сегодня путь по тоннелям показался ему бесконечным, и он испытал огромное облегчение, оказавшись наконец на воле.

Ветка хрустнула под чьей-то ногой. Доминик потянулся к пистолету, заткнутому за пояс. Это уже второй гость за сегодняшний вечер.

Вопль тети Гвендолин, такой душераздирающий, что кровь стыла в жилах, разнесся по дому. Вопль этот разбудил Хлою, которая едва успела положить голову на подушку. Девушка накинула жакет, кинулась к двери, споткнулась об Ареса, и тут вопли неожиданно смолкли.

Собственно говоря, тетя Гвендолин выглядела довольно спокойной, когда Хлоя и дядя Хэмфри обнаружили ее в гостиной.

— Боже мой, душа моя, — лепетал дядя Хэмфри, пытаясь надеть очки. — Как это понимать? Зачем ты стоишь тут, закутавшись в плащ, и кричишь так, что стены дрожат?

— Я видела его, Хэмфри, — взволнованно сообщила тетя Гвендолин мужу, волоча его к окну. — Я видела, как он проехал лесом на своем жеребце. Я видела призрака, Хэмфри.

Дядя Хэмфри и Хлоя переглянулись.

— Тетя Гвендолин, это был не призрак, — заговорила Хлоя. — Если вы и в самом деле видели всадника, то это был, вероятно, Девон.

— Девон? — усомнилась тетя.

— Да, Девон, — подтвердил дядя Хэмфри раздраженно. — Юный негодяй скорее всего явился сюда за помощью, а ты спугнула его своими криками.

— Это был не Девон, — ответила тетя Гвендолин. — Что я, не знаю, как выглядит этот

озорник мальчишка? Призрак гораздо крупнее Девона. К тому же он ехал на жеребце Стрэтфилда.

Дядя Хэмфри встревожено покачал головой:

— Полагаю, следует увезти тебя отсюда ненадолго. Съездим в Дорсет, погостим там, отдохнем.

— Нет, — резко заявила тетя.

Хлоя даже отвернулась от окна, в которое выглядывала в надежде разглядеть всадника.

— Неужели ты настолько бесчувствен, Хэмфри? Мы не можем уехать, Хлоя влюблена.

У Хлои сердце пропустило удар. Она влюблена? Первое, что пришло ей на ум, что тетя каким-то образом узнала о Доминике, но тут же подумала: это исключено. К тому же ведь она вовсе и не влюбилась в этого восставшего из мертвых виконта. Разве это любовь, когда ни на минуту не покидает тревога, когда хочется то смеяться, то плакать от отчаяния. Она — и вдруг влюбилась? В Доминика. Братья будут рвать и метать. Да они войну устроят!

Хлоя представила себе, как ее призовут к ответу и она начнет давать объяснения.

«Прошу вас, познакомьтесь с человеком, которому я отдала свое сердце. Он мертв вот уже несколько недель, но пусть это вас не смущает. Так же как и меня. Где мы познакомились? Строго говоря — в моем сундуке с нижним бельем. Где он живет? В доме своих предков, вернее, внутри стен дома...»

— Да, — продолжала между тем тетя Гвендолин. — Хлоя отдала свое сердце нашему местному мальчику, Джастину, и они будут прекрасной парой, хотя Памела и недолюбливает его. Думаю, такой союз одобрят все члены семьи. Так что главное — не погубить этот брак в зародыше.

Хлоя сама не знала, вздохнуть ли ей с облегчением или рассмеяться.

— Боже правый! Но я вовсе не влюблена в Джастина! Я едва познакомилась с ним. — Строго говоря, с Домиником она познакомилась даже позже.

Но разве можно сравнить Доминика с Джестином! И ее чувства к этим мужчинам. Впрочем, не так давно Хлоя и сама думала, что Джестин неплохая партия.

Хлоя набрала побольше воздуха и выпалила:

— Думаю, тетя Гвендолин, пора мне сказать тебе правду. Девон тайно приезжал ко мне несколько раз — ему нужна была помощь. Я знаю, что поступила некрасиво — нехорошо злоупотреблять вашим гостеприимством, но он все же мне брат...

— Он мне племянник, — перебила ее тетя Гвендолин. — И думаю, я люблю этого озорника не меньше, чем ты, Хлоя. Я знаю, что Девон приезжал сюда тайком и тихонько пробирался в твою комнату. Я просто не вмешивалась по доброте душевной.

Хлоя почувствовала, как запылали у нее щеки.

— Поверить не могу, что вы все знали, тетя.

— Я знаю, что некоторые вещи лучше держать в тайне и что такое верность своей родне, тоже знаю. Я ведь по крови Боскасл, если помнишь.

— Помню, — ответила Хлоя, поглядывая на дядю, на лице которого появилось насмешливое выражение.

— Я не так уж глупа, Хлоя, — продолжала тетя Гвендолин. — Да и слышу неплохо. Несколько дней назад вы с Девоном подняли такой тарарам в вашей комнате, будто собрались плясать контрданс.

Какой там контрданс. Хлоя покраснела до корней волос. Тетя явно имела в виду ночь, когда Хлоя обнаружила Доминика в своей гардеробной. Ночь, когда он швырнул ее на

кровать и перепугал до полусмерти. Эта ночь изменила всю последующую жизнь Хлои.

— Мне очень жаль, что мы вас побеспокоили, — произнесла Хлоя после неловкой паузы.

На лице тети Гвендолин появилось выражение досады, смешанной с огорчением.

— Вы с Девонем меня вовсе не обеспокоили. Кто меня беспокоит, так это призрак!

— Ты и в самом деле полагаешь, что всадник, которого ты видела, был Стрэтфилдским Призраком? — осторожно осведомился дядя Хэмфри у супруги. — Но зачем тогда ему развезжать перед нашим домом?

— Ответ более чем очевиден, Хэмфри, — отрезала супруга. — Несчастный дух молит прекратить его муки.

— Как и все остальные, — пробормотал дядя себе под нос.

— А я, — продолжала тетя Гвендолин, — явно не справилась со своей задачей, не обеспечила духу упокоения. — Она повернулась к Хлое и сэру Хэмфри. — Я только еще больше всполошила этого духа, вместо того чтобы его успокоить. Он явился сюда просить моей помощи. И я не могу ему отказать.

Доминик смотрел, как долговязая фигура забирается на полуразрушенную мельницу.

— Эйдриан, я ведь мог раскроить тебе череп, — произнес Доминик. — Какого черта ты здесь делаешь в столь поздний час?

Этот явившийся без предварительного уведомления визитер был Эйдриан Ракели, виконт Вулвертон, профессиональный наемник, блудный сын и будущий наследник герцогской короны. Криво ухмыляясь, Эйдриан принялся стягивать кожаные перчатки, затем присел на корточки перед люком, из которого Доминик совсем недавно явился на мельницу. Коротко стриженные светлые волосы Эйдриана только подчеркивали резкость черт и темный загар его лица. Карие глаза выражали добродушную озабоченность.

— Доминик, дружище, ну и заставил же ты меня поволноваться. Мы же договорились с тобой встретиться сегодня в лесу в девять. Не может быть, чтобы я перепутал время! Почему ты не пришел?

Доминик бросил на друга мрачный взгляд:

— Дяденька принимал гостей.

— Я догадался. В доме все окна так и сияли. Очень соблазнительно было бы явиться незванным гостем и посмотреть на его реакцию. — Эйдриан обернулся через плечо, тихо свистнул, и его жеребец послушно перешел в густую тень мельницы. — Должно быть, интересный был вечер, если ты пожертвовал нашим свиданием, — добавил он.

Последовало молчание. Их дружба возникла и окрепла в той же Прусской военной академии, где оба познакомились с Хитом Боскаслем. Пути Эйдриана и Доминика совсем недавно снова сошлись после долгой разлуки. Эйдриан, отвергнутый гордым и озлобленным отцом, полагавшим, что сын явился на свет в результате любовной связи его молодой жены на стороне, последние восемь лет провел в добровольном изгнании. Только три месяца назад он вернулся в Англию по просьбе своего отца. Эйдриан был не дурак, и перспектива получить наследство казалась ему привлекательной.

Повеса, смутьян, наемник, циник, он был заметной фигурой лондонского света, единственным человеком, которому Доминик доверял.

Доминик опустил пистолет.

— По правде говоря, я забыл, что у нас с тобой назначена встреча.

— Что ж, не велика беда, — заметил Эйдриан. — Знай я, что ты следишь за Эдгаром,

посоветовал бы тебе не приходиться. Вдруг ты упустил бы какую-нибудь важную информацию? Ведь это не прежние деньки, когда мы с тобой постоянно ссорились из-за каждой встречной юбки.

— Ты так думаешь?

Эйдриан прищурился:

— Ты что, был с женщиной? Ну как можно так рисковать? Я понимаю, искушение велико — после месяца в изоляции, без секса, в этой душной дыре. Надеюсь, дама ничего не знает?

— Она знает все.

— Какой же ты дурак! — не веря своим ушам воскликнул Эйдриан. — Что ж, надеюсь, от этой особы можно будет откупиться или услатить ее по крайней мере до той поры, когда наше дело будет завершено. Кто она, скажи на милость? Одна из твоих горничных?

— Леди Хлоя Боскасл. — Доминик закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Его рубашка еще хранила ее неповторимый запах. Все тела трепетало при воспоминании о том, как он ее обнимал. Долго копившаяся страсть выплеснулась наружу.

— Боскасл? Не родственница ли она Хиту Боскаслу?

— Думаю, да.

Эйдриан, ошеломленный и восхищенный, рассмеялся, сверкая белыми зубами.

— Насколько мне известно, тебе единственному удалось соблазнить эту восхитительную красу Лондона, причем в то время когда все считали тебя мертвецом.

— Это не входило в изначальный план, все получилось случайно.

Эйдриан вдруг посерьезнел.

— Перед ней действительно трудно устоять?

Доминик потер подбородок, заросший щетиной.

— Не то слово. Ведь я не мог ухаживать за леди, как подобает, будучи трупом, как ты мне тактично напомнил.

— Полагаю, ты изыскал новый способ ухаживания.

— Барышня стоит любых усилий.

— Позволь мне активной участвовать в этой истории с Эдгаром.

— Ты и так достаточно сделал, — медленно проговорил Доминик, глядя на ручей, залитый лунным сиянием. — Без твоей помощи мне бы не выжить.

— Я бы с большим удовольствием голыми руками вырвал у него из груди сердце, только позволь мне.

Еще когда они были юнцами, Эйдриан отличался замашками изгоя и бунтаря, чего нельзя было сказать о Доминике, который держался в рамках традиции, предписанной английскому лорду. Когда отец отрекся от Эйдриана, он долго скитался по Индии, служил наемником в самых дальних колониях. Эйдриан не колеблясь прирезал бы сэра Эдгара, только позволь ему.

— Будет и на твоей улице праздник, — произнес Доминик.

— Лучше раньше, чем позже, — отозвался Эйдриан. — Смотреть противно. Ты влачишь жалкое существование, в то время как сэр Эдгар наслаждается плодами своих злодеяний.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Доминика. Все та же сумрачность, напряженность, решимость. Эйдриан на его месте поступил бы так же, оба это понимали.

— Полагаю, ничего нового о сэре Эдгаре ты не узнал?

— Узнал, но очень мало. По милости Веллингтона его обошли повышением после

битвы при Ла-Корунь. Он довольно резко высказался в связи с этим в присутствии не того человека. Похоже, в Ост-Индскую компанию он перебежал потому, что высший офицерский состав его не жаловал. К тому же можно сколотить неплохое состояние на одних призовых деньгах, если покинуть регулярную армию. Но он не мог действовать в одиночку. Учитывая, что торговал «горячей» информацией.

— Это понятно. Но кто, кто мог ему помогать?

— Представления не имею, но знаю, что многим не терпится это выяснить. Я постараюсь сделать все возможное, прежде чем пойду встречаться с отцом, хотя связи в Лондоне у меня не бог весть какие. Не все встречают наемников из колоний с распростертыми объятиями. А пока наслаждайся обществом своей дамы сердца, но будь очень осторожен. Надеюсь, она действительно заслуживает доверия.

Доминик тихонько засмеялся:

— У меня нет выбора.

Эйдриан разочарованно улыбнулся:

— Ее никак нельзя услать отсюда на месяц-другой?

— Я не стал бы этого делать, даже если бы мог.

Хлоя понятия не имела, расшевелила Доминика нелепая церемония в спальне, осуществленная тетей Гвендолин, или спугнула. Не знала она также, был ли таинственный всадник, замеченный теткой в лесочке, Домиником, и очень в этом сомневалась.

Зачем Доминику рисковать, разезжая верхом по окрестностям, когда он не жалеет усилий на то, чтобы убедить свет в том, что он и в самом деле мертв? Если, конечно, ночная верховая прогулка не была частью хитроумного плана, имеющего целью вывести на чистую воду сэра Эдгара. Вот только Хлоя сомневалась, что сэр Эдгар, профессиональный вояка, способен поверить в такие театральные эффекты, как явление призрачного всадника.

Но если таинственный всадник в лесочке не был Домиником, то кем же он был? Конечно же, не Девон. И не Джастин, которого тетя Гвендолин обязательно бы узнала. Друг, решивший навестить Доминика? Посторонний, проезжавший по деревне по своим собственным делам? Хлоя места себе не находила из-за того, что никак не могла связаться с Домиником и сообщить ему о неизвестном всаднике.

Он словно и в самом деле принадлежал загробному миру. Час проходил за часом, вестей от него не было, и Хлоя опасалась, что никогда больше его не увидит.

Доминик не шел у нее из головы. Она думала о нем в церкви, во время грозной проповеди преподобного, которая потрясла верующих Чизлбери. Валяясь на кровати и пытаясь при свете свечи разобрать шифр Брэндо-на. В заросшем розовом саду, где она гуляла часами, надеясь, что ее милый призрак хотя бы подаст знак, что он жив-здоров.

Хлою одолевала тревога. Не попал ли он в беду, не лежит ли беспомощный в одном из этих мрачных тоннелей, не в силах связаться с ней.

Велико было искушение послать весточку Хиту, попросить брата о помощи. Но она обещала Доминику держать язык за зубами.

Для него, разуверившегося в людях, очередное предательство станет последней каплей, переполнившей чашу. Теплившаяся в его душе нежность иссякнет. Приверженность законам чести едва ли не все, что у него осталось. Эта добродетель, разумеется, обоюдоострая, однако Хлоя испытывала к ней смешанное чувство уважения и досады.

Хлоя все ждала его, ждала. Просыпалась посреди ночи от смутного беспокойства, сжигаемая неудовлетворенным желанием. И не в силах заснуть, шла к окну посмотреть на

затянутый туманом лесок в надежде, что он ей подаст знак.

Раз или два, перед самым рассветом, высунувшись в окно, Хлоя размахивала своей рубашкой. Никакой реакции.

Через четыре дня этот маневр сработал, привлек внимание, но, увы, не того мужчины. Лорд Сент-Джон зашел навестить ее в то время, когда она выгуливала Ареса в яблоневом саду.

— Убери собаку, Хлоя, — заговорил Джастин, приблизившись к ней сзади.

Он был в белой рубашке и нанковых панталонах, в плаще. Сапоги забрызганы грязью.

— Мне не до романтики, когда я думаю о том, что эта зверюга сейчас вцепится мне в задницу.

Хлоя рассмеялась, притянув собаку ближе к себе. Она и забыла, как по-мальчишески непосредственно умел держаться Джастин, что выгодно отличало его от лондонских юношей, которые старались произвести на нее впечатление, щеголяя родословной и модными нарядами.

— Меня он ни разу не укусил за задницу, к твоему сведению.

— Значит, этот пес просто глуп, — сострил Джастин, блестя глазами. — Будь я твоей собакой, я бы...

Он шагнул к Хлое. Взгляды их встретились, и Хлоя поняла, что он собирается ее поцеловать. Эта перспектива ее ничуть не шокировала — никто не мог их увидеть в обнесенном высокой стеной саду. Но Арес внезапно сделал стойку и зарычал.

Джастин издал вопль притворного ужаса, отскочил и спрятался за корявый ствол старой яблони.

— А он не к заднице примеривался, а к совсем другой части тела, самой драгоценной.

Хлоя закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Как ты думаешь, удастся мне ввести в моду четвероногих дуэний?

— А ты не привяжешь свою четвероногую дуэнью, чтобы с тобой можно было поговорить, не опасаясь кастрации? — вопросом на вопрос ответил Джастин.

— Потихе, тебя может услышать тетя!

Джастин ухмыльнулся:

— Это она меня послала в сад найти тебя.

Хлоя в изумлении покосилась на дом:

— Неужели?

— Мои родители приглашают твоих дядю с тетей, Памелу и тебя отужинать у нас сегодня вечером. Надеюсь, ты примешь приглашение. — Он поднес ее пальцы к губам. — Прощу тебя, Хлоя, соглашайся. Иначе я утоплюсь в ручье.

Хлоя вдруг поняла, что ей хочется остаться одной. Что же с ней происходит? Совсем недавно ей казалось, что Джастин очень мил. А сейчас она невольно сравнивает его со своим мрачным возлюбленным, который олицетворяет все, чему барышне следует противостоять. Почему Джастин кажется ей школьником-переростком, а не мужчиной?

— Я должна спросить у тетеньки.

— Хлоя! — донесся голос тетеньки из окна гостиной. — Спроси у Джастина, они ждут нас сегодня к шести или к семи?

Джастин захихикал:

— Вот тебе и ответ. — Джастин поцеловал ее пальцы и отпустил наконец руку. — И пожалуйста, оставь свою зверюгу дома, хотя бы сегодня. Мне самому хочется тебя покусать.

Хлоя смотрела вслед молодому человеку, размашистой походкой удалявшемуся из сада. Дойдя до калитки, он обернулся, чтобы послать ей воздушный поцелуй. Хлоя хотела махнуть ему в ответ, но тут Арес заворчал.

Пес натянул поводок, Хлоя засмеялась и сказала:

— Арес. Я не позволю тебе сожрать Джастина, да и кого бы то ни было. Пора бы тебе научиться себя вести.

Она не договорила и медленно подняла голову. Пес тянул ее к лесу.

— Стрэтфилд? — шепотом позвала она с сильно бьющимся сердцем. — Доминик, ты?

Она побежала в дальний угол сада. Арес бежал рядом с ней. Но в лесу не было ни души. Даже шелест листвы не нарушал тишины.

Арес уселся у ног Хлои.

Из дома донесся крик Памелы:

— Хлоя, ты мои новые перчатки не видела? Надеюсь, их твой пес не сожрал.

Хлоя выдохнула.

— Будь ты неладен, Доминик, — сказала она в тишину, которая словно дразнила ее. — Будь ты неладен, черт эдакий.

Ужин в гостях у родителей Джастина оказался не слишком приятным. Хлою не покидало чувство, что родители вовсе не одобряют интерес, который их сын проявляет к новой соседке, они, видимо, считали, что барышне из Лондона вряд ли придется по душе деревенская жизнь.

Джастин попытался сгладить неловкость, обратив все в шутку, вечер закончился, уже в прихожей он украдкой сорвал с губ Хлои поцелуй.

— Ты сердисься на меня, Хлоя?

Хлоя не сердилась на него. Она вообще не питала никаких чувств к этому молодому человеку, поскольку влюбилась в другого, которого считали мертвецом. Хлоя и сама с трудом верила в реальность происходящего.

— Ты стала какой-то рассеянной, — заметил Джастин, отстранившись от нее.

Ее тетя, которая с помощью супруга облачилась в тяжелый шерстяной плащ, услышала эти слова.

— Девочки боятся призрака.

Дядя Хэмфри поспешил вывести весь свой гарем на крыльцо.

— Глупости, Гвенни. Кто-кто, а Хлоя твердо стоит ногами на земле. К сожалению, не могу сказать того же о моей супруге.

Хлоя вовсе не ощущала себя барышней, твердо стоящей ногами на земле. Во все время поездки домой она обшаривала глазами залитые лунным светом обочины и опушку в надежде увидеть хоть что-нибудь, свидетельствующее о том, что Доминик жив и все еще бродит по окрестностям. Когда одинокий всадник в плаще появился на развилке дорог и преградил им путь, она замерла.

Кучер, явно раздосадованный, остановил лошадей. Хлое очень хотелось, чтобы всадник оказался Домиником, и она прикинула к окну кареты. Хотя понимала, что в планы Доминика не входило обнаружить себя, по крайней мере пока.

Надежда Хлои погасла, когда появилась возможность получше рассмотреть лицо всадника. Этого человека ей не хотелось бы ночью повстречать на дороге.

Сэр Эдгар патрулирует свои владения, один, темной ночью. Что он затеял? Кого ищет?

— Боже мой, сэр Эдгар! — воскликнул дядя Хэмфри. — Разве можно так рисковать?! Ведь я едва не пристрелил вас, приняв за разбойника.

Сэр Эдгар склонил голову в знак того, что приносит свои извинения.

— Не следует забывать, что злодей, сгубивший моего племянника, все еще не пойман.

— Вы надеетесь отыскать его в одиночку? — осведомилась тетя Гвендолин не слишком любезным тоном.

Тетя не могла простить сэру Эдгару его более чем равнодушное отношение к собакам, хотя охотно выдала бы за него свою дочь.

— Местные власти не проявили особого рвения, леди Дьюхерст, — объяснил сэр Эдгар. — В результате расследования они пришли к выводу, что мой племянник был убит не местным жителем, а скорее всего солдатом-дезертиром. Поскольку поползли слухи, будто в нашем лесу замечена подозрительная активность, я и мой егерь решили провести собственное расследование.

— Какой вы храбрый, — пролепетала Хлоя, судорожно сжимая руки, хотя была о нем

совсем другого мнения. Неужели он заподозрил, что Доминик остался жив? Или это Доминик расставил ему наконец ловушку?

Сэр Эдгар смерил Хлою взглядом. Губы его тронула легкая улыбка.

— Я хочу сделать свои земли безопасными, чтобы девушки могли прогуливаться здесь в свое удовольствие.

— И выгуливать своих собак, — не без сарказма добавила тетя Гвендолин.

— Ну разумеется, — смеясь, ответил сэр Эдгар.

Через мгновение карета уже катила по дороге. Когда проезжали Стрэтфилд-Холл, Хлоя пристально смотрела из окна на дом, словно могла проникнуть взглядом сквозь стены и увидеть, что происходит внутри.

«Доминик, где же ты?»

Лорд Девон Боскасл сидел в парадной гостиной, дожидаясь, когда все вернется из гостей. Высокий красавец в черной шинели и начищенных ботфортах. Его густые черные волосы растрепал ветер, синие глаза лучились благодушием.

В первый момент в неверном свете камина Девон показался Хлое столь похожим на их старшего брата Хита, что сердце у нее упало, и она с ужасом подумала: Хит узнал о ее романе с Домиником, или дома случилась беда. Не хватало только, чтобы Хит явился сюда без предупреждения?

Тут Девон обернулся, и Хлоя узнала его по дьявольской ухмылке. Она попятилась к софе и в изнеможении опустилась на нее. Нервы у девушки сдали. Везде ей мерещились ужасы. Тетя Гвендолин и Памела в отличие от Хлои были приятно удивлены и тепло приветствовали и обнимали ночного гостя.

— Вы только не пугайтесь, все в порядке, — заговорил Девон, многозначительно глядя на Хлою через плечо тетеньки. — Я зашел попрощаться. Возвращаюсь в лоно семьи! Искупил свои прегрешения, без усталости высаживая орхидеи в торфяные горшочки, и теперь меня можно выпускать в большой свет.

Хлоя с нежностью смотрела на брата. Впервые за последние месяцы он держался свободно, не скованно.

— Историю в Челси удалось замять? — спросила Хлоя, имея в виду неудачный дебют Девона в роли разбойника с большой дороги.

Девон поморщился:

— Да. Этим я обязан Грею, о чем, полагаю, он никогда не позволит мне забыть. Постараюсь убедить его, что тебе тоже пора возвращаться домой. Мы с тобой уже сыты по горло деревенской идиллией.

«Пора возвращаться домой». При этой мысли Хлоя похолодела. Совсем недавно она была готова на все, чтобы навсегда покинуть Чизлбери. Но теперь она останется здесь, чего бы ей это ни стоило. Ничто не заставит ее покинуть Доминика в столь трудную для него минуту. Кто бы мог подумать, что всего за несколько недель ее жизнь круто изменится из-за почти незнакомого ей человека? Удастся ли Доминику осуществить свои планы, одному Богу известно.

Доминик нетерпеливо мерил шагами спальню Хлои, с нетерпением ожидая ее появления. Он боролся с собой несколько часов, прежде чем решился наконец залезть к ней через окно гардеробной.

Он понимал, как рискует. Эйдриан только руками всплеснет, узнав о его безрассудном поступке. Но Доминик не мог с собой совладать. Он должен ее увидеть. Хоть на несколько

минут. Она дает ему силы жить. Не захлебнуться ненавистью.

Вот уже несколько дней Хлоя дразнит его. Он видел, как она стояла в окне, размахивая нижней рубашкой, маня моряка на верную погибель, подобно Цирcee.

Хлоя не шла у него из головы, даже когда он следил за сэром Эдгаром.

Доминик облокотился о подоконник и уставился в темный сад. Куда, черт возьми, она подевалась? По гардеробной были разбросаны чулки, веера, туфли, словно Хлоя наряжалась, собираясь в гости.

На кого, интересно, она хотела произвести впечатление?

Почти два часа прошло с тех пор, как он услышал грохот колес их кареты по подъездной дороге. Доминик спрятался за дверью и ждал, пока Хлоя поднимется к себе, но что-то или кто-то удерживал ее внизу.

Он был вне себя от того, что не знал, где она и чем занята. Он видел, как сэр Эдгар вечером выезжал из Стрэтфилд-Холла. Уж не с его ли дядей Хлоя сидит сейчас в гостиной? Он не видел, чтобы кто-то ехал по дороге от его поместья сюда, однако поздний визитер мог прибыть и после того, как Доминик вскарабкался по дереву и засел в покоях Хлои. Жаль, не догадался заглянуть в конюшню! Но его мысли были полностью заняты Хлоей.

Арес поднял голову, посмотрел на окно и заворчал. Это было своего рода предостережением.

Доминик задернул занавеску и отпрянул от окна, нахмурился: он узнал светловолосого юнца, появившегося под окном.

— О Боже! Опять он, — проговорил Доминик с отвращением.

— Хлоя! — тихонько позвал Джастин, стараясь, чтобы голос его звучал как можно обольстительнее. — Не прячься от меня, кокетка! Я же видел, как твоя изящная фигурка мелькнула за занавеской!

— Ну, если ты увидел тут изящную фигурку, кретин, — буркнул Доминик себе под нос, — то тебе пора обзавестись хорошими очками.

— Хлоя, нечего изображать из себя скромницу. Что-то ты не скромничала, когда я кормил тебя за ужином пирожным.

Доминик фыркнул. Так вот где она провела вечер — дома у этого дурака, который кормил ее пирожным с ложечки. Доминик скрестил руки на груди и уставился в окно, туда, где полуночный дыхатель продолжал вести свой односторонний разговор, впрочем, небезынтересный для Доминика.

— Я не уйду, пока ты не поговоришь со мной, Хлоя! — Джастин перешел на громкий шепот. — Я должен быть уверен, что ты не обиделась на меня за то, что в передней я сорвал с твоих губ поцелуй. Мне показалось, тебе понравилось. Всем барышням в Чизлбери нравится со мной целоваться.

Так они целовались в передней? Доминик сжал челюсти. Глазам его представилась Хлоя в объятиях этого чизлберийского Лотарио. Видимо, во всей деревне только Доминик не считает Хлою и Джастина прекрасной парой. А учитывая, что Доминика считают мертвым, вряд ли ему позволят высказать свое мнение.

Поддавшись внезапному порыву, он припал к занавеске и, возвысив свой голос до переливчатого сопрано, запищал в окно:

— Иди домой, к маме, Джастин. Я наобщалась сегодня с тобой досыта.

Джастин в недоумении захлопал глазами:

— Господи, что с твоим голосом, Хлоя? Ты не заболела? Заразиться от тебя нельзя?

— Да. Да. Я заболела, дорогой мой, — проверещал Доминик. — У меня заразная болезнь.

— Когда я тебя целовал, ты была здорова, как лошадь. Ну дай взглянуть на тебя хоть одним глазком на прощание.

— Нет, нет, Джастин! Я уже в ночной рубашке. Это неприлично.

Джастин прижал руку к сердцу:

— Клянусь, я не уйду, пока не взгляну на тебя. — Тут он сделал паузу и расплылся в улыбке. — Памела говорила, что у тебя в сундуке хранятся очень интересные предметы туалета!

Доминик скрипнул зубами.

— Если сейчас кто-нибудь выглянет во двор, ты вообще больше ничего не увидишь. Уж поверь мне.

Джастин топнул ногой в притворном гневе.

— Тогда я подниму шум и буду орать, пока ты не выйдешь. Твоя тетя мне симпатизирует.

— А я — нет, — прошептал Доминик себе под нос.

Подобное соперничество просто оскорбительно. Неужели Хлоя считает этого назойливого ребенка привлекательным? Неужели она целовалась с этим дураком?

— Ну что, Хлоя? Покажись! Я хоть одним глазком взгляну на тебя, чтобы слаще спалось.

— Ну черт с тобой! — прошипел Доминик, выхватил из сундука какой-то чепец с оборками, нахлобучил на самый лоб, накинул на широкие плечи розовую шаль.

— Я жду, Хлоя, — капризным тоном напомнил Джастин.

Доминик изобразил на лице самую что ни на есть злобную ухмылку и, как черепаха из панциря, высунул голову меж занавесок и тут же втянул ее обратно.

— Ну вот. Теперь доволен?

— Так не честно, Хлоя. Я ничего и не увидел: мелькнуло что-то розовое, и все.

— Доброй ночи, Джастин, — буркнул Доминик, резко задернув занавески.

Он стянул чепец, снял шаль. В коридоре послышались легкие шаги.

И тут Доминик вдруг потерял всякую уверенность в себе. Обрадуется ли Хлоя его приходу? Не испугает ли ее его безумная страсть? Эта страсть и его самого пугает. Что он может ей обещать, если у него самого пока нет будущего? Он даже не может ухаживать за ней, как положено. Может лишь вовлечь ее в беду.

Как только Хлоя открыла дверь, по спине у нее побежал холодок. Кто-то есть в комнате. Не Девон — Девон остался внизу с дядей. Не собака — хотя собака здесь, она спит у ее постели. Сердце забилося от сладкого предвкушения. Она не вынесет, если ее снова постигнет разочарование.

— Добрый вечер, Хлоя, — донесся из гардеробной знакомый глубокий голос.

Хлоя помедлила с ответом, делая вид, будто поплотнее закрывает дверь. Ведь она обещала себе послать его ко всем чертям, если увидит снова. Сколько дней она жила ожиданием и тревожилась, как он там. А он, судя по голосу, живехонек-здоровехонек, скотина такая!

В ней боролись самые противоречивые чувства. Хотелось выбрать его хорошенько. Броситься ему в объятия. Потребовать, чтобы он объяснил, с чего ему вздумалось снова забраться к ней в окно, и где он шлялся все то время, пока она с ума сходила от тревоги.

Однако у Хлои едва хватило сил на то, чтобы сохранять самообладание. Он жив! Он здесь!

— Как мило с вашей стороны заглянуть ко мне, лорд Стрэтфилд.

Он улыбнулся:

— Как мило, что вы позволили мне эту вольность.

— Я не позволяла...

Но она позволила! Какой смысл притворяться? Она столько дней умирала от желания получить хотя бы весточку от этого мерзавца. Хлоя скинула туфли, задвинула их ногой под кровать. Не забыла ли она спрятать дневник? Нет, дневник надежно спрятан. А то этому типу и так слишком много известно о ней. Леди имеет право на свои секреты. Тем более от таких, как этот тип.

Доминик отворил дверь гардеробной. Держался он надменно, даже несколько пренебрежительно. Он медленно обвел ее взглядом, всю, до мельчайших подробностей. Даже платью из желтого муслина. Интересно, ему понравилось? Судя по блеску, который появился в его серо-стальных глазах, да. Хлою бросило в жар. Дыхание участилось.

— Почему ты так долго не поднималась вверх? — спросил он негромко.

Хлоя нахмурилась.

— Мой брат Девон заехал, чтобы попроситься со всеми. Ему простили его грехи и разрешили вернуться в Лондон.

— Эдгар тоже был здесь?

Она не ответила, не сводя глаз с Доминика. Он был сама мужественность и так хорош, что дух захватывало. Если она окажется в его власти, он сможет делать с ней все, что захочет. Этого нельзя допустить, подумала Хлоя.

— Почему Эдгар должен быть здесь? — спросила она рассеянно.

— Сегодня вечером он выехал из дома. Один. Я забеспокоился, не вздумал ли он нанести визит тебе.

Сердце в груди у Хлои затрепетало. Доминик беспокоится о ней? Может быть, даже ревнует? А ведь уверял ее, что ни на какие чувства давно не способен.

— Мы встретили сэра Эдгара, когда возвращались домой. Он сообщил, что разыскивает твоего убийцу.

— Подумать только! Рыцарь без страха и упрека! — мрачно пошутил Доминик. — Я не хочу, чтобы этот мерзавец вертелся возле тебя или членов твоей семьи.

— Да мне и самой не очень-то приятно бывать в его обществе, — заметила Хлоя.

Гнев ее испарился. Она чувствовала, как сильно ее влечет к Доминику. Ей хотелось коснуться его, положить ему ладони на грудь, вдохнуть его запах, уговорить остаться.

Чей-то жалобный голос, донесшийся до них из сада сквозь открытое окно, избавил ее от риска совершить непоправимый шаг.

— Да ведь это Джастин! — вне себя от изумления воскликнула Хлоя.

— Ну да, Джастин, — с досадой произнес Доминик.

Хлоя быстро прошла к окну гардеробной, бросив на ходу:

— Что это он тут разорался?

Доминик недобро усмехнулся:

— Твой ветреник желал во что бы то ни стало увидеть меня в ночной рубашке.

— Что?! — В следующее мгновение Хлоя сообразила, что произошло. — Ах, Доминик Брекленд, с тобой неприятностей не оберешься! Поверить не могу, что ты выкинул такую

шутку! Негодяй!

Он недобро засмеялся, но она уже подошла к окну и сердитым движением раздвинула занавески.

— Тихо, ты! — прошипела Хлоя, пытаюсь разглядеть своего воздыхателя сквозь ветви деревьев.

Джастин посмотрел на нее с нескрываемым разочарованием.

— А я поверил, что ты уже в ночной рубашке. А ты в том же платье, в котором была за ужином. Значит, все это время ты меня дразнила?

— Я? Тебя? — Хлоя повернулась и метнула грозный взгляд в Доминика, который пожимал плечами, мол, он тут ни при чем. — По всей видимости, да, дразнила.

Джастин вскинул руки в жесте отчаяния.

— Что ж, Хлоя, можешь дразнить меня, сколько хочешь. Я согласен терпеть сколько угодно, хоть до утра.

Хлоя тряхнула головой. Ну что ей делать с этими двумя своевольными упрямыми?

— Не сейчас, Джастин, уже поздно, — решительно заявила она. — Я закрываю окно. А ты иди домой спать.

— Молодец, так и надо, — прошипел Доминик у нее за спиной и тихонько заплодировал. — Пусть знает свое место.

— Тебе тоже не мешало бы знать свое место, — огрызнулась Хлоя.

Доминик насмешливо улыбнулся и притянул ее к себе.

— Сейчас я покажу тебе, где твое место.

Она подняла на него изумленный взгляд. Он держал ее так крепко, что она не могла шевельнуться. Да и не хотела.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пойдем в спальню, Хлоя. Я объясню.

Доминик отнес ее на постель, раздел и принялся ласкать.

Хлоя вся пылала под его страстными взглядами. Грудь отяжелели, набухли, соски заныли.

— Я должен уйти, — сказал Доминик и провел ладонью по ее бедру.

— Нет, Доминик.

Он испытующе смотрел на Хлою. Напряжение ее все росло. Она закусил губу. Его пылкий взгляд снова обежал ее тело.

— Если я останусь, произойдет неизбежное. Ты будешь принадлежать только мне, пока я жив.

— Возьми меня, — прошептала Хлоя. Он запечатлел на ее губах поцелуй.

Она села, ответила на его поцелуй и прошептала в его горячие губы:

— Возьми меня. Сейчас. Я хочу тебя также сильно, как ты меня.

Он взял в ладони ее лицо, потом усадил к себе на колени. Хлоя прижалась к нему.

Доминик переменял положение, приподняв ее. Обхватил за талию, а свободной рукой ласкал ее тело. Она выгнула шею и задрожала от предвкушения.

Рука его становилась все смелее. Хлоя замерла, хотя все внутри ее пульсировало и дрожало. Ее смущала мысль, что вот сейчас он обнаружит, что она такая влажная там, где в ее теле открывался путь к средоточию ее женского существа.

Когда пальцы его достигли потайного местечка, ей показалось, что они обожгли ее, словно языки пламени.

Хлоя ощутила его набухшую плоть, когда он пересаживал ее у себя на коленях, чтобы раздвинуть ей бедра. Доминик застонал, обдал горячим дыханием ее волосы и погладил влажные кудряшки между ее ног, коснувшись нежной плоти.

— Милая Хлоя, — прошептал он, — ты такая нежная, теплая там внутри. Положи руки мне на плечи.

Она подчинилась, и твердые, как железные тросы, мышцы заходили под ее ладонями. У нее дух захватывало от его ласк, это было ни с чем не сравнимое наслаждение. Но тело Хлои жаждало большего.

— Разденься! — прошептала Хлоя.

Доминик приблизил губы к ее груди и сказал:

— Через минуту-другую.

Он прихватил зубами сосок, и Хлоя запрокинула голову.

— Хлоя.

Она смотрела в его потемневшее от страсти лицо.

— Не вздумай оставить меня вот так, Доминик, — прошептала Хлоя.

— Не оставлю, — сказал он. — Это выше моих сил.

Он стянул с себя белую полотняную рубашку, расстегнул черные панталоны. Хлоя впервые увидела своего возлюбленного обнаженным. Он оказался еще прекраснее, чем Хлоя себе представляла. Тело поджарое, мускулистое, жилистое, необычайного изящного сложения. Хлоя помнила скульптурную выпуклость мускулов его груди и плеч с той памятной ночи, когда обнаружила неизвестного мужчину в своей гардеробной. Подживающие шрамы не изуродовали его, просто казались отметиной судьбы.

Доминик прищурился. Хлоя не могла отвести от него глаз, горя желанием. Крепкие мышцы четко обрисовывали нижнюю часть торса и ноги. Она сделала над собой усилие, чтобы дышать ровнее. С губ ее едва не сорвался стон предвкушения, когда он направился к ней.

Она протянула к нему руки. Доминик перехватил ее пальцы, едва они коснулись твердых мышц его живота. Она видела, что он борется с собой. Что желает ее, но не хочет лишать девственности.

Высвободив пальцы из его рук, Хлоя откинулась на подушки, приняв соответствующую позу.

— Доминик, — прошептала она, — я хочу тебя.

Доминик не мог ею налюбоваться. Ее чарующий голос ласкал слух. Потаенные уголки ее тела манили, он не мог дождаться, когда наконец ощутит ее всю. Он жаждал войти в нее, смакуя каждое мгновение.

Не было времени, чтобы насладиться сполна. И вряд ли это время у него когда-нибудь будет.

Он помнил, что нельзя выдать свое присутствие, но это лишь усиливало желание, делало еще острее наслаждение. Ради обладания этой женщиной стоило пойти на любой риск. Сильная. Прекрасная, любящая.

Он лег рядом с ней. Ее синие глаза сияли.

— Хлоя, ты сводишь меня с ума, — сказал он, сокрушенно покачав головой.

— Разве ты не был безумцем, когда я впервые повстречала тебя?

Он сжал ее в объятиях.

— Ну а теперь я окончательно лишился рассудка.

Она ласково провела кончиками пальцев по его могучим плечам.

— А я тогда кто?

Он снова уложил ее на подушки.

— Моя возлюбленная.

Она вся пылала под его возбужденным телом.

— Я больше не в силах терпеть, — прошептала Хлоя. — Не мучай меня, Доминик.

— Будь терпеливей, — прошептал он, почти касаясь губами ее нежной плоти, хотя сам был не уверен, что сможет так уж долго проявлять терпение сам.

Его жезл напрягся, коснувшись ее шелковистого бедра, отяжелел, налился кровью.

Любовь к Хлое напомнила ему о том, что ничто человеческое ему не чуждо.

— Доминик? — прошептала Хлоя.

Доминик пристально посмотрел на нее. Его угнетала мысль, что, овладев ею, он вынужден будет оставить ее одну, вместо того чтобы всю ночь держать в объятиях.

— Почему ты так смотришь на меня, Доминик? — спросила Хлоя.

Он глубоко вздохнул и пальцем раздвинул влажные завитки волос. Хлоя замерла, когда он прикоснулся к нежному бутону ее женственной плоти, и закрыла глаза, испытав ни с чем не сравнимое наслаждение.

Его пробрала дрожь при одной лишь мысли о том, что он погрузится в жаркие глубины этой необыкновенной женщины.

— Чего ты ждешь? — прошептала Хлоя.

— Ты действительно хочешь отдаться такому, как я? — спросил Доминик.

— Только такому, как ты, — ответила Хлоя.

Он закрыл глаза.

— Это большая честь для меня, Хлоя.

— Какая там честь, — хмыкнула Хлоя. — Я просто хочу, чтобы ты завершил начатое и не мучил меня.

Повстречай он эту девушку до того, как жизнь его пошла под откос, он женился бы на ней.

— Хлоя, — снова заговорил он, — то, что я встретил тебя, — самое счастливое событие в моей жизни. Чего не скажешь о тебе.

— Ошибаешься, — прошептала Хлоя. — Мне нужен только ты.

— Клянусь, я не стану тебя разубеждать.

Доминик вошел в нее и, забыв обо всем на свете, проникал все глубже и глубже, не в силах остановиться. Поцелуем он заглушил легкий стон, сорвавшийся с ее губ, а когда она начала расслабляться, прошептал:

— Обхвати меня руками. Боль быстро пройдет.

— А тебе не больно?

— Нет. Я испытываю только блаженство.

Он чуть подался назад, но тут же снова ринулся вперед. Желание поглотило его целиком. Она шевельнулась под ним, сделала движение ему навстречу.

— Хлоя, как же мне хорошо с тобой.

— И мне с тобой тоже.

Он рванулся вперед в последний раз и, содрогаясь всем телом, пришел к финишу, излив в нее семя. После чего рухнул на постель рядом с ней и прижал ее к себе с такой силой, что она не могла вымолвить ни слова. Когда к Доминику вернулась способность мыслить, он

подумал, что хотя и овладел ее телом, она завоевала его сердце.

— Когда я увижу тебя снова? — спросила Хлоя, нарушив наконец молчание.

— Не знаю. Но не так скоро, как мне хотелось бы.

— И как, скажи на милость, я смогу узнать, что с тобой случилась беда?

— Никак. Лучше тебе этого не знать.

— Доминик. — Она оттолкнула его руку.

Он увидел, как бьется жилка у основания ее горла. Вся розовая после его ласк, она была чудо как хороша.

— Пожалуй, ты прав. Ты действительно мертв, злодей. Тебе неведомы истинные чувства, то, что произошло между нами, не имеет для тебя никакого значения.

— Я пытался предостеречь тебя. — Сердце его бешено колотилось. — Мне вообще не следовало сюда приходить, Хлоя. Я не хотел сделать тебя еще несчастней.

— Слишком поздно для сожалений, не находишь? — процедила она сквозь зубы. — Тебе с самого начала следовало забраться в какое-нибудь другое окно. — Хлоя натянула одеяло до самого подбородка.

— Жаль, что так получилось. Могло быть совсем по-другому, — бросил он. — Что ж, придется жить с тем, что есть.

— Как все запутано, — прошептала Хлоя.

— Хлоя. — Он был разгневан.

И неудивительно. Его жизнь катилась под откос. Он представлял для нее опасность.

— Не стоит беспокоиться обо мне, Доминик, — язвительно произнесла Хлоя. — Мой сундук и предметы туалета всегда к твоим услугам. Можешь заворачиваться в мои нижние юбки, сколько душе угодно.

Ее обида и досада показались ему и страшно несправедливыми и заслуженными одновременно. Но не было времени утешить и успокоить ее, объяснить, как много она для него значит. Он в последний раз окинул ее взглядом, поднялся с кровати. В глазах ее стояли слезы. А может, ему показалось? Только бы она не плакала. Иначе он вернется в постель и останется до утра.

— Не вылезай из постели, Хлоя.

— А что, нельзя? Боишься, что я вытолкну тебя в окно?

Он поцеловал ее на прощание. Хорошо, хоть к ней вернулось чувство юмора.

— Постарайся уснуть, — сказал он с нежностью в голосе.

— Пошел ты...

Он поспешил скрыться в гардеробной. Не в силах уйти, Доминик остановился, потрепал Ареса по голове.

Пес не шелохнулся, только проводил его взглядом. Как показалось Доминику — укоризненным.

— Господи, — прошептал Доминик, — мой собственный пес и тот против меня.

Он взобрался на подоконник. Прохладный ночной ветерок овеял его разгоряченное лицо. Если у Хлои есть хоть капля здравого смысла, она крепко запрет окно после его ухода и впустит Доминика, лишь когда он будет в состоянии предложить ей хоть какое-то будущее. Или прикажет срубить дерево, по которому так удобно пробираться в ее покои. Сам он не сможет держаться от нее на расстоянии.

Доминик перекинул ногу за подоконник, перелез на ближайшую ветку. Он страдал из-за невозможности вернуться к Хлое. Что же до его душевного состояния и силы духа, то

Доминик ни разу не чувствовал себя бодрее с той самой ночи, когда его попытались зарезать. Теперь он мог всего себя посвятить мести. Однако на сердце у него кошки скребли.

Хлоя знала, что если когда-нибудь влюбится, то влюбится по уши, со всей страстью, на которую способны Боскаслы. И уж конечно, выберет себе самый неподходящий предмет любви. Само собой, роман будет не из гладких. Она сидела, сокрушаясь и оплакивая свою судьбу добрых полминуты, все еще ошеломленная его уходом и тем, что произошло между ними.

Затем Хлоя вскочила с постели, натянула желтое платье и собралась бежать вслед за ним. Не станет она оплакивать свою судьбу. Не в ее это характере. Да, она чувствовала себя покинутой. Ей было страшно и за него, и за себя. Как он мог оставить ее одну после случившегося? Нет, нельзя допустить, чтобы он так и ушел — не дав ей чего-то еще. Частицы себя самого. И еще мучений и бед, которые он всегда нес с собой. Заверений, что он еще вернется и что с ним ничего не случится, пока они в разлуке.

Тут Хлоя заметила, что Доминик забыл подзорную трубу, которую стянул у нее несколько ранее. Хлоя взяла подзорную трубу и направилась к двери.

С сильно бьющимся сердцем Хлоя выскользнула в коридор — в доме было темно и тихо, — крадучись спустилась вниз и вышла на крыльцо. Влажная трава колола босые ноги, когда она решительно пошла вокруг грязного пруда, где плавали утки, в сад. Доминик только-только успел спрыгнуть с дерева, когда Хлоя подошла к нему.

— Боже всемогущий! — воскликнул он. — Ты что, хочешь погубить нас обоих?!

— Ты забыл подзорную трубу. Возьми ее!

Доминик взял трубу и заткнул за пояс.

— Спасибо.

— Так не может долго продолжаться, Доминик. Нельзя жить внутри стен собственного дома, это ненормально.

— Понимаю. — Он провел ладонью по черным взъерошенным волосам, не зная, что еще сказать. — А ты понимаешь, что делаешь со мной? Каждый раз, когда я тебя вижу, меня так и подмывает бросить все, открыться и зажить прежней жизнью.

— Но ты не можешь поступить подобным образом, — возразила Хлоя.

— Не могу, пока не отдам моего дядю Эдгара и его сообщников в руки правосудия. На местные власти рассчитывать не приходится. Я ведь не знаю, сколько у него было сообщников и кто следующая жертва. Мой дядя не привык играть по правилам.

Ей не хотелось снова спорить с ним. Ее возлюбленный столь же упрям, строптив и помешан на вопросах чести, как и ее братья.

— Но ты хоть найди способ подавать мне знак, что с тобой ничего не случилось.

Он схватил ее за плечи. Бледный свет луны несколько не смягчал ни его резкие черты, ни суровое выражение лица.

— Хлоя! Писать тебе я не могу. Я уже говорил тебе — есть только один человек, которому я доверяю. Его зовут Эйдриан Ракели, виконт Вулвертон. Это он помог мне организовать мои собственные похороны. Если со мной что-то случится, обратись к нему, но не ранее чем я выполню свой план.

— Хоть бы этот твой друг чуть-чуть образумил тебя?

— Не стоит углубляться в мои проблемы, ты и так слишком много знаешь. Лучше стань прежней бойкой барышней, какой была, когда я впервые повстречал тебя. Когда все

закончится, я дам тебе все, что пожелаешь.

— Я давным-давно перестала быть бойкой барышней, Доминик.

Он вдруг выпустил ее, чертыхнулся себе под нос и, пристально глядя на заднее крыльцо дома, проговорил:

— Кто-то идет сюда.

— Что...

— Не говори ничего.

Хлоя круто повернулась и увидела свою тетку, которая мчалась по садовой дорожке прямо к ним.

— А что мне делать? — прошептала она вслед исчезающему Доминику.

— Сама придумай. — Доминик нырнул за дерево.

— Ты его не видела? — крикнула на бегу тетка. — Прямо тут, рядом, бестолочь ты такая! За этим деревом!

— Кто это бестолочь? Я, что ли? — с оскорбленным видом осведомилась Хлоя.

— Ты! Кто же еще?

— Я никого не вижу. — Это было отчасти правдой, поскольку Доминик успел скрыться за длинным рядом деревьев, которыми была обсажена подъездная аллея.

К изумлению Хлои, тетя Гвендолин схватила ее за руку и потянула туда, где спрятался Доминик.

— Вон! Вон там! Неужели не видишь?

Хлоя не знала, что делать. Если она признается, что видит Доминика, то таким образом выдаст его. Если будет настаивать на том, что ничего не видит, у тети будут все основания считать ее бестолочью.

— Я позову священника, — заявила тетя Гвендолин, дрожа от возбуждения. Ее тронутые серебром кудряшки растрепались. — Пойдем со мной. Впрочем, нет. Останься здесь и сторожи его.

— Кого?

— Призрака!

— Какого призрака?

— Того, который стоит прямо у тебя под носом.

— Как же я могу его сторожить, если не вижу? — спросила Хлоя.

В этот момент Доминик вдруг шагнул вперед, однако так, что его завернутая в плащ фигура все же оставалась в густой тени, падавшей от сторожки привратника.

— Мадам, — обратился он к тете Гвендолин, — она не может ни видеть, ни слышать меня. Не тратьте усилий попусту.

Тетя Гвендолин покосилась на Хлою и пробормотала:

— Невероятно.

Доминик склонил голову с мрачным видом:

— Именно.

— Ах вы, бедный, бедный молодой человек э-э... то есть, бедный призрак! — воскликнула тетя Гвендолин озабоченно. — У вас, наверное, возникли сложности при переходе на ту сторону?

— На ту сторону? — не понял Доминик.

— Ах ты, несчастье какое, — занервничала тетя Гвендолин. — Как-то мне и в голову не приходило, что он, возможно, пытается идти вверх, в то время как ему предназначено

отправляться вниз. — Она откашлялась. — Должна предупредить вас, лорд Стрэтфилд, что я замужняя женщина.

Ошеломленный, Доминик не нашелся что ответить. Хлое вдруг показалось, что Доминик сейчас расхохочется, и она замерла от ужаса.

— Вы — замужняя женщина?

— Да. Я замужем и верна своему мужу. Я не могу стать вашей спутницей, милорд.

— Моей спутницей?

— Мне известно, что вы прославились в приходе как соблазнитель женщин, — прошептала тетя Гвендолин. — Не искушайте меня. Я не могу.

— Чего именно вы не можете? — воскликнул совершенно сбитый с толку Доминик.

— Надеюсь, моя дочь не станет вашей очередной жертвой. — Тетя Гвендолин чуть не задохнулась, разгадав наконец умысел призрака. — Вы искали меня.

Доминик попятился в тень сторожки. Хлоя мысленно возблагодарила судьбу за то, что ворота так и остались незапертыми после их приезда из гостей, так что Доминик имел возможность ускользнуть прежде, чем ее энергичная тетя схватит его за рукав и обнаружит, что разговаривала вовсе не с призраком.

— Я вынужден покинуть вас, мадам, — сказал Доминик, театрально взмахнув полкой плаща.

— Покинуть?! — воскликнула тетя Гвендолин. — Но я так и не узнала, почему вы явились и какую помощь желаете получить от меня.

— Ну, я... — залепетал Доминик. Хлоя с удовольствием заметила растерянность на его красивом лице. — Мне пора. Я и так задержался сверх меры.

Тетя Гвендолин испуганно прикрыла рот ладошкой.

— Но тогда это означает, милорд, что вас успешно удалось уложить? Умоляю, ответьте!

— Ах, мадам, — отозвался Доминик, торопливо выбираясь сквозь калитку, — к сожалению, я не могу вам ответить — это слишком личный вопрос.

И он исчез среди деревьев.

Тетя Гвендолин покачала головой:

— Он исчез. Наш Призрак исчез.

Никакое известие не могло бы обрадовать Хлою больше. Поскольку сама она «не видела» призрака, ей пришлось изобразить изумление.

— Вы уверены, тетя Гвендолин? — прошептала она, поглядывая на небо, как если бы ожидала увидеть там дух Доминика.

Тетя Гвендолин проследила за взглядом племянницы.

— Не думаю, что он вознесся к небесам, дорогая, — произнесла она раздраженно.

Хлоя опустила глаза.

— Тогда...

Тетя вздохнула.

— Судя по всему, и не туда, хотя резонно было бы предположить, что ад — самая подходящая среда обитания для подобных духов.

Хлоя помолчала и спросила наконец:

— Так куда же все-таки он направился, тетя?

— Видишь ли, Хлоя, загробный мир устроен несколько сложнее, чем представляют себе простые смертные. Куда он отправился? — Тетя Гвендолин помолчала и продолжила: — Не туда и не сюда. — Она помахала рукой. — В неизвестные эфирные сферы.

— Какие такие эфирные сферы?

— Ну, если б я могла ответить на этот вопрос, эти сферы перестали бы быть неизвестными, верно?

— Верно.

— Но не следует думать, что неопытная барышня вроде тебя способна постичь тайны бытия. — Тетя сурово посмотрела на Хлою. — Полагаю, не надо предавать огласке то, что произошло. Никто не должен знать, что мы его видели.

— Но я ничего не видела, — заявила Хлоя.

— Вот именно. Он должен понять, что нам можно довериться. И тогда явится мне снова.

Хлоя покосилась на лесок, в котором прятался сейчас Доминик.

— Тетя, а вы хотите увидеть его снова? Вам не страшно водить дружбу с призраками?

— Дорогая моя, это жертва, которую я должна принести ради того, чтобы защитить тебя, Памелу и других барышень и дам нашего прихода.

— Это будет наша тайна, — с важностью заявила Хлоя.

— Вот и хорошо, — отозвалась тетя Гвендолин и окинула цепким взглядом сад. — Должна признаться, мне не дает покоя один вопрос, Хлоя.

Сердце в груди Хлои забилося отчаянно. А она-то решила, что худшее позади.

— Какой вопрос, тетя?

— Что ты делала в саду в столь поздний час, Хлоя? Если ты не видела и не слышала призрака его светлости, то зачем вышла в сад?

Два дня спустя лорд Девон Боскасл неспешно поднимался по ступеням крыльца особняка на Парк-лейн, принадлежавшего его брату Грейсону. Впервые после позорной истории с каретой семья официально принимала Девона дома. Уид, старший лакей Боскаслов, личность выдающаяся, проводил блудного сына в гостиную с теплой улыбкой.

Целые полчища прислуги сновали по дому, который предполагалось закрыть на время отъезда маркиза в его загородное поместье. Домоправительница, миссис Соме, принесла Девону здоровенный кусок пирога с малиной и смахнула слезу. Две горничные поспешили взбить диванные подушки, прежде чем блудный сын опустит свой зад на диван.

Итак, блудного сына приняли в лоно семьи, и, как ни смешно, Девона переполняло чувство благодарности. Конечно, птенцы выводка Боскаслов вели себя порой не ахти как хорошо, однако общая атмосфера в семье была атмосферой приятия и теплоты, и самые страшные прегрешения в конце концов прощались.

Через несколько минут в гостиную вплыла сестрица Эмма. Ее рыжевато-золотистые кудрявые волосы были уложены в прическу, безупречные черты лица безмятежны. Если предстоит все-таки выслушивать назидания, то именно от сестрицы Эммы, подумал Девон и мысленно застонал. Эмма, Прелестная Диктаторша, отличалась хрупкостью подростка и безжалостностью полководца. Молодая вдова, схоронившая мужа и открывшая собственную Шотландскую академию для необъезженных девиц, которых следовало вышколить для большого света. В данный момент она гостила у брата Хита, так как еще не выбрала окончательно место постоянного проживания.

— Девон, — заговорила Эмма, заложила руки за спину, сцепила ладони и принялась разглядывать брата.

— Эмма! — отозвался он и поднялся с дивана, чтобы заключить сестру в объятия. — Как восхитительно ты выглядишь!

— Неужели? — Эмма, ничуть не тронутая этим льстивым комплиментом, чуть подалась назад, чтобы лучше видеть лицо брата. — Предупреждаю тебя, Девон: Грей созвал совет, будет вся клика, дабы обсудить возникший кризис. Будем разрабатывать план сражения. Атака не за горами.

Синие глаза Девона затуманились.

— Я-то думал, меня простили.

— Речь не о тебе, дурачок. — Эмма досадливо тряхнула головой. — Проблема с Хлоей. Если мужчина запятнал свою репутацию, это одно дело; но если молодая леди... Грейсон убежден, и я не могу не согласиться с ним, что Хлоя будет вести себя подобным образом, пока не выйдет замуж.

Девон принялся разглядывать шотландский пейзаж, висевший над камином, потом спросил сестру:

— Эмма, а тебе ни разу в жизни не приходилось поддаться порыву и совершить выходящий из ряда вон поступок?

— Разумеется, приходилось.

— И что именно ты совершила? Нацепила жемчуга в церковь?

— А почему ты спрашиваешь? — вопросом на вопрос ответила Эмма, скрестив на груди руки. — Что, предполагается, что я безупречный образец благоразумия?

Он потянул сестру за бледный локон, упавший ей на щеку.

— Ты и есть образец.

Эмма усмехнулась:

— Следует, пожалуй, вас несколько отрезвить, дорогие мои. Если бы я дала волю своей подлинной натуре, Лондон стоял бы на ушах.

— А ты дай, дай ей волю и поставь Лондон на уши, Эмма, — сказал Девон.

Тут в дверь постучали.

— Давно в нашем семействе не было скандалов.

Лорд Хит Боскасл стоял и смотрел в окно, дожидаясь, когда все семейство соберется в малой гостиной. Лорд Хит знал, зачем его призвали сюда, знал, что его голос будет решающим, когда речь пойдет о судьбе Хлои. Впервые он жалел о том, что в жизни все далеко не так просто, как кажется.

Он очень жалел, что не может подобно Девону поверить в то, будто его красавица сестричка Хлоя повстречала приличного молодого человека и между ними вспыхнуло взаимное чувство.

А может, так оно и есть? Но выражение темно-синих глаз Хита сразу стало циничным. Скажите, как просто: своенравную светскую барышню отправляют в деревню, там она опля! — немедленно знакомится с молодым аристократом, о котором любая семья может только мечтать, и демоны, терзавшие барышню, терпят поражение.

Возможно — но маловероятно. Для барышни из семьи Боскаслов по крайней мере.

Его старший брат, Грейсон, маркиз Седжкрофт, опустился на диван, обитый голубой тафтой, и явление его царственной особы сигнализировало, что клике пора приступать к делу. Грейсон чем-то напоминал Хиту средневекового князька: светловолосый, уверенный в себе, готовый действовать. Дрейк и Девон, оба темноволосые, беспокойные, изнывающие от распиравшей их энергии, встали по обе стороны дивана, при этом вид имели такой, будто при первой же возможности готовы были броситься наутек.

Эмма, вдовствующая виконтесса Лайонс, сидела у камина в кресле, обитом гобеленовой тканью, держа наготове записную книжку и карандаш. Будущее Эммы тревожило Хита ничуть не меньше, чем будущее Хлои. Красивая молодая вдова — легкая добыча для неподходящих женихов.

Эмма окинула взглядом гостиную и обратилась к Грейсону:

— А что, твоя супруга не присоединится к нам?

Грейсон смущенно улыбнулся:

— Она так и не решила, можно ли ей с чистой совестью присоединиться к нашему семейному заговору и обсуждать Хлою за ее спиной.

Дрейк радостно захохотал:

— Учитывая, что сама Джейн в свое время пала жертвой такого же заговора?

Грейсон притворился обиженным. Они с Джейн поженились совсем недавно, после длительного периода ухаживаний, которые больше напоминали битву интеллектов, чем торжество нежных чувств. Прекрасная русоволосая маркиза была, пожалуй, единственным человеком на земле, способным удерживать Грейсона в некоторых границах. Да еще получать нежнейшую любовь и преданность в ответ на это.

— Не хочешь ли ты сказать, что брак для меня — своего рода наказание?

— Вот быть твоим братом — это наказание.

Эмма откашлялась.

— Нельзя ли перейти прямо к делу? Для начала ты, Девон, — она указала на него карандашом, — будь добр, расскажи нам, какого ты мнения о молодом человеке Хлои.

Девон поколебался мгновение — у него было чувство, что, поделившись с семьей этой информацией, он предаст свою сестру Хлою.

— В сущности, я не знаю, что именно Хлоя думает об этом молодом человеке — она была слегка не в себе, когда мы виделись в последний раз. Симптом настоящей любви, я бы сказал.

— А что ты думаешь о нем? — спросил Хит.

Девон пожал плечами:

— Да я его почти не знаю. Года два назад мы с Джастином вместе охотились. Мне показалось — парень как парень. Ведь правда, Дрейк?

Дрейк покачал головой:

— Мне он показался немного избалованным, а также надменным.

— Это вы моего мужа обсуждаете? — раздался насмешливый женский голос в дверях. — Или это замечание относится к одному из его братьев?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Хит поднял глаза и усмехнулся, приветствуя невестку.

— Входи, Джейн. Нашим дебатам не помешает свежий взгляд.

Маркиза Седжкрофт вошла в гостиную, нашла глазами супруга, который, как и прочие мужчины, поднялся, едва она появилась.

— Осмелюсь предположить, что мое мнение вряд ли придется здесь ко двору. Я никогда не скрывала, что не одобряю и вашего решения изгнать Хлою из Лондона.

— Вот и прекрасно, — сказал Хит, подводя невестку к креслу. — Твой голос будет единственным голосом против.

— Голос здравого смысла, — с улыбкой заметил Дрейк.

Джейн рассмеялась.

— Тогда позвольте мне заявить, что я больше не позволю мужу прибегать к привычной для него тактике коварных обманов и неуклюжих маневров, когда дело касается тайнства брака.

— Неуклюжих? — переспросил Хит, подавляя смешок.

— Коварных? — Грейсон, похоже, и в самом деле обиделся. — Я собственным примером доказал, что мужчина способен на немислимые подвиги, когда им движет любовь. — Все поняли, что Грейсон намекает на тот факт, что он обманом вынудил Джейн выйти за него.

— Что вновь возвращает нас к обсуждаемому вопросу, — заметила Эмма. — Этот молодой человек любит Хлою? Он подходящий жених?

— Гораздо важнее, — заговорила Джейн, расправляя юбку своего розового платья, — стоит ли этот жених того, чтобы втайне заключать брачный договор, в полночь, в карете?

На мгновение в гостиной воцарилась тишина: все хорошо помнили, что именно таким образом Грейсон обвел вокруг пальца свою хитроумную Джейн в бурные дни ухаживаний.

— Дорогая, — подал голос Грейсон, с обожанием глядя на супругу, — ты недовольна?

Джейн только улыбнулась мужу в ответ. Эмма досадливо тряхнула головой.

— Если кого-нибудь интересует мое мнение, то впредь мы попробуем не давать пищи злым языкам. Следует ли нам познакомиться с этим храбрым молодым человеком? Дрейк? Грейсон? Что скажете?

Широкий лоб Грейсона прорезали морщины.

— Полагаю, Чизлбери предоставляет молодым людям не слишком много возможностей для проказ.

— Как там говорится в старой поговорке? — обратилась Джейн к мужу. — «Праздничный ум — мастерская дьявола»?

Грейсон засмеялся:

— Почему ты так многозначительно смотрела на меня, цитируя эту старинную мудрость?

Джейн снова улыбнулась:

— Опыт, друг мой, опыт.

Дрейк бросил взгляд на Девона:

— Может, повременим, прежде чем принимать решение?

— Молодой человек еще не сделал предложения руки и сердца, — напомнила Эмма. — Надеюсь, они не собираются бежать и венчаться тайно.

— Не заметил, что Хлоя кокетничала с кем-то на похоронах Доминика, — задумчиво произнес Грейсон.

— Так ведь ее не было на похоронах, — сказал Хит. — Она больна была в тот день. Да, кстати, убийц Доминика так и не нашли. Сэр Эдгар сообщил мне в письме, что скорее всего преступление совершено солдатами-дезертирами или моряками. Странно. Вообще вся эта история весьма подозрительна.

— Флиртовать на похоронах! Тем более похоронах убитого! — проговорила Эмма, придя в негодование. — Еще бы она на похоронах флиртовала! До чего же докатилась наша семейка за время моего отсутствия?

Грейсон поудобнее уселся на диване.

— Тетя Гвендолин уверяет, что этот самый Сент-Джон — самый завидный жених во всем приходе.

— Скорее всего он там единственный жених, — вставил Девон. — В этой деревне живет человек двадцать пять, не больше.

— Может, я наведаюсь туда, познакомлюсь с молодым человеком? — предложил Грейсон.

— И спугнешь его! Бедняжка сбежит, увидев тебя, — заметила Джейн. — Я помню, как ты перепутал ее бедного кавалериста, когда начал орать на весь павильон в самый разгар торжественного завтрака.

Хит посмотрел на Дрейка:

— А что случилось с бароном, который целовался с Хлоей за каретой?

— Барон предпочитает помалкивать об этом случае, — ответил Дрейк. — Учитывая обстоятельства, он, вероятно, считает, что легко отделался — Грейсон не пристрелил его прямо на месте.

— Предлагаю подождать десять дней, прежде чем решать судьбу Хлои окончательно. Мало ли что может случиться за это время.

Грейсон пожал плечами:

— Разумное предложение.

Эмма согласно кивнула.

— Порой тактика выжидания оказывается единственно разумной. Лучше что угодно, чем еще один скандальный брак. Ведь в этом случае с нашей семьей будет покончено.

Грейсон посмотрел на свою изящную зеленоглазую жену.

— Ну, не знаю, Эмма. Для меня скандальный брак оказался счастливым.

Прошли два дня с той памятной ночи, когда тетя Гвендолин обнаружила призрака в своем саду. Хлоя, верная своему слову, сумела сохранить происшествие в тайне. Однако она не сумела обуздать свое любопытство.

Несколько раз она видела из окна, как поздней ночью тетка шныряет по саду. Что тетка собиралась сделать с Домиником, если бы ей удалось его поймать, можно было только догадываться. Комичность ситуации заключалась в том, что и тетка, и племянница обе мечтали заполучить в руки одного и того же увертливого дьявола и упокоить его неугомонный дух.

— Если найдете нашего призрака, — прошептала Хлоя, лежавшая на подоконнике и глядевшая в темноту, — передайте ему мои наилучшие пожелания, тетя!

Она не забыла о том, что Доминик и в этот раз ускользнул от нее, так и не пообещав ничего относительно их совместного будущего. Даже если ему удастся осуществить свой план, как сложатся в дальнейшем их отношения? Значила для него хоть что-то бурная ночь любви, которую они провели вместе? Трудно сказать. Хотя раны на его теле и затянулись, но ум и душа по-прежнему находились во власти демонов.

Не просто ей будет объяснить случившееся родным. Но Хлоя не допустит, чтобы вся вина была возложена на Доминика.

И опять же, где гарантия, что он со своими опасными играми в конце концов не превратится в покойника? Доминик старался не втягивать ее в свои игры, делал все, чтобы оградить ее от опасностей. Однако его молчание доводило Хлою до иступления.

Порой, когда она стояла у окна, вот как сегодня вечером, могла поклясться, что он смотрит на нее; она чувствовала его взгляд, даже мороз подирал по коже.

Уж не стоит ли сэр Эдгар сейчас у своего окна, наблюдая за окутанным мраком лесочком, в надежде увидеть призрака, который являлся им обоим.

— Я знаю, что ты сейчас там, Доминик, — произнесла Хлоя с тяжелым вздохом и задернула занавески. — И очень надеюсь, что твой враг об этом не подозревает.

Неужели Хлоя намеренно его дразнит, думал Доминик, засевший в густых кустах на опушке лесочка. Неужели догадалась, что ему невмоготу и он готов проникнуть к ней, а там будь что будет? Неужели она снова пытается заманить его к себе? Или этот дурень Джастин снова околачивается под ее окнами?

Что ж, при первой же возможности он преподаст этому Джастину хороший урок. Доминик скорее умрет, чем допустит, чтобы другой мужчина овладел Хлоей. Особенно после того, как Хлоя отдалась ему. Как только дела у него пойдут на лад, он первым делом позаботится о том, чтобы весь свет узнал об этом. И тогда он поведет Хлою к алтарю.

Доминик улыбнулся, разглядывая ее в подзорную трубу. Он видел, только силуэт за кружевной занавеской.

Доминик опустил подзорную трубу. Ему предстояло выяснить, почему сэр Эдгар в последнее время поздним вечером объезжает поместье.

Может, встречается с кем-то? Или заподозрил, что за ним следят? Или догадался наконец, что в доме, где он поселился на правах наследника, обитает деятельное привидение? Не исключено также, что сэр Эдгар собирается без лишнего шума уехать прочь. У него много влиятельных друзей в Индии, он там владеет собственностью. Англичанин

может жить в чужой стране как король.

Доминик никак не мог решить, что лучше: проследовать за сэром Эдгаром во время ночной экспедиции или же, воспользовавшись его отсутствием, порыться в его личных бумагах. Не следовало забывать и о том, что дядя мог устроить ему ловушку.

Не исключено даже, что сэр Эдгар стал верить в привидения.

* * *

День пикника с самого утра выдался ясным, хотя и не слишком теплым. Хлоя надела дымчато-голубое шерстяное платье для прогулок, шаль с бахромой, мягкие кожаные полусапожки и соломенную шляпку, украшенную лентами. Все ее тревоги и глупые надежды сразу ожили, едва она поняла, что пикник устраивают неподалеку от заброшенной мельницы с тайным лазом, через который Доминик выбирался иногда подышать свежим воздухом. Конечно, он не такой дурак, чтобы появиться на пикнике. Так что вряд ли Хлоя увидит его сегодня.

Пусть так, все равно Хлоя не теряла надежды увидеть хоть какой-нибудь знак, свидетельствующий о его присутствии, когда вместе с дядей, тетей и Памелой ехала в карете. На обочинах тут и там попадались кусты белых роз. Наконец приходская церковь и коттеджи с тростниковыми крышами остались позади, и громкий птичий гомон заглушил грохот колес и голоса ехавших в карете. Впервые Хлоя заметила, что почти не скучает по Лондону и что ее непредсказуемая натура стала пускать корни в этом столь неподходящем для нее месте.

— Хлоя, — окликнула ее тетка, когда карета загрохотала по крепкому деревянному мостику, ведущему к мельнице, — смотри в оба!

Хлоя повернулась к тетке.

Тетя Гвендолин одарила ее мрачной улыбкой. Смотреть в оба, на случай если явится некий назойливый призрак — вот что имела в виду тетка. Как будто Хлоя не проглядела все глаза, пытаясь увидеть хоть какой-нибудь знак, свидетельствующий о том, что Доминик жив. Кажется, он говорил что-то о тоннелях, которыми изрыто здесь все вокруг, о каких-то подземельях, где контрабандисты когда-то прятали свой товар?

Вдруг мурашки побежали у нее по спине от радостного возбуждения. Может, Доминик находится в данный момент в подземелье, прямо под каретой? Бродит по подземным лабиринтам, вынашивая планы мести своему врагу. И врагам всего семейства Боскаслов, если сэр Эдгар действительно приложил руку к убийству Брэндона. Этот ход мыслей привел к тому, что Доминик стаи представляться ей в каком-то мрачном и почему-то соблазнительном облике. Мелькнула мысль об Аиде и Персефоне и подземном романтическом приключении этих богов. Страшно подумать, что французы, к примеру, могли бы неожиданно напасть на сонные английские деревеньки, подобравшись по этим подземным норам. Хорошо, что ее братья пошли на такие жертвы ради защиты страны от вторжения.

Погода стояла прекрасная, вокруг царили покой и тишина, и не хотелось думать о плохом и страшном. Мог ли человек быть таким злобным исчадием ада, каким, по словам Доминика, был сэр Эдгар? Предать свою страну, совершить убийство и потом жить как ни в чем не бывало?

Зло творится каждый день, но Хлоя молода, она не хочет думать о смерти и печали. Она потеряла родителей, потеряла брата. Но сейчас пикник, и Хлое хотелось веселиться.

Гости — а на пикник было приглашено все мелкое дворянство Чизлбери — с большим удовольствием приняли участие в состязании в беге на одной ноге, а также в конкурсе на самую жуткую гримасу. Несмотря на все свои тревоги, Хлоя развеселилась и даже несколько расслабилась, особенно после того, как она, Джастин и несколько молодых людей выпили приправленного пряностями эля из серебряных кружек, провозглашая тосты и обмениваясь комплиментами.

Тут Хлоя заметила, что дядя Хэмфри нахмурился. Важного вида всадник приближался к ним — он проехал через мостик и выехал на поросшую травой полянку за мельничным прудом. Ба, да ведь это сэр Эдгар прибыл в сопровождении слуги, который поспешил отойти вместе с лошадьми.

Сэр Эдгар издали так напоминал Доминика, что у Хлои сердце защемило.

— Я пропустил все самое интересное? — громко заговорил сэр Эдгар, подходя к собравшимся, и, не дожидаясь ответа, направился к импровизированному столу, представлявшему собой покрытые скатертью доски на козлах, за которым сидели Хлоя с Памелой, Джастин, его брат Чарлз и престарелая тетенька Джастина.

— Мы как раз собираемся играть в «поиски сокровища». Сокровищем будет перчатка мисс Редмонд, — сообщил сэру Эдгару Джастин. — Не желаете ли присоединиться к нам?

Сэр Эдгар засмеялся, черные брови его приподнялись.

— Принимая во внимание, каких отпетых головорезов мне доводилось разыскивать за свою долгую карьеру, и впрямь соблазнительно присоединиться к вашей легкомысленной охоте. Как выглядит разыскиваемая перчатка?

— Кожаная, ярко-желтого цвета, с перламутровыми пуговками, — сообщила Памела.

Сэр Эдгар бросил взгляд на Хлою.

— А тому, кто найдет «сокровище», положен какой-нибудь приз?

— Бутылочка черносмородиночной настойки тетиного изготовления, — подал голос Чарлз.

— А также вечная признательность мисс Редмонд, — добавил Джастин и, усмехнувшись, кивнул на весело смеявшуюся молодую леди, сидевшую за столом позади них.

Решено было поиск «сокровища» ограничить одним часом, да и солнце уже клонилось к закату, становилось прохладно. Хлоя и Джастин отправились на поиски вместе, но Джастину вдруг захотелось отправиться к пруду, искать «сокровище» среди тростника и камышей.

— Стану я жертвовать своими сапожками и чулками ради перчатки Джорджины! — крикнула Хлоя вслед уходящему Джастину.

Шаль оказалась слишком легкой, и Хлоя озябла.

— Зато мы сможем вместе распить бутылку тетенькиной настойки, Хлоя! — ответил Джастин.

— Если ты утонешь — вряд ли.

— Я не утону.

Хлоя понаблюдала несколько минут за Джестином, который шлепал по воде, затем круто повернулась.

Мельница высилась прямо позади нее, заброшенная и соблазнительная.

— Идеальное место для сокрытия сокровищ, — подумала она вслух.

Глава 18

— Ты тут? — прошептала она почти беззвучно, вглядываясь в пыльный полумрак внутри ветхого строения. Если кто-нибудь заинтересуется, что она делала на мельнице, она скажет, что искала перчатку. Хлоя все же надеялась найти хоть малейшее свидетельство того, что Доминик приходил сюда недавно, но не нашла. Вокруг валялись обломки досок, веревки, столб, несколько ржавых колесных осей, так что пробираться ко входу пришлось с осторожностью.

— Где ты? — прошептала она.

Дверь скрипнула, прямоугольник света упал на пол слева от нее. С замиранием сердца Хлоя обернулась.

— Мы нашли, что искали? — спросил сэр Эдгар театральным шепотом.

Хлоя быстро отвернулась.

— Я ищу перчатку.

— Эту?

Он вошел внутрь и поднял пару перчаток, которые Хлоя обронила.

— Здесь не одна, а две. Голубые. Я полагал...

— Это мои, — смутившись, ответила Хлоя. — Перчатка мисс Редмонд ярко-желтая.

— Может, я помогу вам их надеть? — любезно осведомился сэр Эдгар.

— Нет! — выпалила Хлоя.

Было невыносимо ощутить прикосновение рук, от которых, возможно, погиб ее брат Брэндон и которые нанесли Доминику такие ужасные раны — как телесные, так и душевные. Хотелось бежать куда глаза глядят.

Сэр Эдгар окинул взглядом внутренность мельницы.

— Поговаривают, будто на мельнице водятся привидения. Здесь по ночам горят огоньки.

Сердце у Хлои замерло от ужаса.

— Впервые об этом слышу.

Сэр Эдгар пристально посмотрел на нее.

— Вы верите в привидения?

К чему он клонит?

— Может, и верю. Не раз замечала, что некоторые живые не дают нам покоя, являясь снова и снова.

Он улыбнулся, не сводя с нее глаз.

— Такой ответ можно расценить как провокацию.

— Вопрос тоже. — Хлоя кокетливо рассмеялась, изображая легкомысленную светскую барышню. — Я подумала, вдруг перчатку спрятали в... — Она осеклась, увидев, что пол шевельнулся.

Половицы возле разбитого окна приподнялись. О Боже! Неужели Доминик выскочит сейчас из подполья, как черт из табакерки? Неужели она вывела сэра Эдгара на укрытие своего возлюбленного? Что ж, зато теперь она точно знает, что Доминик жив и, как всегда, что-то затевает.

Сэр Эдгар проследил за направлением ее взгляда.

— Что это там?

— Наверное, крыса.

— Крыса? Вы что же, бо...

Хлоя пронзительно завизжала и бросилась к сэру Эдгару, заехав ему ридикюлем по подбородку. Ошеломленный, сэр Эдгар захлопал глазами, потом засмеялся.

— Вон! Вон она! — визжала Хлоя, тыча пальцем в противоположный угол мельницы.

Сэр Эдгар обернулся.

— Убежала, — выдохнула Хлоя, и прижала руки к сердцу. — Ах, слава Богу! Какой же вы храбрец, сэр Эдгар. Клянусь вам, это была преогромнейшая крыса с горящими красными глазами и длиннющими желтыми клыками.

Сэр Эдгар взял ее под руку, явно довольный возможностью предложить барышне помощь.

— Дорогая моя, даже я, закаленный вояка, и то побаиваюсь крыс, — признался сэр Эдгар, посмеиваясь. — Кошмарные создания, живущие в грязи, во тьме.

Снаружи донесся топот ног, и, распахнув ветхую дверь, внутрь ворвались Джастин, его брат Чарлз и Памела. Джастин с торжествующим видом размахивал над головой перчаткой. Его сапоги и кашемировые панталоны промокли и были в грязи.

— Это я нашел перчатку! Я сразу подумал, что она там, поскольку заметил Тома, когда он шастал в камышах! Пойдем, Хлоя, получать наш приз.

Джастин схватил ее за руку и потянул прочь от сэра Эдгара. Хлое потребовалась вся ее сила воли, чтобы не оглянуться на половицу, которая приподнялась. Она была уверена, что ей не померещилось.

Подозревает ли сэр Эдгар, что Доминик жив? Если да, то ни за что не подаст виду. Хитрости ему не занимать. Интересно, как отреагировал бы сэр Эдгар, узнай он, что у Хлои роман с его племянником, которого сэр Эдгар хотел убить?

Хлоя натянула перчатки на окоченевшие руки.

— Пойдемте с нами, сэр Эдгар. Уж очень здесь неуютно.

Ей показалось, что сэр Эдгар все же бросил взгляд в угол, прежде чем присоединиться к ним.

Памела толкнула дверь, свет хлынул под сумрачные своды мельницы, осветив резкие черты лица сэра Эдгара, который поспешил улыбнуться Хлое.

Даже когда они вышли на солнышко, ей не стало теплее. Холод, пронизывавший ее, шел изнутри. Рано или поздно сэр Эдгар узнает правду и нанесет удар. У Доминика нет выбора. Он должен довести свою рискованную игру до конца в ближайшее время.

Доминик разжал кулак — медленно, палец за пальцем. Холодный пот облегчения выступил на напряженных мышцах спины. Сидя скорчившись под крышкой потайного люка, он слышал разговор между Эдгаром и Хлоей. Весь, до последнего слова. От ярости крови бросилась ему в голову.

Если бы Эдгар тронул Хлою хоть пальцем или стал угрожать ей, Доминик убил бы его на месте. Но Хлоя благополучно выбралась с мельницы, и Доминик пришел в себя.

— Нет, так дальше продолжаться не может, — прошептал он, ошупью пробираясь в подземелье.

Только ночью он сможет вернуться в дом. Впереди долгие часы томительного сидения в подземелье в полном неведении относительно Эдгара. Где он находится в данный момент и чем занимается.

Никогда еще Доминик не был так близок к осуществлению своей мести. Позапрошлой

ночью, шаря в походном сундучке Эдгара, он обнаружил документы, в которых было более чем достаточно улик, указывающих на его виновность: свидетельство того, что он платил повстанцам-гуркхам, которые устроили засаду на Брэндона и Сэмюела, а также подробности его сделок с французами, которым он продавал военные секреты. Видимо, Эдгар настолько уверился в том, что такого хитреца, как он, никогда не поймают, что сохранил множество бумаг, в которых содержалось более чем достаточно убийственных улик; там были записи, по которым легко можно было установить личности агентов, которые работали с Эдгаром во время войны, информация, которую он передал в Португалию, когда служил в регулярной армии.

Благодаря помощи Эйдриана Доминик сумел заполнить все пробелы в этой темной истории, так что можно было потребовать, чтобы королевский суд начал формальное расследование. Пришло время выложить карты на стол.

Как Хлоя могла поверить, что тетенька сумеет сохранить в тайне историческую встречу с призраком в саду!

На следующий день после пикника, когда Хлоя и дядя Хэмфри вернулись с прогулки, в парадной гостиной творилось что-то невообразимое. Похоже, все до единой дамы Чизлбери явились на это экстренное собрание.

— Давайте будем соблюдать порядок! — обратилась к собравшимся здравомыслящая вдова Робертс. — Иначе нам не изловить призрака. Не поможет это и собрать деньги на починку церковного шпилья.

— А мы что, устроим призраку ловушку? — спросила одна из дам совершенно серьезно.

— Ловушку? — Тетя Гвендолин поджала губы.

В этот момент в гостиной появилась Хлоя.

Ах, как же ей хотелось дать своей добросердечной тетеньке взбучку за то, что та выдала Доминика своим подружкам! Хорошо, если сэр Эдгар спишет это на разыгравшуюся фантазию очередной истерички. Леди Эллингтон, пышущая здоровьем рыжеволосая дама, покачала головой:

— Одной из нас придется сыграть роль приманки.

— Я буду приманкой. — заявила Памела, жевавшая печенье.

— Ничего подобного ты делать не станешь! — воскликнула ее мать в неподдельном ужасе и швырнула салфетку на пол.

— Почему же? — спросила Памела. — Мадам Дара прямо сказала, что призрак хочет именно меня.

— Ты слишком молода, чтобы подвергаться подобной опасности, — возразила леди Эллингтон. — Чтобы упокоить мятущийся дух, нужна дама с опытом.

Леди Уитон, баронесса с пятью дочерьми на выданье, поддержала приятельницу:

— Это весьма опасное предприятие. Только женщина зрелого возраста сумеет справиться с призраком, если он нападет на нее.

— В тот вечер Стрэтфилд не пытался овладеть тобой? — спросила леди Эллингтон тетю Гвендолин.

— Я приняла меры предосторожности, — ответила тетя Гвендолин.

Все восемь дам подались вперед.

— Предосторожности? — прошептала баронесса.

Тетя Гвендолин кивнула:

— Я насыпала дорожку из соли, заключив себя в магический круг, прежде чем начинать ритуал.

Все дамы выжидательно уставились на Хлою.

— Ну что вы на меня смотрите? Никакого призрака я не видела!

В сущности, это не было ложью. Доминик, которого видела Хлоя, был живым и очень зловредным существом из плоти и крови, способным вызвать в женщине вполне земные чувства. Решительно ничего потустороннего не было в том, как нагло он вторгся в ее жизнь.

— Как мы будем ставить ловушку? — осведомилась леди Уитон.

— Все должны принимать участие?

— А преподобного тоже надо позвать?

— Так все-таки приманка необходима? Не для преподобного, конечно, — для Стрэтфилдского Призрака.

Засим последовал новый словесный шквал. В мельчайших деталях обсуждались все варианты принесения в жертву храброй доброволки. Наконец собравшиеся без особого огорчения пришли к выводу: ночные проделки Призрака не прекратятся, если его не остановить.

Обсуждение конкретного плана поимки Призрака временно отложили, поскольку разгорелась дискуссия о том, кто будет следующей жертвой Призрака.

— Я, честно говоря, вообще не понимаю, почему он к тебе явился, Гвендолин, — заметила леди Харвуд не без ехидства.

Памела тут же кинулась на защиту матери:

— Мы живем в его бывшем доме. И были его ближайшими соседями.

— И приютили его любимую собачку, — добавила тетя Гвендолин.

Дамы уставились на «собачку», которая спала, развалясь на коврик перед камином. Только сейчас они сообразили, что лохматый пес принадлежал проказливому Призраку. Арес, неизменно вызывавший восхищение, вдруг показался всем исчадием ада.

— Как ты думаешь, пес может общаться с духом покойного виконта? — прошептала леди Эллингтон.

Тетя Гвендолин с достоинством кивнула:

— Естественно, может.

Леди Фернбрук прищурилась:

— А почему не спросить пса? Пусть он укажет нам следующую жертву.

— Великолепная мысль! — с готовностью подхватила тетя Гвендолин.

Она закрыла глаза и сложила ладони, как если бы собиралась молиться.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине да жужжанием мухи, которая билась о стекло.

— Арес. — заговорила тетя Гвендолин тихим прерывающимся голосом, услышав который смешливая Памела сразу же ткнула Хлою локтем в бок, — свяжись мысленно со своим хозяином. Спроси у него имя той, у которой он станет искать утешения в следующий раз.

Пес приоткрыл один глаз, оглядел собравшихся, застучал хвостом по ковру.

— Покажи нам, — приказала тетя Гвендолин, возвысив голос. — Покажи нам ту, к которой стремится душа твоего хозяина.

К кому пойдет пес, было совершенно ясно.

Хлоя поморщилась от отвращения, когда дрянной пес, набравший кило три с лишком, с тех пор как поселился в Дьюхерст-Мэноре, лениво поднялся и стал чесаться.

Хлоя часами выгуливала пса. Вычесывала и ласкала это неблагодарное животное, разрешала спать у себя в комнате. Но тетя Гвендолин каждый день тайком кормила Ареса колбасой.

Пес пошел прямо к ней и уткнул морду в колени своей благодетельницы.

Тетя Гвендолин деликатно кашлянула, погладила пса. И усадила рядом с собой.

— Может, перейдем к обсуждению ежегодного бала-маскарада? — предложила леди Эллингтон, насмешливо кривя губы.

В тот же вечер, когда они сидели в гостиной, дядя Хэмфри вслух усомнился в реальности существования Стрэтфилдского Призрака. Хлоя с Памелой сидели в уголке за

картами. Тетя Гвендолин предпринимала все новые безуспешные попытки мысленно связаться с Аресом, который только тоскливо поглядывал на дверь, положив морду на лапы. Его давно уже пора было вывести гулять.

— Я чувствую, он пытается что-то сказать, — сообщила тетя Гвендолин, стоявшая на четвереньках перед псом.

— Вероятно, он хочет сказать: «Помогите! Меня преследует сумасшедшая!» — отозвался дядя Хэмфри из кресла. — Черт возьми, Гвенни, поднимись! С чего ты взяла, что то, что ты увидела меж деревьев, было призраком? Может, там пряталась собака?

Тетя Гвендолин одарила супруга ледяным взглядом:

— Осмелюсь заметить, что могу отличить покойника от собаки. — Затем посмотрела в окно. — Повторяю, я чувствую, что с бедным Стрэтфилдом нехорошо.

Дядя Хэмфри фыркнул.

— Стрэтфилд умер, Гвенни. Ну что еще может приключиться с беднягой?

— Какой ты грубый, Хэмфри!

Дядя Хэмфри опустил книгу.

— Пойду выгуливать собак.

Арес и обе овчарки, спавшие у камина, мигом вскочили и помчались к дверям.

— В столь поздний час? — с тревогой спросила тетя Гвендолин. — Не опасно ли это?

— Моя семья уже полвека живет в Чизлбери, и за это время ничего ужасного не случилось, если не считать убийства виконта. Оно единственное.

— А можно, я пойду, дядя Хэмфри? — обратилась Хлоя к дяде.

— Вот уж нет! — заявила тетя Гвендолин, не дав мужу рот открыть. — Утром я получила письмо из Лондона от Хита и Эммы, и я уже написала ответ, в котором сообщила, что твое поведение значительно изменилось в лучшую сторону. И разумеется, хочу быть уверена, что не ввела их в заблуждение.

— Значит, мне нельзя пойти гулять с собаками? — разочарованно спросила Хлоя.

— Ночью в здешнем лесу и его окрестностях нет решительно ничего такого, что могло бы привлечь барышню твоих лет.

— Если не считать призрака его милости виконта, — тихонько заметила Памела, прикрываясь картами.

Сэр Хэмфри пустил собак бежать вперед, на сей раз уклонившись от своего обычного маршрута. Светила луна, так что нетрудно было найти дорогу к поросшей папоротником насыпи, которая служила межевым знаком, находясь как раз на границе поместья Стрэтфилдов. Однако сэр Хэмфри часто гулял здесь по этой милой, заросшей травой тропинке, прибегая к помощи своей трости, когда надо было убрать с дороги колючую плеть ежевики. Он знал эту тропинку как свои пять пальцев.

В прошлом ему не раз доводилось встречать здесь Стрэтфилда с его юным братом Сэмюелом, опрометчивым и пылким сорвиголовой, который был буквально помешан на удивительных приключениях, ожидающих его в Непале, и ни о чем другом не мог говорить. Сэр Хэмфри считал, что этот храбрый дурачок положил свою жизнь, защищая интересы горстки жадных купчин, которые весь мир готовы были уничтожить ради интересов Британской империи. Сэр Хэмфри пытался переубедить Сэмюела. Уговаривал заняться настоящим делом. Однако афиши Ост-Индской компании, сулившие приключения и сокровища, сманили множество молодых людей за море.

Сэмюел был полной противоположностью своим старшим братьям, покойному Майклу

и Доминику. Доминик и Майкл были гораздо сдержаннее, рассудительнее. Сэр Хэмфри особенно любил Доминика и не очень верил, что тот мертв. Практически вообще не верил.

Сэр Хэмфри остановился. По спине побежали мурашки. Он обернулся. Арес пригнувшись к лисьей норе.

— Что-то интересное нашел, Арес? — Сэр Хэмфри поворошил тростью груды перегнивших листьев и задумался. — Кто-то недавно наступил на них. Два дня назад, когда мы гуляли здесь, они были целехоньки. Странно. Кто мог бродить по этой тропинке?

Тут ветви за его спиной зашуршали.

— Стой, ни с места! — раздался резкий мужской голос. — У меня ружье. Ах, это вы, сэр Хэмфри! Сэр Эдгар приказал стрелять в любого, кто нарушит границы его поместья.

Сэр Хэмфри поднял трость и обернулся, приветствуя ирландца-егеря, давно служившего в поместье Стрэтфилд-Холл.

— А, Финли! Тебя-то мне и надо. Хочу переговорить с тобой.

Прошла еще неделя. Хлоя снова захандрила, как это бывало с ней после смерти отца и Брэндона. Мир утратил свои краски. Она болезненно реагировала на всякую мелочь.

От Доминика не было ни весточки. Словно она перестала для него существовать. Он недостоин ее. Да и вообще это чувство ему неизвестно.

Жизнь между тем шла своим чередом. Дамы и барышни Чизлбери готовились к ежегодному балу-маскараду. Зал собраний в ратуше чисто вымели, чтоб не осталось ни следа паутин и тенет, старинную люстру вычистили, натерли и уставили свежими свечами. Принесли кресла и стулья из подсобки.

Вздумай кто-нибудь задать вопрос, к чему вся эта суета, дамы-патронессы с готовностью ответили бы, что бал устраивается с целью собрать средства на починку крыши дома школьного учителя, на несколько угольных жаровен, чтобы обогревать стылую приходскую церковь, и на восстановление шпиля.

На самом же деле бал-маскарад был желанным событием для хитроумных маменек прихода, чьи дочери, отбив последний сезон в Лондоне, вернулись ни с чем, так и не заполучив подходящего жениха.

Поскольку деревенька Чизлбери могла похвастаться всего несколькими подходящими женихами, бал-маскарад превращался в настоящее поле битвы. В этом году борьба обещала быть еще жарче, чем обычно. Во-первых, завидный жених виконт Стрэтфилд, по причинам весьма очевидным, не мог присутствовать. Во-вторых, прекрасная Хлоя Боскасл, похоже, решила во что бы то ни стало похитить сердце лорда Сент-Джона.

И наконец — это самое главное, — в Чизлбери, по пути в Лондон, залетел весьма интересный молодой человек лорд Вулвертон. Наследник герцога, который, по слухам, всерьез подумывал о тихой жизни в деревне. Тот факт, что лорд Вулвертон пользовался дурной репутацией, нисколько не смутил озабоченных маменек, рассчитывающих выдать за него своих дочерей. И маменьки объявили лорда Вулвертона женихом номер один.

Ну какая маменька не мечтает в глубине души о том, чтобы выдать дочку за будущего герцога? А то, что лорд Вулвертон успел послужить наемником, легко можно замести под обюссонский ковер в его особняке на Мейфэре. Его приключения в заморских землях вполне можно было интерпретировать как героические подвиги, а также забыть о том, что лорд Вулвертон якшался с курильщиками опиума и пиратами.

Хлоя игнорировала всю эту болтовню, поскольку знала, с какой целью лорд Вулвертон, он же Эйдриан, появился в Чизлбери. Хлоя пала духом, и тетя Гвендолин написала в Лондон Грейсону, прося совета, как поступить. Вся родня знала, что у Хлои бывают приступы хандры. Но последнее время она приободрилась, а к Джастину почему-то охладела.

Хлоя проснулась утром того дня, на который был назначен бал, с твердым намерением придушить того, кто спросит, каково ее самочувствие. Она пошла в гардеробную и открыла сундук, как делала каждое утро. В сундуке неуловимого Доминика опять не оказалось. Когда она его увидит? И увидит ли вообще.

Хлоя разобралась в шифре Брэндона, и это ее немного взбодрило. Она уже нашла цифры, которые означали «а» и «е», дальше будет намного легче. Хит когда-то изучал искусство тайнописи в колледже. Он многому научил Хлою, объяснил, что шифры, используемые во время войны, отнюдь не так сложны, как могло показаться.

Обычно в разгар сражения просто не было времени работать со сложным шифром. В большинстве своем шифры были основаны на математических принципах и представляли собой цепочку цифр. Но все равно Хлое пришлось изрядно поломать голову, прежде чем она догадалась, что «2» означало «х» в одной колонке. А в следующей колонке, если спуститься на три буквы вниз, «2» означало «ц».

Чтобы уловить определенную закономерность в этом множестве цифр, нужны были и проницательность, и методический склад ума, и интуиция. Но как объяснить Хиту, каким образом записка с шифром попала к ней?

Тайна Доминика до предела осложнила ее жизнь, ни она сама, ни Доминик не могли предвидеть, какие у них сложатся отношения. Наконец наступил вечер. Хлоя приняла ванну, надела маскарадный костюм: с крылышками из фольги, настоящая королева фей Титания. Однако настроение у Хлои не улучшилось. Ей хотелось свернуть кому-нибудь шею.

— Ну надень свой неприличный французский корсет, — уговаривала ее Памела, когда горничная стала укладывать ее волосы в прическу. — Может, у тебя настроение улучшится.

Хлоя надела корсет — почему, она и сама не могла решить: то ли назло Доминику, который не давал о себе весточки, то ли как талисман, чтобы привлечь возлюбленного.

— Ну вот, — прошептала она, когда они вместе с Памелой забрались наконец в карету, которая должна была отвезти их к залу собраний. — Я последовала твоему совету. И под моим костюмом сейчас есть некий неприличный предмет туалета. Только смотри никому ни слова!

Памела, одетая средневековой принцессой, радостно улыбнулась.

— Может, ты приглянешься этому будущему герцогу.

У Хлои сердце замерло в груди.

— О ком это ты?

— О повесе. Все дамы и барышни Чизлбери только о нем и говорили все последнее время, когда ты затворницей сидела в своей башне, как Рапунцель Золотые Косы. Хотя, если честно, вряд ли твоя семья обрадуется, если ты выскочишь за этого типа. У него ужасная репутация, но говорят, он чудо как хорош собой.

Хлоя насторожилась:

— Так он придет на бал?

— Так мне сказали. — прошептала Памела.

У Хлои по спине побежали мурашки. Эйдриан будет на балу? Это хороший знак или дурной, что единственный друг и союзник Доминика собирается почтить своим присутствием деревенский бал? Может, он передаст ей весточку от Доминика. Но порадует ли ее эта весточка? И вообще, может, Эйдриан просто решил развлечься? Ведь в Чизлбери можно умереть от тоски.

Памела ткнула ее в бок:

— Спорим на что угодно — он пригласит тебя танцевать.

Хлоя скорчила гримаску. Конечно, это свидетельствовало о развращенности ее натуры, однако французский корсет и в самом деле поднял ей настроение. Появилась надежда узнать хоть что-нибудь о Доминике.

— Может, будущему герцогу приглянешься ты, а я пойду в гувернантки к твоим детям, чтобы избавиться от собственной семейки.

— Как ты можешь так говорить, Хлоя! — Памела округлила глаза. — Я бы все на свете отдала, чтобы у меня были такие братья, как Дрейк и Девон. Они такие храбрые, всегда

готовы защитить.

— И еще портят тебе жизнь, — буркнула Хлоя и впервые за целую неделю рассмеялась. — Никогда не могла понять, почему барышни находят моих братцев-негодяев такими привлекательными!

— Ты скучаешь по своему барону, который остался в Лондоне? — спросила Памела. — И поэтому грустишь?

«По какому еще барону?» — хотела спросить, но ограничилась лишь пожатием плеч.

Скорей бы доехать до места и использовать корсет по назначению. Они и так уже столько просидели в карете, поджидая дядю и тетю! Дело в том, что тетя Гвендолин никак не могла найти парик, который прилагался к костюму богини Геры. Наконец дядя Хэмфри, наряженный богом Зевсом, нашел злосчастную деталь костюма: Арес утащил парик, изжевал его и спрятал под диван.

— Почему вдруг пес решил украсть мой парик? — огорченно спросила тетя Гвендолин, когда все расселись и карета наконец тронулась. — Может, он сердится на меня? Кажется, согласно мифологии, Арес был сыном Геры. А сколько колбасы я скормила этой неблагодарной собаке!

Дядя Хэмфри фыркнул:

— Полагаю, он принял твой парик за барсука. Арес как-никак охотничий пес. И будь любезна, не сиди на моих молниях. Мэнсфилд весь день убил, оттачивая и начищая эти зигзаги.

Маленькое кирпичное строение, расположенное на окраине деревни и служившее залом собраний для местного общества, так и сияло от множества зажженных свечей. Они пристроились в хвост целой веренице других экипажей. Чай, лимонад, кофе и легкие закуски предлагали в буфетной, бывшей на самом деле всего-навсего сенями, в которых изрядно-таки гуляли сквозняки, так что представителям высшего общества Чизлбери и близлежащих деревушек, облаченным в лучшие наряды и увешанным фамильными драгоценностями, пришлось померзнуть.

Едва дирижер дал знак музыкантам начинать, как из камина повалили клубы дыма. Уж не Доминик ли с приятелем Эйдрианом устроили пожар?

Может, Доминик решил, что на глаза изумленной публики ему следует явиться в клубах едкого дыма, подобно Мефистофелю? Ей было и страшно за любимого, и очень хотелось, чтобы опасная игра, которую он вел, скорее закончилась. Хлоя зареклась жаловаться на то, что жизнь ее скучна!

Но ни Доминик, ни Эдгар, ни Эйдриан не имели никакого отношения к случившемуся. Это было делом рук двух юных проказников, дрянных мальчишек, которых наказал преподобный и которые решили отомстить, запихнув пару старых простыней в каминную трубу, которые потом и подожгли.

К тому времени, когда воздух в зале очистился, объявили о прибытии лорда Вулвертона, и Хлоя получила возможность увидеть наконец таинственного наемника, водившего дружбу с Домиником. Лорд Вулвертон действительно был хорош собой в костюме разбойника семнадцатого века — белокурый парик, короткие штаны до колен, кружевные воротник и манжеты, черная бархатная маска, скрывавшая лицо. Хлою ничуть не удивило, что заезжего красавца сразу окружила толпа местных дам. А ей нужно было переговорить с ним наедине.

Однако Эйдриан избавил ее от необходимости пробиваться к нему, так как очень ловко и тактично сумел оказаться рядом с ней.

Как ему удалось улизнуть от хищных маменек и повести Хлою в кадрили, осталось для нее загадкой. Первые несколько минут оба хранили молчание. Рядом с этим человеком Хлоя чувствовала себя защищенной. Видимо, он из тех, кто живет по правилам, которые сам же для себя устанавливает, они подразумевали верность друзьям. Хлоя понимала, что не просто так он пригласил ее танцевать.

Во рту у нее пересохло, когда он внимательно посмотрел на нее сквозь прорези полумаски. Он был высок и хорошо сложен; каждое движение излучало силу. Этот мужчина мог любой женщине вскружить голову. Хлоя не сомневалась, что Эйдриан принес ей весточку от Доминика.

— Хлоя, наш общий друг мне много рассказывал о вас. — Голос у него оказался низкий и очень красивый. — Простите, если я случайно наступлю вам на ногу. Танцор из меня никудышный.

— Сын герцога не может быть плохим танцором. — Хлоя не в силах была вести кокетливый разговор. Сердце ее болезненно сжалось. — Умоляю, скажите, вы не собираетесь сообщить мне дурную весть? Он здесь? Он послан вас, чтобы вы отвели меня к нему? Он здоров?

Эйдриан засмеялся, и у Хлои отлегло от сердца.

— Да. Да. И еще раз да. Это все, что вы хотели услышать?

Она быстро обежала взглядом бальный зал, надеясь узнать в одном из гостей неуловимого Доминика.

— Где он?

Губы Эйдриана изогнулись в укоризненной улыбке.

— Не торопитесь, Хлоя. Доминик пока не готов открыть свою тайну всем. Но это время не за горами. Доминик ждет не дождется, когда все закончится.

Хлоя ахнула:

— Когда?

— В течение ближайших нескольких дней. Но вы должны держаться в стороне.

— В стороне? Вы, верно, не представляете себе, какие отношения нас связывают с Домиником.

Карие глаза Эйдриана сверкнули в прорезях маски.

— Мне известно, что он вас любит.

Хлое словно пролили на сердце бальзам. Однако она не подала виду.

— Он сам вам сказал?

— Слова были ни к чему, дорогая, как вы думаете, зачем я здесь?

— Поскольку вы его лучший друг, то должны понимать, насколько опасно для него выступить против сэра Эдгара в одиночку. Надеюсь, вы не поддержали его в этой безумной затее?

Эйдриан устремил взгляд куда-то за ее плечо, как если бы раздумывал, а не опасно ли продолжать этот разговор. Только тут Хлоя заметила, что они успели выбиться из ряда танцующих и двигаются к дверям. Вряд ли кто-нибудь обратил на это внимание в общей сумятице бала.

— Разумеется, поддержал.

Хлоя в замешательстве огляделась. Джастин, нахмурившись, посмотрел на нее и сразу стал улыбаться своей партнерше. Тетя Гвендолин и прочие дамы-патронессы не сводили глаз с Памелы, которая танцевала с младшим братом Джастина, Чарлзом, серьезным

юношей, студентом-юристом. Только один человек во всем зале внимательно наблюдал за Хлоей. Это был ее дядя Хэмфри.

— Не волнуйтесь, я все устрою, — спокойно произнес Эйдриан, проследивший за направлением ее взгляда.

Хлоя с тревогой подняла на него глаза.

— Это мой дядя! Не вздумайте его обижать!

Эйдриан тихонько засмеялся, Хлоя вспыхнула.

— Я всего лишь хочу отвлечь его внимание.

— Зачем? — прошептала Хлоя.

Нервы у нее были на пределе, как струны. Где сейчас Доминик? Что он затеял? Увидит ли она его?

Когда танец закончился, в дальнем конце зала вдруг поднялась суета: одна из дам взвизгнула, некоторые гости захохотали, сквозь толпу пробиралась здоровенная овца, ускользнувшая от маскарадной пастушки.

— Только этого не хватало! — обратилась Хлоя к своему кавалеру. — Превратить в хлев...

И осеклась. Она мгновенно поняла, что кавалер, подхвативший ее и приготовившийся вести в танце, — Доминик, а вовсе не Эйдриан. Он тоже был одет в костюм разбойника, как и Эйдриан, и на лице его была такая же маска. Но Хлоя всем существом своим поняла, кто это. Ни один мужчина не брал ее за руку с уверенностью собственника. Ни один не мог заставить ее трепетать от возбуждения.

И его глаза — ну разве могла она не узнать этот насмешливый блеск, от которого замирало сердце. Хлоя сбилась с шага. Доминик подхватил ее, поддержал, легко коснулся губами уха. От его близости силы покинули Хлою, ее била дрожь. Хлою влекло к нему, к его сильному телу, и ничто на свете не способно было ослабить силу этого притяжения.

— Хлоя, — прошептал он, — как я счастлив, что вижу тебя.

— Но почему здесь? — прошептала она, охваченная желанием.

— Сэр Эдгар собирался приехать на бал. То ли поразвлекься, то ли встретиться с кем-то.

Хлоя тихонько засмеялась. Она была счастлива. Даже мысль об их коварном враге не могла омрачить ее радости.

— Не исключено, что твой дядя решил зайти на огонек просто от скуки. Хотя, должна заметить, с трудом могу себе представить, чтобы кто-то решился посетить традиционный бал-маскарад в деревне Чизлбери в надежде получить удовольствие.

Глаза Доминика потемнели.

— Может, он хочет увидеть тебя.

— Сомневаюсь.

— Почему же? — насмешливо заметил Доминик. — Я ведь от тебя не могу оторваться.

— Ты даже не знал, буду ли я на балу.

— Чтобы первая красавица в деревне Чизлбери пропустила бал?

— К твоему сведению, в моей спальне в последнее время происходили очень интересные события.

— Неужели? — негромко отозвался он. — А теперь слушай внимательно. Справа от тебя находится дверь, боковой выход. Незаметно выскользнешь в эту дверь, а я последую за тобой.

— А что, если заметят, что мы с тобой вышли вместе?

— Ты сделаешь вид, будто выходила в гардероб прихорашиваться и взять забытый веер.

А моего отсутствия не заметят благодаря Эйдриану.

— Эйдриану?

— Посмотри налево.

Она посмотрела и увидела в сумраке прихожей едва различимую фигуру Эйдриана. Одетые в одинаковые маскарадные костюмы, схожие сложением и осанкой, мужчины выглядели близнецами и вполне могли сойти за одного человека. Если только сэр Эдгар не заподозрит, что все это ловушка. Хлоя быстро окинула взглядом битком набитый бальный зал, отыскивая дядю своего возлюбленного.

Не найдя сэра Эдгара, Хлоя вновь взглянула на Доминика. Он внимательно смотрел куда-то через ее голову, видимо, наблюдал за танцующими, выбирая удобный момент, чтобы нырнуть в дверь. Казалось, он полностью владеет ситуацией. Если бы только Хлоя могла быть уверена, что Доминик втянул в эту историю Эйдриана и оба нарядились в одинаковые костюмы только ради того, чтобы повидаться с ней! Ей хотелось побыть с ним наедине, оказаться в его объятиях, позабыть обо всех проблемах и невзгодах. Не хотелось думать о том, что возлюбленный намерен вступить в открытое противостояние с сэром Эдгаром в конце этого вечера.

Хлоя почувствовала на себе взгляд дяди Хэмфри, который вопросительно посмотрел на нее с другого конца зала. Нет, не мог дядя узнать Доминика в этом костюме и маске, да еще с такого расстояния. Наверное, дядя так пристально смотрит на них потому, что тетя Гвендолин приказала ему присматривать за племянницей. Ну вот. Наконец-то дядя отвел взгляд. Хлою снова поглотило жгучее желание остаться с Домиником наедине.

Сердце ее билось все сильнее и сильнее, пока, выполняя замысловатую фигуру танца, Хлоя приближалась к своему партнеру. Взгляд его пылающих глаз, казалось, пронзал ее насквозь.

— А что ты станешь делать, если таинственный друг сэра Эдгара так и не появится? — прошептала она.

— Проведу несколько минут с тобой. Мне до сих пор досадно, что пришлось оставить тебя тогда после всего, что произошло между нами. К тому же я не уверен, что сэр Эдгар не следит за тобой.

— Зачем ему следить за мной?

— Во-первых, ты сестра Брэндона и интересовалась обстоятельствами его смерти. Во-вторых, ты дивно хороша собой.

Это было нелогично, но счастье волной захлестнуло ее. Ей захотелось привлечь его к себе и поцеловать, снять с него маску и гладить его лицо и густые волосы, наслаждаться жаром и мощью его тела. Он был цел и невредим. И принадлежал ей.

— Неужели ты решила, что я смогу жить вдали от тебя? — И столько нежности и страсти было в его голосе, что Хлою пробрала дрожь.

— Ну, ты довольно успешно проделывал это последние недели. — Она посмотрела ему в глаза. — Ты и в самом деле готов встретиться лицом к лицу с сэром Эдгаром?

— Довольно разговоров, Хлоя.

Но она и так знала ответ на свой вопрос. Она чувствовала, что вот-вот должно произойти нечто важное и страшное, что ее любимый подвергнется опасности. Она похолодела, радость встречи была омрачена. Так вот он, этот момент, которого Доминик

ждал все это время. Хлоя так надеялась, что он никогда не наступит. Момент, когда ее возлюбленный встретится лицом к лицу с сэром Эдгаром и отомстит ему.

Доминик поймал ее взгляд. Жесткий и властный: он был полон решимости и уверен в успехе.

— Иди. Не останавливайся. Не оглядывайся. Поверни налево, как только пройдешь гардеробную.

Она едва расслышала последние звуки танцевальной мелодии, так громко стучало сердце. Целая толпа ринулась в буфетную, это давало надежду на то, что ее уход останется незамеченным. Хлоя пошла вместе с толпой. Одни хотели выпить стакан лимонаду или пофлиртовать с дамой, предлагая ей сладости. Памела помахала ей.

— Я пойду возьму свой веер, — сказала она в ответ на вопросительный взгляд кузины.

Доминик исчез. Хлоя ничем не выдала своего волнения. Однако ее одолевали тревожные мысли. Сэр Эдгар — враг, которого не следовало недооценивать. Недоценить Доминика тоже было бы ошибкой.

Хлоя протиснулась сквозь очередь, выстроившуюся за прохладительными напитками, и, скрывая охватившее ее волнение, прошла мимо гардеробной. Слева находился коридор — там было темно, тихо, безлюдно. Внезапно рука Доминика схватила ее за запястье и потянула вперед, прочь от гула голосов в буфетной. Практически в тот же момент она увидела, как Эйдриан выходит из гардеробной и подходит к толпе гостей.

Появление наследника герцога не могло пройти незамеченным. Лорд Вулвертон был самым завидным женихом на данный момент. И его снова окружили барышни и дамы.

Доминик ухмыльнулся:

— Жаль, что мы не увидим, как Эйдриан отбивается от потенциальных невест.

Хлоя ткнула его в бок:

— Сам небось не раз бывал в таком положении?

Доминик лишь усмехнулся в ответ, и не успела Хлоя опомниться, как они оказались в маленькой темной комнатке, которую явно использовали для хранения разных вещей, судя по виду мебели, закрытой пыльными простынями.

— А как же мои дядя и тетя? — спросила Хлоя, бросив взгляд на дверь.

— Эйдриан позаботится о том, чтобы отвлечь их внимание.

— Он так же хорошо умеет отвлекать внимание, как и ты?

Доминик засмеялся:

— Тебе это лучше знать.

— Ты бывал здесь раньше, Доминик? — спросила Хлоя.

— Ну, в общем — да. Бывал.

— С другой женщиной?

Он хохотнул:

— Я прятался тут от другой женщины, если мне не изменяет память. Эти деревенские балы-маскарады — просто смерть для холостяков, поверь мне.

— Смерть. — Глаза ее помрачнели. — Обязательно было использовать именно это слово?

— Не слишком удачный выбор, не могу не согласиться, — отозвался он, повернувшись к ней.

Хлоя смотрела на него, не скрывая своих чувств. Желание обвить его шею руками и зацеловать до беспомысленности было сильно как никогда. Так действовал на нее властный огонь,

пылавший в его взгляде, и воспоминания о ночи, когда они любили друг друга. Ей хотелось и сейчас быть такой же страстной, показать ему силу своих чувств. Доминик понимал ее. Он разжигал в ней внутренний огонь, вместо того чтобы его гасить.

— В ожидании весточки от тебя я вся извелась.

— Надеюсь, очень скоро я вознагражу тебя за все.

Глаза Доминика лукаво блеснули.

— Не надо мной смеяться! — воскликнула Хлоя. — Это ужасно, но я не могу без тебя. — Она закрыла лицо ладонями. — Стыдно в этом признаваться.

Мгновение Доминик хранил молчание. Хлоя отняла ладони от лица и увидела вспыхнувший в его глазах огонь. Он склонился перед ней в поклоне.

— Когда все это закончится, — произнес он негромко, — я не отойду от тебя ни на шаг.

Он запер дверь, придвинул к ней тяжелую дубовую скамью, чтобы никто не нарушил их уединения.

Она стояла молча, неподвижно, в то время как он, высокий, мускулистый, гибкий, уверенно двигался в этом тесном пространстве с таким изяществом, что дух захватывало. Хлоя чувствовала, как наливаются груди в предвкушении его прикосновений.

Ну как она перенесет очередную разлуку с ним?

— У меня мало времени, — сказал Доминик. — Если сэр Эдгар не появится в самое ближайшее время, я буду вынужден вернуться в дом. Уже за полночь.

Чувства ее, которые она сдерживала так долго, готовы были выплеснуться наконец.

— А хрустальный башмачок на ступеньках ты не забудешь оставить, мне на память?

— Хлоя, прошу тебя. — Он погладил кудрявый локон у ее щеки.

— И я не буду больше рыдать над твоей могилой, если ты позволишь убить себя во второй раз, Доминик. Один раз я уже оплакивала тебя. Я плакала по тебе каждый вечер, пока не засыпала от усталости — сама не знаю почему.

— Извини, что заставил тебя плакать, — сказал он, притягивая ее к себе. — Я постараюсь вознаградить тебя за эти слезы.

Взгляды их встретились. И больше они не отводили глаз друг от друга.

— Я хочу тебя, Доминик.

— Но я привел тебя сюда вовсе не для того...

— Прощу тебя, — прошептала она. — Обними меня.

Доминик выполнил ее просьбу. Охваченная желанием, Хлоя таяла в его объятиях.

— Что ты станешь делать, когда встретишься наконец с сэром Эдгаром? — Прошептала Хлоя, когда он принялся расстегивать ее платье.

Ажурные крылышки из серебряной фольги упали на пол. За ними последовало и само платье из розового газа и облачком легло вокруг ее ног. Хлоя дрожала от предвкушения, однако не могла избавиться от страха за его жизнь.

Она стянула плащ с его плеч, и плащ упал на пол.

— Что я стану делать? — задумчиво переспросил он. — Я... — Он слегка отстранился от нее, вскинул брови. Взгляд его был полон желания. — Боже правый! Ты в своем неприличном корсете, Хлоя! Надеюсь, это для меня, а не для другого мужчины.

— Может, и для тебя.

Он улыбнулся:

— Очень хотелось посмотреть, как ты в нем выглядишь.

— Вот и смотри.

— Посмотрю и сниму его с тебя, — проговорил он хрипло и потянулся к шелковым шнуркам корсета.

Расшнуровал его, затем снял с нее нижнюю рубашку. Доминик одарил возлюбленную таким взглядом, что ее бросило в жар.

Доминик привлек ее к себе с лихорадочной и нежной поспешностью стал гладить ее руки, спину, бедра, все выпуклости и углубления ее тела, как если бы он был скульптором, жаждавшим вдохнуть жизнь в свое творение.

— За такой девушкой, как ты, Хлоя, — проговорил Доминик с печальной улыбкой, — надо ухаживать.

— Не знаю, как насчет ухаживаний со всей подобающей галантностью, но многие дамы находят Стрэтфилдского Призрака весьма интересным кавалером.

— Твоя тетенька, например? — шутливо осведомился он.

— Вот погоди, узнает тетенька, что ты жив...

— Уж лучше я и дальше буду прикидываться мертвым.

Хлоя ахнула, когда он опустился на колени перед ней, чтобы снять с нее подвязки и чулки. И с тихим вздохом позволила ему уложить себя на импровизированное ложе из одежды на полу. Как бы оба они ни старались шутить и притворяться легкомысленными, а все же оба думали о том, что неизвестно, чем закончится рискованная игра с отмщением. Он поцеловал ее теплыми губами в живот, и Хлоя откинулась назад от наслаждения, пронзившего все ее тело.

— Я не хочу терять тебя, Доминик.

Черный бархат плаща, на котором она лежала, охлаждал ее разгоряченное тело. Хлоя не сводила с него восхищенных глаз, любуясь жесткой красотой его лица, игрой мышц атлетического тела.

— Когда ты так смотришь на меня, Хлоя, — заметил он с усмешкой, — я и сам начинаю сомневаться, что у меня хватит сил тебя покинуть.

— Так останься, — отозвалась она, приподнявшись на локтях. — Мои братья тебе помогут.

— Именно твои братья, Хлоя, способны понять, как важно то, что я намерен совершить. А теперь прикоснись ко мне!

Она прошептала:

— Доминик.

Он содрогнулся, когда ее руки коснулись его тела, пробежались по подживающим рубцам на груди, ощупали бугры мышц на руках и спине. На ощупь он был гладкий и теплый, как полированное дерево, и она ощущала кончиками пальцев биение его сердца. Мысль, что она теперь принадлежит ему, привела ее в восторг.

Она вспомнила, как впервые увидела его верхом на вороном коне. Вздохнула, припоминая, как обнаружила его в своей гардеробной — и влюбилась. Мысль о том, что она может его потерять, была невыносимой.

Она обняла его за талию и прошептала:

— Я не выпущу тебя, пока ты снова меня не соблазнишь, Стрэтфилд.

Он улыбнулся.

— Я серьезно, господин разбойник. Давай-ка пошевеливайся и выполняй свой долг.

Доминик не уставал изумляться совершенству ее женственного тела и поражаться тому, что столь хрупкая оболочка вмещала такой воинственный дух. Она и не подозревала, что

спасла его. Если бы не Хлоя, он никогда бы не поверил в то, что жизнь может быть прекрасной.

Она поверила в него тогда, когда он обходился с ней с незаслуженной жестокостью, когда вел себя как негодяй. Он не заслужил ее верности, но она сумела разглядеть за маской свирепости боль. Когда он перешел в наступление, она встала на его сторону и помогла вернуть рассудок.

Ему нравилось в ней сочетание мягкости и мужества, которое делало ее такой привлекательной. Он обожал, когда она прикасалась к нему. Когда прижимала ладони к его животу, трогая пальцами узкую темную косичку волос, тянущуюся от паха вверх, — тут рассудок отказывался служить ему. Вся нижняя часть его тела судорожно напряглась от сладостного предвкушения. Усилием воли он подавил желание схватить ее руки и положить на разбухшую плоть. Возможно ли, чтобы женщина, чьи прикосновения привели его в столь беспомощное состояние, оказалась для него источником силы?

— Хлоя, — проговорил он, горя от желания, — у нас мало времени. А я так тебя хочу.

Она осыпала пылкими поцелуями его шею, грудь, а когда ее теплые губы прикоснулись к его мужскому естеству, у него перехватило дыхание.

Его возлюбленная прирожденная соблазнительница, подумал Доминик.

Хлоя приподнялась, выгнулась, вжавшись животом в его живот. Доминик накрыл ладонью ее грудь и обхватил губами ее сосок. Затем лег на нее и раздвинул ей бедра, коснулся влажных темных завитков. Хлоя раскрылась навстречу ему.

— Доминик, — прошептала она, и бедра ее задвигались, — у меня сердце не выдержит...

— А мне что прикажешь делать? — шутливо осведомился он. — Если твое сердце не выдерживает любви, я могу остановиться.

— Только посмей...

Доминик погрузил пальцы в ее возбужденную плоть, затем обхватил ладонями ее ягодицы и вошел в нее. Хлоя содрогнулась от наслаждения.

— Ну же, — поторопила она его, и Доминик медленно погрузился в нее.

— Теперь можно и умереть, — проговорил он.

Доминик обожал Хлою за то, как ее тело принимало его. За ощущение, которое испытывал, заполнив ее до предела. Они пришли к финишу одновременно.

Впервые в жизни Доминик испытал такой восторг. И когда они с Хлоей спустились с вершин блаженства, он запечатлел на ее губах поцелуй, и желание в нем вспыхнуло вновь.

— Хлоя, любовь моя, — прошептал он, — я не в силах уйти от тебя.

В ее синих глазах блеснули слезы:

— Не уходи.

Он откинул черные локоны с ее лба.

— Я должен вывести дядю на чистую воду, и тогда ничто не разлучит нас.

— Ничто? А мои братцы и сестра, блюстительница нравов? О них ты забыл?

Доминик ухмыльнулся:

— После встречи с сэром Эдгаром члены твоей семьи уже не смогут меня испугать.

Они оделись, и Доминик стал мысленно готовиться к встрече с Эдгаром.

Доминику стало известно, что его дядя ведет переписку с каким-то человеком, проживающим не то в Лондоне, не то в его окрестностях.

Кто же это мог быть? Сэр Эдгар сжигал письма сразу по прочтении. Доминик случайно

обнаружил обрывок полуобугленного листка в камине — написанный сэром Эдгаром черновик письма, в котором содержались указания поверенному взять крупную сумму денег из его банка.

Сэр Эдгар планировал побег или собирался расплатиться с кем-то за прошлые услуги? А может, замыслил новое убийство?

Этого Доминик никогда не узнает. Но он не допустит, чтобы его дядя погубил еще кого-то.

— Хлоя... — начал Доминик, запнулся, положил ладони на ее округлые плечи. — Я хочу, чтобы ты вернулась в Лондон, к братьям, как можно скорее.

— Ты серьезно считаешь, что мои братья станут считаться с моим мнением, решая такой вопрос?

Глаза его потемнели, в них была тревога.

— Ты должна убедить Хита.

— Тогда сообщи мне волшебное слово, которым я смогу тронуть каменное сердце моего брата, чтобы он расчувствовался и позвал меня домой.

Доминик сжал губы.

— Постарайся, черт возьми. Когда я выведу сэра Эдгара на чистую воду, слух о его предательстве мгновенно распространится и разразится грандиозный скандал. Ты не должна быть в нем замешана.

— Плевала я на скандал. Для меня главное в жизни — ты. И то, что произойдет, когда ты встретишься с убийцей Брэндона. Кстати, ты расшифровал его письмо?

Он пристально взглянул на нее:

— Его письмо?

— То письмо, которое ты обронил в моей спальне, а потом забрал обратно. Оно написано рукой моего брата. Не знаю, кому оно адресовано, тебе или Сэмюелу.

Не веря своим ушам Доминик спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Я узнала почерк Брэндона и сделала копию письма в надежде расшифровать его. Похоже, в письме речь идет о том, что сэр Эдгар замышлял в тот момент. Как только закончу расшифровку, передам тебе текст.

— Ты потрясающая женщина, Хлоя.

— Я стану потрясающе несчастной, если с тобой что-нибудь случится. Так ты не позволишь мне сопровождать тебя во время решающей встречи с сэром Эдгаром?

— Нет.

— Хочешь, чтобы я сидела сложа руки и ждала?

— Если со мной и Эйдрианом случится беда, передашь это дело твоим братьям.

Сердце у Хлои болезненно сжалось.

— Что ты собираешься сделать с сэром Эдгаром?

— Убедить его поступить по совести.

— А если он откажется?

— Я выполню свой долг.

Хлоя отстранилась от него. В ее синих глазах были гнев и боль. В своем маскарадном костюме она выглядела не легкомысленным эфирным созданием, а скорее римской богиней, вознамерившейся вступить на тропу войны.

Доминик схватил Хлою за руку и потянул к двери.

— Я вернусь ради тебя, — сказал он, сверкая глазами. — Чего бы мне это ни стоило. Ты больше не будешь целоваться ни с баронами, ни с деревенскими олухами. Только со мной.

Она побледнела и закусила губу.

— Ты уж постарайся вернуться не призраком, — прошептала она.

Когда Хлоя вышла из коридорчика, то увидела, что в передней полно гостей, коротавших время за беседой и стаканом лимонада. В главном зале заиграл оркестр, но Хлое совсем не хотелось танцевать. У нее и так голова шла кругом. Ей хотелось побыть одной, поразмышлять немного, успокоиться. Чтобы быть готовой прийти на помощь любимому в его деле, если понадобится. Потеря невинности и нравственное падение Хлою не тревожили. Больше тревожила предстоящая встреча Доминика с его дядей. Состоится ли она сегодня? Как поступит Доминик, если у сэра Эдгара и впрямь есть таинственный союзник? Что, если они с Эйдрианом не смогут справиться с негодяем? Об этом лучше не думать.

— Мама говорит, если дать этому Стрэтфилдскому Призраку волю, в деревне не останется ни одной добродетельной леди, — раздался у Хлои за спиной женский голос.

Хлоя вздохнула и поправила крылышки. Будь ее воля, призрачная карьера Доминика закончилась бы прямо сейчас и впредь его порочные наклонности оставались бы достоянием одной-единственной женщины.

— А я не верю в существование этого призрака, — сердито заявил какой-то джентльмен. — Уверен, все это досужие вымыслы. А каково ваше мнение, леди Хлоя?

Хлоя оглянулась — румяное лицо было ей знакомо. Она не помнила имени этого здоровяка, но он был из компании Джастина. Тут она вдруг сообразила, что еще ни разу не танцевала с Джастином в этот вечер. Юный воздыхатель весь вечер вел себя так, будто ее здесь не было. Не то чтоб ее это огорчило. Собственно, она бы этого и не заметила, если б...

— А, вот ты где, Хлоя. — Она подняла глаза и увидела, что дядя Хэмфри выходит из буфетной и начинает проталкиваться к ней через толпу. — А я-то все гадал, куда ты подевалась.

— Я была здесь, — ответила она в замешательстве и отвела взгляд.

— Здесь?

— Ну... — Ах, как неприятно лгать дяде! — Я пошла было за веером, а потом обнаружила, что он у меня с собой. Глупо.

— Глупо, — задумчиво повторил дядя.

— Да. — Сердце Хлои забилось быстрее. — Глупо.

— Ну что, удалось наконец леди Дьюхерст упокоить душу нашего проказливого Призрака? — обратился с вопросом к дяде Хэмфри кто-то из гостей, улыбнувшись через плечо старика.

Дядя Хэмфри повернулся, чтобы ответить, и Хлоя вздохнула с глубоким облегчением. Если дядя и заподозрил что-то, допытываться не собирался. И Хлоя была благодарна ему за это. По крайней мере ей не пришлось лгать.

Дядя взял ее под руку.

— Пойдем, выпьешь стакан лимонаду. У тебя щеки пылают.

Хорошо, что дядя не знает причины. Он хоть и добр, но не настолько, чтобы снисходительно отнестись к тому, что произошло между ней и Домиником. А Хлоя скорее бы умерла, чем огорчила дядю, единственного своего защитника в доме.

— Лимонад как раз то, что надо, дядя...

Хлоя осеклась. Из гардеробной вышел сэр Эдгар Уильямс, выглядевший весьма элегантно в черном фраке и безупречно белом накрахмаленном галстуке. Видимо, новый

хозяин Стрэтфилд-Холла не знал, что это бал-маскарад. А может, счел ниже своего достоинства рядиться в маскарадный костюм. Впрочем, подумала Хлоя, этот человек постоянно носит маску. Бессердечный убийца, изображающий из себя доблестного рыцаря, джентльмен с инстинктами подонка общества.

Сэр Эдгар обвел взглядом зал, внимательно всматриваясь в лица, скрытые масками. Сердце Хлои взволнованно забилося. Неужели сэр Эдгар узнал как-то, что Доминик жив и находится на балу? А может, сэр Эдгар надеялся увидеть здесь своего таинственного друга? Маловероятно. Место неподходящее, да и время тоже. Вдруг он направится в сторону комнаты, где она оставила Доминика? Что ей тогда делать? Броситься на врага?

Дядя крепче сжал ее локоть. Хлоя озадаченно посмотрела на него.

— Пойдем же пить наш лимонад, Хлоя, — сказал дядя Хэмфри спокойно.

Она кивнула, оглянулась и заметила, что сэр Эдгар вошел в бальный зал. Худой мужчина в плаще привлек ее внимание. Хлою бросило в жар, когда она узнала в нем Эйдриана. Он посмотрел на Хлою, чуть заметно кивнул, игриво улыбнулся щебечущим дамам, окружившим его.

Хотел ли Эйдриан дать ей понять, что Доминик успел спрятаться? Наверняка. Эйдриан, конечно же, заметил сэра Эдгара. Вряд ли он остался бы болтать с дамами, если бы его другу грозила опасность?

Она снова обернулась к дяде:

— Да. Лимонад. Это как раз то, что нужно.

Дядя пристально смотрел на нее несколько мгновений, прежде чем двинуться к буфету.

— Приятно снова видеть тебя в хорошем настроении, Хлоя. Мы все очень волновались за тебя эту последнюю неделю. Похоже, бал пошел тебе на пользу.

Хлое так и не удалось потанцевать с Эйдрианом. Поклонницы не отпускали его, и он не стремился вырваться. Это был добрый знак. Не стал бы друг Домийика веселиться, если бы знал, что таинственный союзник сэра Эдгара здесь. Последний раз Хлоя видела сэра Эдгара беседующим со священником.

Ни она, ни Эйдриан не предприняли попыток поговорить друг с другом. Не стоило привлекать к себе внимания. Хлоя почти не знала Эйдриана. Она даже не видела его лица без маски, но поняла, что рядом с этим мужчиной любая женщина чувствует себя в полной безопасности.

Может, чувство это возникало потому, что Эйдриан всю жизнь сражался за других. Он нисколько не был похож на будущего наследника герцогства. И видом, и повадками напоминал повесу-наемника. О его диких выходках и необыкновенных приключениях в заморских странах писали газеты.

Эйдриан внушал симпатию и доверие с первого взгляда. Хлоя радовалась, что у Доминика такой союзник. Он десятерых стоил.

Хлоя повернулась и обнаружила, что за ее спиной стоит Джастин. Впервые за все время их знакомства Джастин не улыбнулся, когда их взгляды встретились. Куда девалась его юношеская беззаботность? Мурашки побежали у Хлои по спине.

— Значит, это правда, — произнес Джастин, неодобрительно покачав головой.

Хлоя захлопала глазами. Она хранила столько тайн, что не знала, о какой именно идет речь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она настороженно.

— Что ты в него влюблена.

— В кого?

Джастин фыркнул и кивком указал на Эйдриана.

— И не пытайся отрицать.

Хлоя в замешательстве огляделась. Джастин говорил довольно громко; к счастью, они стояли поодаль от других гостей.

— Да я только сегодня познакомилась с ним.

— Тем хуже! — вспыхнул Джастин. Тюрбан сполз ему на бровь. — Я всегда тебя защищал, Хлоя, хотя меня предупреждали, что ты барышня легкомысленная.

На них начали поглядывать. Не толкнуть ли ревнивца за пальму в кадке? Мало ей было сегодня тревог и волнений, так тут еще Джастин устроил ей сцену ревности прямо на публике!

— Не понимаю, о чем ты, Джастин. Джастин поправил тюрбан.

— Я видел, Хлоя Боскасл, как ты потихоньку ушла из зала с этим самым будущим герцогом.

— К твоему сведению, лорд Вулвертон всего лишь проводил меня до гардеробной, куда я пошла взять забытый веер.

— Ха! За то время, что вы отсутствовали, можно было кругосветное путешествие совершить!

— Не будь ребенком, — тихо проговорила Хлоя. — Ни в какие путешествия я с лордом Вулвертоном не отправлялась.

Что было совершенной правдой. Она была с Домиником. И если Джастин не возьмет себя в руки...

Вдруг зловещая тень легла между ними, тень мужчины. Это избавило Хлою от необходимости дать Джастину пинка. Явление нового лица могло бы только обрадовать ее, да вот только лицом этим оказался сэр Эдгар собственной персоной. Уж лучше миллион сцен ревности Джастина, чем один разговор с этим ужасным человеком!

— Милые бранятся? — осведомился сэр Эдгар с кислой улыбкой. — Может, выступить в качестве посредника?

Хлоя одарила Джастина уничтожающим взглядом. Впрочем, может, удастся обернуть этот скандал в свою пользу. Ведь пока сэр Эдгар рядом с ней, он не может причинить вреда Доминику!

— Просто маленькое недоразумение.

— Хорошенькое недоразумение! — буркнул Джастин себе под нос, но, будучи джентльменом, решил не продолжать. — Простите, но я должен вас покинуть. Кажется, меня мама зовет, — сказал Джастин.

Сэр Эдгар бросил взгляд на Хлою и вздохнул.

— Да, дорогая барышня, это не Лондон. Здесьние олухи понятия не имеют о тонкостях светского этикета. Полагаю, разбивать мужские сердца для вас дело привычное?

Хлоя смотрела вслед Джастину, который направился к некой молодой леди и пригласил ее на танец. Этот дурень явно не намерен страдать от разбитого сердца слишком долго. Что ж, Хлоя всегда понимала, что для Джастина она не подходящая пара — слишком уж темпераментна.

— А что же вы, сэр Эдгар, не собираетесь отбыть в столицу в ближайшее время? — спросила она значительно, однако избегая смотреть в глаза своему собеседнику. Ну не могла она себя заставить смотреть этому человеку в глаза. Не настолько хорошей актрисой она

была, чтобы надежно скрыть свое презрение.

Сэр Эдгар покачал головой:

— Увы, принять наследство, доставшееся мне от моего племянника, оказалось делом более хлопотным и долгим, чем можно было предположить. Я обнаружил...

Вдруг смех и разговоры в зале стихли. Распорядитель бала готовился вручить приз за лучший костюм! Гости толпой ринулись вперед, разделив Хлою и сэра Эдгара.

Сэр Эдгар пожал плечами и извинился. Хлоя испытала громадное облегчение. Надс надеяться, что сэр Эдгар не заметил ничего подозрительного в ее поведении. Сама мысль о том, чтобы вести светский разговор с человеком, который едва не зарезал ее Доминика, была невыносима. Она убила бы его голыми руками.

Гости бурно аплодировали каждому новому костюму, который представлял распорядитель. Хлоя заметила своего дядю, пробиравшегося к ней сквозь толпу и использовавшего свои молнии для того, чтобы расчистить путь. Эйдриан стоял в дальнем конце зала, с непринужденным видом привалясь плечом к стене. Хлоя видела, как он посмотрел сначала на нее, потом на сэра Эдгара, как если бы одновременно приглядывал за ними обоими.

Да, неплохо иметь рядом такого друга, как Эйдриан, пусть даже он однажды провел целое лето на борту китайского пиратского корабля. Однако пока он здесь и защищает ее, он лишен возможности помогать Доминику.

Должен ли в соответствии с планом друзей Эйдриан помогать Доминику на последнем этапе операции? Эйдриан уже замешан в заговоре против сэра Эдгара.

Как же они собираются свалить человека, столь крепко стоящего на ногах? Оставалось лишь гадать. Доминик скрывал от Хлои все подробности своего плана. Она крепче сжала веер. Только бы он вернулся живым. А подробностей, возможно, ей лучше не знать.

Доминик бесшумно, как призрак, вошел в темную спальню собственного дома. Нельзя было терять ни секунды. В его распоряжении максимум четверть часа. Он отправился домой прямо с бала. Прислуга уже удалилась на свою половину. Доминик знал, когда старший лакей выйдет на большую галерею тушить свечи.

Эйдриан приглядит за сэром Эдгаром, как Доминик его и просил. Однако не следовало забывать, что дядя Доминика вовсе не был дураком. Всю последнюю неделю он расспрашивал прислугу об отношениях Доминика и Эйдриана — когда друзья в последний раз виделись, что обсуждали. Появление Эйдриана в Чизлбери показалось сэру Эдгару подозрительным. Однако сегодня главной задачей, возложенной на Эйдриана, было обеспечить безопасность Хлои. К счастью, на возлюбленную Доминика, хотя и была она несколько легкомысленна, могла пофлиртовать, пококотничать, в серьезных делах, если речь шла о жизни и смерти, можно было положиться.

Таинственный знакомец сэра Эдгара на балу так и не появился. Видно, подвела Доминика в этот раз интуиция. А может, бал сочли слишком людным мероприятием для тайного свидания. Или же сэр Эдгар догадался, что вызвал кое у кого подозрения, и решил явиться на бал, чтобы их развеять, а таинственного знакомого предупредил, чтобы тот держался подальше.

Что ж, расследование обстоятельств этой истории придется препоручить агентам королевского суда, знакомым с подобными ухищрениями.

Доминик положил окровавленный и порванный мундир своего брата на девственно-белую подушку сэра Эдгара. Из небольшой урны, которую держал в руке, взял пригоршню

белого песка и насыпал тоненькую дорожку, которая протянулась из спальни на галерею и по галерее до его собственного портрета. Этот песок прибыл в Англию из Непала: его прислал верный слуга покойного Сэмюэла для заупокойной службы. Доминик размышлял, догадается ли сэр Эдгар, что все это означает? Поймет ли, что это брошенная перчатка. Вызов.

Доминик поставил пустую урну на пол возле того места у стены, где открывался тайный ход, ведущий в мрачное подземелье, целый месяц служившее ему убежищем.

Если фортуна окажется к нему милостивее, чем прежде, то сегодня он последний раз проведет ночь в подземелье. Если же фортуна снова отвернется от него, это будет его последняя ночь.

Доминик скользнул в отверстие в стене, подождал, пока глаза привыкнут к темноте. В этом он имел некоторое преимущество перед своим дядей. Доминик теперь мог сориентироваться в темноте за считанные секунды. Знал наизусть каждую ступеньку, каждый поворот и закоулок тоннелей, прорытых контрабандистами. Знал, где груды застывшего цемента и земли могут обрушиться, только тронь их. Знал, где следует пригнуть голову.

Доминик и в самом деле неплохо ориентировался в этом своем маленьком загробном мире. Он взглянул в глаза воплощенному злу — и остался жив, подобно человеку, который, пройдя сквозь огонь, выходит опаленным, но еще более сильным.

До встречи с Хлоей он не задумывался, во что превратился. Эта девушка стала для него своего рода мостом, связующим звеном между прежним Домиником и тем, каким он надеялся стать в будущем — общем для них обоих.

Ему предстоит обратиться к ее братьям, убедить их, что он достоин жениться на Хлое. Доминик поморщился при мысли о том, что придется рассказать о характере их отношений с Хлоей с самого начала и по сей день. Разумеется, Хит сочтет его сущим дьяволом и соблазнителем. Хорошо, если не порвет Доминика в клочья.

Что ни говори, а Стрэтфилдский Призрак не тот жених, которому светский человек с готовностью отдал бы руку сестры. Братья наверняка скажут Доминику, что он «погубил» Хлою. Но ведь она тоже «погубила» его.

Другие женщины для него теперь не существуют. Так что ему придется любой ценой добиться руки Хлои.

Он снял черный бархатный плащ и накиннул на скелет, прислоненный к стене.

— Так-то лучше, приятель. А то ты совсем замерз.

Сам Доминик, одетый в белую рубашку с кружевными манжетами, панталоны до колен и ботфорты, совсем не ощущал холода. Любовь Хлои придала ему энергии.

Доминик поднял шпагу и отвесил скелету низкий поклон.

— Сударь мой Сиятельный Скелет, сегодня мы с вами распрощаемся. Либо я одержу победу, либо мой кости будут валяться здесь вместе с вашими. Помогите мне. Если я выйду живым из этого поединка, то, клянусь честью, похороню с почестями ваши останки.

Дядя Хэмфри то и дело бросал на нее пытливые взгляды. Это игра воображения? Нет, интуиция подсказывала, что дядя хочет поговорить с ней о чем-то. И разговор будет не из приятных.

Поэтому, как только они добрались до дома, Хлоя поспешила к себе в спальню. Взбегая по скрипучим ступенькам, она чувствовала на себе дядин взгляд.

Что могло случиться? Дядя заметил, как она выскользнула из бального зала в обществе маскарадного разбойника? И пришел к выводу, что у нее было любовное свидание с Эйдрианом? Это Хлоя могла отрицать с чистой совестью. С Эйдрианом она впервые встретилась только сегодня, к тому же он почти сразу вернулся в зал, чтобы прикрыть их с Домиником.

Но может, дядя Хэмфри заподозрил что-нибудь другое? Дядя умен и не обделен интуицией. Хлоя помедлила на верхней ступеньке. До нее донесся смех Памелы, которая вместе с тетей Гвендолин прошла в гостиную. Памела и тетя Гвендолин находились в приподнятом расположении духа. У каждой из них была на то своя причина. Тетя получила приз за свой костюм, а Памела обрела пылкого воздыхателя в лице Чарлза, брата Джастина.

Но что, собственно, мог обнаружить дядя? Расшифрованное письмо Брэндона? Но от письма он не впал бы в такое уныние, подумала Хлоя, навалившись плечом на покосившуюся дверь своей комнаты и толкая ее изо всех сил.

Хлоя влетела в спальню — дверь оказалась неплотно закрыта, — пробежала несколько шагов, наткнулась на чье-то неподвижное тело, рухнула на колени. Маскарадные крылышки затрепетали возле ее лица. И прошептала с надеждой:

— Доминик? — прекрасно понимая, что это никак не мог быть ее возлюбленный.

Арес вскочил и облизал ей лицо.

— Фу, опять сосисок наелся! — Хлоя вытерла рукой в перчатке губы. — Полагаю, гостей у нас сегодня нет?

Она пошла в гардеробную. Пес побежал за ней. Но в гардеробной не оказалось ни Доминика, ни весточки от него.

— Его здесь не было, — прошептала Хлоя. — Придется удовлетвориться обществом его прожорливого пса.

Хлоя пододвинула сундук к окну, села на него, задумчиво хмуря брови. Ну как он может победить в этой битве в одиночку? С ним, правда, Эйдриан.

«Когда-то мой дядя преподавал фехтование по системе Анджело в Венеции. Он научил меня всему, что я знаю о сражениях на шпагах».

Эти слова Доминика всплыли в памяти, когда Хлоя, положив подбородок на подоконник, уставилась в темноту. Нельзя недооценивать силу и решимость Доминика, но сэр Эдгар профессиональный убийца и напроць лишенный совести. Хлоя уперлась руками в раму окна, приподнялась на сундуке и стала вглядываться в лес, в спящее поместье в надежде увидеть какой-нибудь знак.

Фейерверк? Старомодную дуэль на рассвете на берегах пруда с утками? Доминик научился жить в тени. Видимо, и месть свою он свершит, не привлекая внимания. Хлоя решила, что при первых признаках беды под каким-нибудь предлогом отправится в Стрэтфилд-Холл.

Арес улегся рядом с ней и тоже бодрствовал. Она просидела всю ночь. Но стоило ей задремать, как она тут же просыпалась с сильно бьющимся сердцем. И снова всматривалась в ночную тьму.

Рассвело. Поместье Стрэтфилд-Холл было объято тишиной. Взошло солнце, осветило каменную кладку старого помещичьего дома.

Хлоя потянулась и поднялась с сундука. Пора было покидать свой пост. Наступило воскресенье.

«Раз все тихо — значит, все хорошо», — сказала Хлоя себе.

Что-то очень успокоительное было в привычном хаосе, который Хлоя застала, спустившись в домашнюю гостиную несколько позже. Судя по всему, Арес украл и спрятал где-то одну из туфель тети Гвендолин. Тетя Гвендолин, в шляпе с перьями, в сером шелковом платье и пелерине, расшитой бисером, и одной туфле, гоняла по дому мужа и прислугу, требуя, чтобы пропавшая туфля была сию секунду найдена.

— Гвенни, у тебя полно туфель. В жизни не встречал женщины, которая была бы так обеспечена обувью, — ворчал дядя Хэмфри. — Три сапожника в Чизлбери позволили себе уйти на покой благодаря твоим заказам. Ну почему тебе понадобилась именно эта?

Тетя Гвендолин поправила перо на шляпе.

— Возможно, эта туфля — знак, поданный через собаку ее хозяином. Не исключено, что собаке внушили спрятать мою туфлю по определенной причине.

Дядя Хэмфри бросил изумленный взгляд на Хлою:

— Что за причина? Ты полагаешь, что Стрэтфилд, перейдя в мир иной, решил носить дамские туфли?

— Думаю, он хотел дать мне знак, — пояснила тетя Гвендолин.

— Знак? — супруг озадаченно тряхнул головой. — Туфля — это знак?

— Да. Туфля может иметь оккультное значение. Призрак дает мне понять, что я должна сделать в следующий миг, который поможет ему.

Сэр Хэмфри закатил глаза:

— Кто бы помог мне. Оккультное значение. У туфли!

Памела просунула голову в дверь:

— Мы опоздаем в церковь. Поторопитесь!

Хлоя невольно улыбнулась. Памела любила поспать и обычно уваливала от походов в церковь по воскресеньям. Такая перемена могла означать только одно: любовь вступила в свои права, и кузина рвалась в церковь ради того, чтобы свидеться с Чарлзом и продолжить роман, который завязался у них на вчерашнем балу. Хлоя даже позавидовала ей. У нее ничего подобного не будет. Ни ухаживаний, ни молодого человека, который пялился бы на нее в церкви.

Увы, подумала она печально. Все ухаживания, которые выпали на ее долю, заключались в том, что наряженный разбойником человек схватил ее за руку и утащил с бала на тайное свидание. Впрочем, все обстоятельства этого тайного свидания виделись ей теперь в розовой романтической дымке. С трудом верилось, что они танцевали, а потом любили друг друга с такой отчаянной страстью.

— Мы ищем пропавшую туфлю твоей матери, — сказал сэр Хэмфри Памеле. — Моя супруга, жертва заблуждений, отказывается выходить из дома без этой туфли.

— Я видела мамину туфлю на середине лестницы буквально секунду назад, — сообщила Памела.

— Не все ли равно? — озабоченно поинтересовалась мать.

Памела пожалала хрупкими плечиками:

— Ну какое это может иметь значение? Поспешите же, мама.

Хлоя подошла к окну и выглянула в сад. Где сейчас Доминик? Следовало бы рассердиться на него за то, что он поставил ее в такое положение. Если даже она и решится просить братьев о помощи, где гарантий, что ее письмо дойдет вовремя? Скорее всего Доминик встретится с сэром Эдгаром лицом к лицу прежде, чем оно дойдет до Лондона.

— Ты идешь, Хлоя?

Она оглянулась, услышав дядин голос. Они остались вдвоем в гостиной. Было слышно, как карета с грохотом подъезжает к парадному крыльцу.

— Да. Сейчас иду.

— Что-нибудь интересное там, за окном? — спросил сэр Хэмфри спокойно.

Хлоя улыбнулась:

— Нет, ничего интересного. Когда наконец тетя найдет свою туфлю?

Дядя озабоченно нахмурился:

— Ты, я смотрю, витаешь в облаках. Памела только что сообщила, что видела злополучную туфлю на лестнице. Разве ты не слышала?

Хлоя прошла мимо дяди, не поднимая глаз. Дядя знал ее лучше, чем кто бы то ни было в доме. После бессонной ночи, поглощенная мыслями о Доминике, Хлоя ничего не видела и не слышала.

— Пойдемте, дядя. Надо послушать проповедь преподобного ради спасения наших душ.

Когда Хлоя проходила мимо дяди, тот легко коснулся ее плеча:

— Хлоя, дорогая, если тебе понадобится помощь, помни, я рядом.

Дядя Хэмфри ввязывается в интригу, замешенную на предательстве и убийстве? Хлоя улыбнулась дяде, сожалея о том, что ее тайна встала между ними непреодолимой стеной.

— Спасибо, дядя. Вы всегда относились ко мне лучше, чем я того заслуживала.

Прихожане церкви Святого Луки сидели в это воскресенье на скамьях как в трансе — явно не отошли еще от вчерашнего бала-маскарада. Вздремнуть во время проповеди для жителей Чизлбери было делом обычным. И похрапывание перемежалось с грохотом кулака, которым преподобный имел обыкновение стучать по кафедре.

Хлоя никак не могла сосредоточиться, слушая Гримсби, обладателя тонкого острого носа и туфель с пряжками, хотя понимала, что проповедь о добродетели в первую очередь относится к ней.

Что ж, поздновато тревожиться, подумала Хлоя без малейших угрызений совести.

Время тянулось невыносимо медленно. Где-то на дальних скамьях маленький мальчик пукнул, и мамаша его отшлепала. Боже правый, а вдруг она зачала от Доминика? В этом случае братья силком потащат виновника к алтарю, и Хлоя, разумеется, не станет им мешать. Впрочем, Хлоя не сомневалась в том, что Доминик по доброй воле пойдет с ней к алтарю.

— Что-то не так? — шепнула ей на ухо Памела, когда они преклонили колена, готовясь молиться.

Хлоя подняла глаза. Только сейчас она сообразила, что ни сэр Эдгар, ни Эйдриан не сочли нужным почтить своим присутствием затянувшуюся воскресную службу. Впрочем, в этом не было ничего удивительного.

— А почему ты спрашиваешь? — вопросом на вопрос ответила Хлоя.

— Ты все время вздыхаешь и ерзаешь.

Хлоя опустила глаза. Кое-что было не так — с ней самой. Подумать только: она стоит на коленях в тихой, увитой плющом приходской церкви и молится за душу мужчины, который ее обесчестил, вместо того чтобы вымаливать прощение, а также молить Бога, чтобы ее семья не узнала о том, что она натворила.

Но Хлоя молилась о том, чтобы Доминик не вышел из своего укрытия и не дал убить себя снова, на сей раз по-настоящему, и таким образом не лишился бы возможности обесчестить ее снова. А также позаботился о ее будущем, что немаловажно.

Он ведь сказал, что вернется к ней.

Хлоя чуть переменяла позу, не вставая с колен. Ее знобило. Всю ночь она не спала и извелась от волнения. А преподобный все читал и читал проповедь, упомянув все существующие грехи по крайней мере дважды.

— Хлоя! — ткнула ее в бок Памела, когда молитва наконец закончилась, и они расселись по скамьям. — Хочешь, скажу что-то?

Да, Хлое хотелось, очень хотелось услышать, что когда она вернется домой, ее будет ждать Доминик, отомстивший сэру Эдгару за все зло, которое тот сотворил.

— Что? — прошептала Хлоя.

— Я взяла твой корсет.

Хлоя выпрямилась и внимательно посмотрела на кузину.

— А что, намечается еще один бал?

— Нет. — Памела залилась очаровательным румянцем. — Твой корсет сейчас на мне.

— Ах ты безнравственное создание! — поддразнила кузину Хлоя.

— Ведь это была твоя идея.

— Моя?

— Ты разве не помнишь? Ты сказала, что мне следует надеть как-нибудь этот корсет в церковь. Я хоть правильно его надела?

— Трудно сказать, Памела, учитывая, что поверх платья на тебе еще и легкое пальто.

— Ах да. Верно. — Несколько мгновений Памела елозила на скамейке, затем снова зашептала: — А хочешь, скажу еще что-то?

— Конечно. — Что угодно будет интереснее дурацкой проповеди.

— Джастин женится на наследнице Сеймуров. Мне его брат вчера сказал. Извини, Хлоя.

— Такова жизнь, Памела.

— Ты что, совсем не огорчилась?

— Из-за Джастина? Как можно выйти замуж за человека, который топает ногой, если хочет настоять на своем. С таким же успехом можно выйти замуж за своего первого пони.

— А я еще кое-что вспомнила, — прошептала Памела.

Тетя Гвендолин сердито прошептала:

— Тише, девочки.

— Что именно? — прошептала Хлоя.

Преподобный Гримсби в последний раз стукнул по кафедре кулаком. Паства испустила вздох облегчения.

— Все дамы и барышни прихода очень надеялись, что лорд Вулвертон придет сегодня в церковь и они смогут полюбоваться им при дневном свете. — Памела помолчала. — Полагаю, у него нашлись дела поважнее.

Хлоя через силу улыбнулась:

— Наверное.

Небо затянуло тучами к тому времени, когда служба закончилась и прихожане вышли из церкви. На дальнем поле каркали вороны. У Хлои было тяжело на душе: замечание Памель ее расстроило.

«Полагаю, у него нашлись дела поважнее».

Какие такие дела могли найтись у Эйдриана в этот тихий воскресный день? Может, он сейчас с Домиником, который готовится бросить вызов сэру Эдгару? Вряд ли. Такая дуэль должна происходить во мраке ночи, а не в тихое воскресное утро, когда практически все население деревни не спеша движется по церковному двору, мимо покосившихся крестов, к своим каретам и бричкам, выстроившимся в ожидании за воротами.

Тетя Гвендолин рассказывала всем, кто соглашался слушать, о том, что могло значить утреннее исчезновение ее туфли.

Сердце Хлои затрепетало. Какая же она глупая! Нашла из-за чего огорчаться. Из-за брошенного вскользь замечания Памелы. Не стал бы Доминик выяснять отношения с сэром Эдгаром в воскресенье, при всем честном народе. Что за чушь лезет ей в голову? Ведь все были в церкви и не могли видеть и слышать то, что происходило в Стрэтфилд-Холле.

Хлоя обвела взглядом кучку людей, задержавшихся на крыльце церкви, затем посмотрела на тех, кто уже шел по дорожке. Господа и слуги, млад и стар.

Сэра Эдгара среди них не было.

«Это происходит прямо сейчас, — сказала себе Хлоя, глядя на дорогу. — В то время как я стою здесь дура-дурой и слушаю несусветную чушь, которую несет моя тетенька».

К ней подошел дядя Хэмфри. Лицо его было темнее тучи.

— Что случилось?

— Я... — Она покачала головой, вспомнив клятву, которую дала Доминику. — Я не могу вам этого сказать, дядя.

— А ты все-таки скажи, — настаивал сэр Хэмфри. — Я знаю, что он жив — если именно это ты пытаешься скрыть от меня.

— Что?! — побледнев, выдохнула Хлоя.

— Мне известно, что Стрэтфилд выжил после покушения на его жизнь, и я догадываюсь, кто именно хотел его убить. Мне неизвестно только, каким образом ты оказалась замешана в эту историю. Твоя тетка следила за тобой, как ястреб, всякий раз, когда ты выходила из дома. Как ты сумела завязать с ним дружбу, не выходя из своей комнаты?

Хлоя с несчастным видом уставилась на неровный ряд кладбищенских крестов.

— Кажется невероятным, да?

— Так как?

— Он, можно сказать, свалился мне на голову.

— На голову?

— Ну, не совсем на голову.

— Так куда он свалился?

— В мой сундук с нижним бельем, который как раз в тот день прибыл из Лондона. Довольны, дядя? Теперь вам известны все непристойные подробности этой истории. Я сидела у себя в комнате, когда это случилось, ни о чем не подозревая.

— Гардеробная! — Дядя Хэмфри стукнул себя ладонью по лбу. — Как я сразу не

догадался! Не Девон сидел у тебя тогда в комнате, верно? Это был Стрэтфилд. Ну как ты могла так поступить, Хлоя?

— Вы будете стоять тут весь день и бранить меня за мое дурное поведение? — вспыхнула Хлоя. — Доминик сейчас с сэром Эдгаром.

Дядя взял ее под руку.

— Нет. Я буду бранить тебя за твое дурное поведение по дороге домой.

И он повел ее вперед, мимо Памелы в кругу подружек, которые проводили Хлою сочувственными взглядами. Видимо, решили, что Хлоя опять в чем-то провинилась.

— А почему нам не поехать в карете, дядя Хэмфри?

— Потому, что мы не можем заставить тетю идти целую милю в ее заколдованной туфле, и потому, что я знаю, как можно сократить путь.

— Может, стоит сказать тете, что мы уходим? — спросила Хлоя, с тревогой поглядывая через плечо.

— И испортить ей весь эффект от рассказа о туфле? — Дядя Хэмфри покачал головой: — Нет, мы попросим кучера передать, что пошли пешком, а они с Памелой пусть едут в карете. Подожди здесь.

— Но...

Хлоя осталась стоять на дорожке, а дядя направился к веренице экипажей, ожидавших господ за воротами. Вдали виднелись верхушки деревьев, окружавших Стрэтфилд-Холл. Ну разумеется, Доминик спланировал свою месть вплоть до мельчайших деталей.

Он не мог выяснять отношения с сэром Эдгаром ночью, поскольку прислуга, услышав шум, вмешалась бы некстати, а пистолетный выстрел взорвал бы ночную тишину. Поэтому Доминик выбрал для выполнения своего плана воскресное утро, когда все в церкви.

— Ну хорошо, — раздался голос дяди Хэмфри. Он немного запыхался. — Давай-ка пойдем быстрее, пока кто-нибудь не навязался нам в попутчики.

И он бодро зашагал вперед. Хлоя, едва поспевая за ним, спросила:

— А что мы будем делать?

Дядя поджал губы.

— Ты, юная леди, ничего не будешь делать. Ты и так уже достаточно натворила. Содрогаюсь при одной мысли о том, что рано или поздно мне придется объясняться за тебя с твоей тетей, не говоря уже об остальных членах твоей семьи.

Хлоя похолодела.

— Дядя, а обязательно им все рассказывать?

— Боюсь, Хлоя, что на сей раз ты перешла роковую черту. Целоваться с бароном, спрятавшись за карету. — это одно...

— Это все равно что надеть мне петлю на шею, — мрачно ответила Хлоя. — Или отправить с каторжниками в колонии.

— Не думаю, что от тебя будет много проку в колониях.

— Дядя Хэмфри! — воскликнула Хлоя в отчаянии. — Я-то думала, что хоть вы поймете! Я не могла поступить иначе.

Дядя сразил ударом трости семейство поганок.

— Хлоя, ты могла обратиться за помощью ко мне!

— Он не позволил!

— А чтобы ты сама помогала ему — позволил?

— Сначала не хотел. Но когда я услышала от него про Брэндона...

— Про Брэндона?

— Доминик уверен, что это сэр Эдгар причастен к убийству Брэндона и Сэмюела в Непале, потому что они узнали, что он продавал секреты британской армии французам. И сэр Эдгар устроил эту засаду.

— Боже правый.

— Дядя, сэр Эдгар — человек совершенно бессовестный.

— Ты сказала «Доминик». — Дядя Хэмфри огорченно покачал головой. — Итак, моя племянница на короткой ноге с призраком.

— Дядя Хэмфри, а как вы узнали, что Доминик жив?

— Я встретился со стрэтфилдским егерем, Финли, и мы вместе обмозговали это дело. Я подозревал, что с убийством Стрэтфилда все не так просто, как кажется, и так же, как Финли, догадался, что по лесу бродит отнюдь не обычный браконьер.

— Да уж, не обычный.

— После того как мы с Финли поговорили, он предпринял небольшое расследование и внутри дома. Он давно догадывался, а теперь знает точно, что его хозяин жив, но ни за что не выдаст его. — Взгляд дяди снова стал гневным. — Однако все это не объясняет, каким образом ты связалась со Стрэтфилдом.

— Действительно не объясняет.

Хлоя запыхалась, пробираясь сквозь высокую траву и едва поспевая за дядей. Она старалась не думать о том, что в этот самый момент Доминик, возможно, бьется насмерть со своим заклятым врагом, сэром Эдгаром.

— Я-то думал, мы с тобой понимаем друг друга, Хлоя. Что ты идешь по пути исправления.

— Я тоже так думала, дядя Хэмфри. Дядя фыркнул:

— А чем, интересно, ты думала, когда прятала мужчину у себя в комнате?

Всю ночь напролет Доминик играл в кошки-мышки с сэром Эдгаром. Выкладывая один за другим ключи к своей тайне. Проложил дорожку к скрытому входу на длинной галерее, затем по узким тоннелям, идущим под домом, к подземной темнице, месту, где он обдумывал свою месть.

Сегодня, в это тихое воскресное утро, он завершит свою игру. В поместье не было ни души; только черные лебеди, скользившие по глади пруда, будут свидетелями того, что должно произойти. Все соседи наверняка укатили в церковь; с минуты на минуту преподобный Гримсби начнет свою проповедь.

Хлоя наверняка вертится на скамье, может, флиртует с Джастином, дабы развеять скуку. Доминик наблюдал в подзорную трубу за тем, как она усаживалась вместе с родственниками в карету. Карета не вернулась. Так что он может действовать, уверенный в том, что возлюбленная его вне опасности.

Эйдриан сторожил у ворот, засев в сторожке привратника.

Сэр Эдгар совсем близко, слышно даже его дыхание. Вот он осторожно спускается по потайной лестнице, которая ведет в логово Доминика.

— Да где же ты, черт тебя побери? Выходи, покажись мне. Пусть все будет в открытую.

— С какой стати? — отозвался Доминик тихо из темноты. — Если вы сами, дядя, долгие годы интриговали во тьме, губя жизнь за жизнью?

Доминик услышал, как дядя остановился, и догадался, что тот вглядывается в кромешную тьму, пытаясь определить точное местоположение Доминика.

— Что за глупости, Доминик? Зачем ты прячешься от меня?

— Я не прячусь. Просто жду, пока придет мой гость.

— Зачем?

— Чтобы дать вам возможность объясниться, отрицать то, что, как мы оба знаем, является правдой.

Сэр Эдгар помолчал в нерешительности.

— Я ничего не отрицаю.

— Тогда сдайтесь властям, не дожидаясь, пока я сдам вас им.

Сэр Эдгар натянуто засмеялся и спустился еще на одну ступеньку.

— Пистолет гораздо надежней кинжала. — Он стал медленно поднимать правую руку; дуло пистолета блеснуло в темноте. — Надо было сразу тебя пристрелить.

Доминик, сидевший на корточках в своем углу, медленно разогнулся и встал.

— Насколько надежен пистолет, у которого спуск заклинило? — осведомился он неторопливо.

Голос сэра Эдгара дрожал от ярости.

— Но мои пистолеты были заперты...

— В моем бюро. Вы, кажется, забыли, что вы всего лишь гость в этом доме? И незваный к тому же?

Сэр Эдгар, охваченный паникой, нацелив пистолет прямо Доминику в лицо, нажал на спуск и отшвырнул пистолет.

— Ты сумасшедший, Доминик. Кто, кроме безумца, станет скрываться внутри стен собственного дома? Тебе место в доме умалишенных, куда я тебя и упеку. В конце концов,

ты инсценировал собственное убийство с целью невозбранно соблазнить спящих жительниц деревни. Ты окончательно спятил.

— Вне всякого сомнения. Безумие у нас в роду, и мы оба подвержены этому недугу.

— Чтоб тебе провалиться в преисподнюю!

Доминик рассмеялся:

— А где, по-вашему, мы сейчас находимся?

— Надо было мне той ночью вырезать сердце у тебя из груди!

— И, спрятав это сердце в шкатулку, держать его под подушкой? — заметил

Доминик. — А кто вчера сюда приезжал, чтобы встретиться с вами? Кто помогал продавать свою страну?

Сэр Эдгар не ответил.

— Мне известно, почему вы наняли убийц, чтобы лишить жизни моего брата и Брэндона.

— Им было известно то же самое. Однако им это не помогло.

— Сколько людей было замешано в этом деле?

Сэр Эдгар рассмеялся:

— К чему это все? Неужели ты надеешься вместе с твоими приятелями Боскаслами перевернуть мир? Твой брат был уверен, что Брэндон Боскасл сумеет его защитить. Но они оба погибли.

Доминик понимал: нельзя допустить, чтобы насмешки сэра Эдгара подорвали его силы. Его дядя и за это заплатит. То, что пострадали Боскаслы, лишь усиливало решимость Доминика отдать дядю в руки правосудия.

— Я надеялся, что вы сами сдадитесь властям.

— Скорей мы оба погибнем.

— Хорошо. Ловите! — Доминик бросил врагу шпагу. — Это будет заключительный урок. Помните, как вы учили меня фехтовать? Вы часто заставляли меня фехтовать с завязанными глазами. Это было прекрасной подготовкой к поединку в темноте.

Сэр Эдгар чертыхнулся и поймал шпагу.

— Ты и в самом деле рассчитываешь меня победить? — Сэр Эдгар осторожно сошел с последних ступенек. — Это я научил тебя всему, что ты знаешь о фехтовании. И успел изучить все твои слабости, Доминик. Мне известны твои уязвимые места.

Доминик вытащил свою шпагу.

— Фехтовать надо не только с помощью тела, но еще и ума. Разве это не ваши слова?

— Весьма польщен, что ты их запомнил. — Двигаясь с проворством, несвойственным человеку его возраста, сэр Эдгар начал схватку с прямого выпада и сразу же отпрянул. — К несчастью для тебя, я успел изучить и другие приемы фехтования с тех пор, как ты был мальчишкой.

— Так продемонстрируйте их.

Сэр Эдгар обошел кругом смутно видимого в темноте противника. Когда-то в Париже он был лучшим фехтовальщиком — как раз в ту пору, когда, как подозревал Доминик, и установил связи с французскими агентами.

— Сэмюел тоже полагал, что сумеет победить меня в поединке. Не хочешь узнать, как умер твой брат?

Доминик и бровью не повел. Ничто не могло выбить его сейчас из колеи. Он вернулся из царства мертвых ради этого момента. Ради него просидел в душном подземелье долгие

недели, продумывая каждый свой шаг. Подготовился к любой случайности.

— А знаешь, как выглядело тело твоего брата, когда его нашли? — Сэр Эдгар сделал финт и снова отступил.

Доминик нашел точку равновесия и сделал выпад.

— Вы бы лучше подумали о том, как будет выглядеть ваше тело, когда я с вами покончу.

Сэр Эдгар разделся, остался в сапогах, панталонах и рубашке. Он не спал всю ночь. Долгие часы шел по следу, отыскивая один за другим ключи, которые свидетельствовали о том, что суеверные бредни отсталых жителей Чизлбери близки к истине.

Стрэтфилд в качестве призрака околачивался в собственном доме. И дух его не упокоится до тех пор, пока он не встретится лицом к лицу со своим убийцей.

Деревенским сквайрам было невдомек, что Доминик остался жив. Сэр Эдгар не присутствовал на похоронах, чтобы не вызывать подозрений, что он находится в Уэльсе. Сэр Эдгар был уверен, что удары его кинжала были смертоносны, проявив тем самым непростительное легкомыслие.

Но упрямый ублюдок не пожелал умереть — в отличие от своих старших братьев, которые самым любезным образом отошли в мир иной. Майкл погиб в результате несчастного случая, к которому сэр Эдгар не имел ни малейшего отношения. А Сэмюел — от руки убийцы, нанятого сэром Эдгаром. Все началось в разоренной войной Португалии во время военной неразберихи: Сэмюел, который был всего-навсего юнцом-вестовым, обнаружил, что сэр Эдгар продает военные тайны своей страны французам.

Сэмюел и его юный приятель Брэндон Боскасл проследили за сэром Эдгаром и застали его как раз за разговором с неким португальским священником, который втайне работал на французов.

Юнцы поймали сэра Эдгара в тот же день и потребовали, чтобы он объяснил, зачем тайно встречался со священником и разговаривал с ним по-французски.

Сэр Эдгар доверительно сообщил юношам, что семья его из католиков. Он не афишировал своего вероисповедания, более того, перешел в протестантство, под крыло англиканской церкви — ради карьеры в армии. Но в минуту слабости обратился к старой вере, полагая, что молитва-другая на латыни не повредит ему. Сэмюел, как никто другой, должен бы его понять, поскольку приходился ему племянником и происходил из той же католической семьи.

Это было вполне правдоподобное объяснение.

Сэмюел и Брэндон поверили сэру Эдгару и вопросов на эту тему больше не задавали. А через несколько лет сэр Эдгар, «хлопнув дверью», уволился из армии и занял высокооплачиваемую должность в Ост-Индской компании. И совершенно неожиданно эта парочка искателей приключений записалась именно в его подразделение.

Сэру Эдгару и в голову бы никогда не пришло, что эти два солдатики, мальчишки мальчишками с виду, напросились к нему под начало по заданию британской разведки — следить за ним и собирать доказательства того, что их командир в бытность свою армейским офицером продавал военные секреты французам.

Сэра Эдгара тогда обошли повышением. Молоденький неопытный аристократ, попавший в милость Веллингтону, получил пост, которого так жаждал сэр Эдгар. Долгие годы, которые полковник верой и правдой служил армии, посчитали пустяком.

Только после смерти Доминика он получил то, что заслужил по праву, — титул, земли, богатства. Черт побери! Ради всего этого он убил собственного племянника.

Сейчас ему придется убить Доминика во второй раз, однако это его нисколько не тревожило.

Хлоя с дядей дошли до древних ворот с каменной привратницей, ведущих в поместье Стрэтфилд, за каких-то двадцать минут. Запыхавшись от быстрой ходьбы, Хлоя смотрела на изящный елизаветинский дом.

Трудно было себе представить, что за его стенами сейчас происходил поединок не на жизнь, а на смерть. В окнах не видно было мельтешения прислуги, из трубы не шел дым. Сердце Хлои болезненно сжалось.

— Что же мы будем делать? — спросила она дядю, толкая тяжелые кованые ворота — они оказались запертыми.

— Ты останешься здесь, в привратнице, — ответил дядя Хэмфри. — А я пойду на разведку.

И дядя Хэмфри принялся стучать тростью в кованые ворота.

— Финли, отвори! Финли, это срочно! Мне необходимо войти!

Дверь привратницы распахнулась, но вместо коротышки ирландца появился статный Эйдриан Ракели.

— Тише, сэр Хэмфри, — сказал Эйдриан, приближаясь к воротам. — Зачем так шуметь?

Хлоя поймала уверенный взгляд друга Доминика, и в сердце у нее затеплилась надежда. Может, поединок Доминика с сэром Эдгаром закончился и ее возлюбленный остался цел и невредим?

— Лорд Вулвертон, — с горячностью заговорил сэр Хэмфри, — вряд ли вы сохраняли бы столь завидное спокойствие, если бы понимали всю серьезность положения.

— Я понимаю, — ответил Эйдриан.

— Тогда почему вы не рядом со Стрэтфилдом?

Эйдриан извлек тяжелый медный ключ из жилетного кармана.

— Потому что пообещал ему не вмешиваться.

— Я тоже, — проговорила Хлоя едва слышно и бросила взгляд на дом. — Но Стрэтфилд вообразил, будто бессмертен. Один раз он вернулся из царства мертвых, но это не означает, что ему удастся выбраться оттуда снова. Не надо искушать судьбу.

— Сейчас все по-другому. — Эйдриан пристально посмотрел на Хлою.

Оба знали Доминика, его слабые и сильные стороны.

— Доминик сейчас в выигрышном положении. Он спланировал поединок так же тщательно, как сэр Эдгар в свое время жестокие убийства.

Хлоя попыталась найти утешение в этих словах. Эйдриан держался так уверенно, так крепка была его вера в победу Доминика. Хлое тоже хотелось проникнуться этой верой, но она понимала, что не сможет вздохнуть спокойно, пока не увидит Доминика собственными глазами.

И ей снова подумалось, что Эйдриан — могущественный союзник и необыкновенный человек. В прошлом наемник, сражавшийся в чужих землях. С его внешностью он мог бы стать кумиром женщин, завсегдатаем лондонских балов.

Эйдриан был способен на нежные чувства, что никак не вязалось с его репутацией. Хлоя ясно читала это в его красивых карих глазах. Качество, которое уравновешивало темные слухи о его прошлом.

— А мне плевать, что мы там ему наобещали, — сказала Хлоя, войдя в ворота. — Вы,

Эйдриан, должны проверить, как там обстоят дела. Сэр Эдгар в отчаянном положении: он понимает, что загнан в угол, и терять ему нечего. Он будет сражаться не на жизнь, а на смерть.

— А я Стрэтфилду решительно ничего не обещал, — решительно заявил сэр Хэмфри. — Пропустите-ка меня, лорд Вулвертон. Долг любого порядочного человека — прийти на помощь соседу в тяжелый момент.

Эйдриан заколебался, бросил задумчивый взгляд на дом за своей спиной, отступил в сторону и пропустил сэра Хэмфри в дверь привратницкой. Тут Хлоя заметила, что выглядит Эйдриан совсем не так уверенно, как ей показалось, и желание вмешаться вспыхнуло в ней. Значит, поединок вовсе не закончен.

— Будьте осторожны, дядя Хэмфри! — воскликнула Хлоя и обратилась к Эйдриану: — Я не вынесу, если что-нибудь случится с Домиником или дядей.

Несколько мгновений Эйдриан пристально смотрел на нее, затем сказал:

— Я пойду с вашим дядей, чтобы оберегать его. Боюсь только, Доминик мне этого не простит.

— Спасибо, — только и могла сказать Хлоя.

Она должна как-то проникнуть внутрь, чтобы быть рядом, если Доминику потребуется помощь.

Эйдриан коснулся ее запястья:

— Финли куда-то запропастился. Предполагалось, что он будет сторожить в привратницкой, но его так и не дождались. Когда я услышал, что кто-то подходит к воротам, подумал, что это он.

Она посмотрела Эйдриану прямо в лицо:

— Я постараюсь найти Финли.

— Доминик не хотел, чтобы вы подвергались опасности.

— Я тоже этого не хочу, — проговорил сэр Хэмфри. — Оставайся лучше в привратницкой.

— Со мной все будет хорошо. А вы делайте то, что вам велит долг.

Она должна быть рядом с Домиником. Большого желания оказаться лицом к лицу с сэром Эдгаром Хлоя, разумеется, не испытывала, но будь она проклята, если допустит, чтобы этот негодяй еще раз причинил зло тем, кого она любит. А Доминика она любит.

Хлоя направилась к дому, побежала по дорожке, поднялась на крыльцо и оказалась в темной, обшитой дубовыми панелями передней.

— Финли? — шепотом позвала она и круто повернулась при звуке скрипнувшей двери.

Никого.

Хлоя бесшумно подошла к незажженному камину и взяла с каминной решетки закопченную кочергу.

— Есть здесь кто-нибудь?

Не дождавшись ответа, Хлоя снова попятилась к центру передней и едва сдержала крик, наступив на что-то мягкое. Приглядевшись, Хлоя увидела, что это вязаная шапочка. Она лежала в лужице крови.

Шапочка принадлежала Финли, егерю. Что с ним случилось? Он попытался помочь Доминику — и?..

Тут Хлоя наткнулась на пса, обнюхивавшего ковер. Он оказался весьма кстати.

— Пойдем, Арес. Сейчас будешь отрабатывать скормленные тебе сосиски. Помогите мне

найти Доминика и Финли!

Пес повел ее по коридору, повернул за угол, и они оказались у входа в библиотеку. Хлоя подумала, что в доме могло быть гораздо больше тайных укрытий, чем ей показал Доминик.

Дверь в библиотеку была приоткрыта. Оттуда доносился запах старых кожаных переплетов. Внутри царил полумрак — тяжелые шторы на окнах не пропускали дневного света.

На полу разбросаны бумаги и перевернуто кресло.

— Доминик? — тихонько произнесла она.

Тишина. Хлоя огляделась вокруг.

— Финли! — сделала она еще одну попытку.

Арес уткнул нос в ковер, взял след.

— Ищи, ищи их! — Хлоя изо всех сил сжимала кочергу рукой, затянутой в перчатку.

Пес прошел мимо камина, даже не взглянув на него, подошел к угловому книжному шкафу — и исчез.

На месте одной из стенных панелей зияло отверстие, где исчез Арес. Хлоя последовала за псом.

— Доминик? — прошептала она, вглядываясь в темноту.

Кто-то схватил ее за лодыжку. Хлоя вскрикнула. Она бы упала, но наткнулась плечом на балку и только поэтому сохранила равновесие.

Арес жалобно заскулил. В следующее мгновение Хлоя услышала стон. Она опустилась на колени и вытащила кляп изо рта Финли. Это был он.

— Финли, — в ужасе прошептала она, когда егерь повернулся к ней.

Все его лицо было в синяках.

— Что случилось? Где лорд Стрэтфилд?

— Я связан по рукам и ногам. Мой нож валяется вон там в углу. Разрежьте веревки. Сэр Эдгар застал меня врасплох.

Хлоя принялась шарить в поисках ножа.

— Где лорд Стрэтфилд? — спросила она.

— В подzemелье контрабандистов. Развяжите меня побыстрее. Лорд Стрэтфилд наверняка нуждается в помощи.

Дядя и племянник ходили кругами в крошечной тьме, полагаясь только на интуицию, выучку и инстинкт самосохранения. Более десяти лет минуло с тех пор, как они в последний раз сражались на шпагах, а иногда, чтобы поразвлечься, гоняли по улицам Сохо головорезов. В те времена Доминик из кожи вон лез, стремясь произвести на дядю впечатление усвоенными приемами, в надежде заслужить похвалу.

Но теперь он сражался с единственной целью: отомстить тому, кем некогда восхищался. За предательство и покушение на его жизнь.

Доминик скорее ощутил, чем заметил момент, когда дядя стал уставать. Когда сэр Эдгар сделал выпад, названный «завершающим ударом», Доминик ловко увернулся вправо.

— Неплохо, Доминик, — проговорил сэр Эдгар. — Но неужели это все, на что ты способен?

Неожиданно он полоснул Доминика по горлу. И если бы не пышное жабо разбойничьего маскарадного костюма, рана оказалась бы намного глубже.

Неожиданное препятствие в виде жабо привело сэра Эдгара в замешательство. Это дало Доминику возможность собраться с силами для решительного выпада.

Сэр Эдгар понял, что побежден.

— Ты всегда был моим любимым учеником, — проговорил он, прерывисто дыша.

— Благодаря вашей любви мне пришлось пройти через все круги ада.

Доминик выставил левую ногу вперед и нанес удар. Лезвие шпаги прорвало кожу, прорезало ткань мышцы и сухожилия плеча сэра Эдгара. Доминик отступил. По лбу его катился пот, заливая глаза. Он опустил руку.

— Это за Сэмюела. За Брэндона. Дальнейшую вашу судьбу будет решать суд. Вам придется ответить за все совершенные вами преступления. Радуйтесь, что я вас не убил. Я подумывал о такой возможности.

Доминик стоял совершенно неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее, он собирался убить сэра Эдгара, но в последний момент что-то остановило его — последняя крупинка человечности, оставшаяся в его душе.

Тут он услышал какой-то тихий непонятный звук, какое-то шевеление тяжелых половиц над головой. Сэр Эдгар уронил свою шпагу, попятился и рухнул прямо в костлявые объятия прикованного к стене скелета. Одна из цепей оторвалась.

Доминик зажег свечу и равнодушно посмотрел на представшее его взору жуткое зрелище: сэр Эдгар, стоящий на коленях в грязи, прижимающий к себе истлевший остов. Ничего, кроме отвращения, Доминик не испытывал. Он отомстил и теперь чувствовал себя опустошенным. Скорее бы уйти отсюда.

Доминик повернулся к лестнице, но странный звук, который он услышал, когда сэр Эдгар нечаянно освободил скелет из цепей, повторился, заставив его обернуться.

Внутри стены разматывалась цепь какого-то механизма. Ржавые петли заскрипели, что-то щелкнуло.

— Ловушка, — прошептал Доминик, в ужасе глядя на камни, посыпавшиеся на сэра Эдгара.

Облака цементной пыли заполнили подземелье, и Доминик побежал прочь, опасаясь, как бы от удара не рухнул весь свод.

Пыль осела, покрыв все подземелье, словно саваном. Балки, поддерживающие остальную часть свода, устояли.

Сэр Эдгар лежал на полу, раздавленный грудой камней. На последней ступеньке Доминик отвесил прощальный поклон своему молчаливому товарищу по заключению, Сиятельному Скелету:

— Что ж, дружище, мы с тобой теперь оба свободны. Но мне не хотелось бы оставить тебя в столь нелепом положении. Мы с тобой столько раз беседовали по душам. Ты заслужил пристойные похороны хотя бы потому, что терпеливо выслушивал историю моих бедствий. К тому же я обещал тебе это.

— Я иду! — Луч света ворвался в мрак подземелья.

Финли стоял в узкой щели в стене, с радостной улыбкой глядя на засыпанного цементной пылью хозяина.

— Похоже, милорд, у вас тут тушка, которую надо бы унести.

Доминик с благодарностью глянул на побитое лицо верного егеря.

— Финли! Ты появился весьма кстати. Пожалуйста, бережно обращайся со скелетом. Ладно? Бедняга достаточно настрадался при жизни. Что же до моего дяди, то он больше никому не причинит зла.

Хлоя с Финли только успели покинуть библиотеку, когда глухой рокочущий звук раздался где-то внутри стен дома. Казалось, это стонет дом, предупреждая их о том, что силы ада вырвались на свободу. Сердце у Хлои замерло. Она помчалась вверх по лестнице, ведущей на длинную галерею. Финли не отставал от нее, Арес бежал рядом.

Но они были уже не одни в поместье.

Стучали колеса бричек, въезжающих в ворота, — прислуга Стрэтфилд-Холла возвращалась из церкви. Через несколько мгновений слуги войдут в дом и приступят к исполнению своих обязанностей. Домоправительница наденет передник и отправится к сэру Эдгару узнать, куда подавать ленч — в столовую или в кабинет.

Впрочем, не исключено, что царствованию сэра Эдгара в доме Доминика уже наступил конец.

Когда Хлоя добежала до последней ступеньки, солнечный светлился в большие окна галереи. Но царившая здесь тишина казалась зловещей. Потайная дверь в подzemелье была распахнута настежь и зияла чернотой.

Хлоя ринулась к двери.

Позади нее вся вышколенная прислуга Стрэтфилд-Холла, сразу заметившая, что в доме что-то не так, бежала вверх по лестнице. Неужели таинственный убийца снова нанес удар? В противном случае дверь привратницкой не была бы распахнута.

Неужели новый хозяин зарезан в той же постели, что и предыдущий? Дворецкий и старший лакей бежали впереди. Горничные бежали в арьергарде, держа на изготовку метелки и швабры. Но тут раздался властный голос леди Дьюхерст.

В шляпе с перьями и в шитой бисером пелерине, тетя Гвендолин протиснулась сквозь толпу слуг и направилась прямо к Хлое. Памела, запыхавшаяся от бега, едва поспежала за матерью. Рядом с Памелой рысью бежал предмет ее воздыханий, Чарлз. На лице его было написано изумление.

— Тетя Гвендолин! — воскликнула Хлоя. — Что вы здесь делаете?

Тетя Гвендолин вперила взор во тьму, царившую внутри открытого тайного хода.

— И тебе, и моему мужу я собираюсь задать один и тот же вопрос. Где этот негодяй?!

— Кого вы имеете в виду?

— Хватит изображать святую невинность, юная леди! Я не так уж глупа. Я спросила у Памелы, что именно от меня скрывают? И вот я здесь.

Хлоя беспомощно смотрела на Памелу, которая, как обычно, подавала кухне какие-то совершенно непонятные знаки из-за спины матери.

— Вы здесь потому, что я одолжила Памеле неприличный французский корсет?!

Тетя Гвендолин круто повернулась и окинула взглядом дочь:

— Какой еще корсет?

Памела недоуменно пожала плечами:

— Я вообще не понимаю, о чем речь.

Хлоя шагнула ко входу в подzemелье. Конечно же, Эйдриан, Финли и дядя не стали бы так долго задерживаться внизу, если бы с Домиником что-то случилось.

Разве что им пришлось перевязывать его раны или нести его тело. Или вступить в сражение с сэром Эдгаром. Хлоя представляла себе картины, одна страшнее другой. Но

гнала их прочь. Доминик несколько недель готовился к поединку. И конечно же, вышел из него победителем. К тому же он обещал ей вернуться. И не нарушит данного слова. Он чертовски целеустремленный парень, ее возлюбленный.

Хлоя замерла — из недр подземелья послышались тяжелые шаги. Она повернулась, не в силах отвести взгляд от того, кто появился из тьмы.

Хлоя не сразу узнала его.

Он весь, с головы до ног, был покрыт толстым слоем беловатой пыли. Точно призрак в саване! И густые черные волосы, и брови, и щеки. И плечи. И рукава рубашки от маскарадного костюма с кружевным жабо, и черные бриджи, и ботфорты.

Но это был он, целый и невредимый, и он шел прямо к ней.

— Боже всемогущий, смилуйся над нами! — завизжала одна из судомоек. — Это он. Стрэтфилдский Призрак!

Тетя Гвендолин обняла Памелу, и перья на ее шляпе задрожали. Хлоя выпустила из руки кочергу. На галерее воцарилась тишина. Все замерли. Хлоя расплылась в улыбке. Доминика и впрямь можно было принять за призрака.

Доминик, глядевший насмешливо, поймал наконец взгляд Хлои, и в глазах его вспыхнул огонь страсти. Она только сейчас осознала, что бежит ему навстречу. Он сдержал слово. Он вернулся. И мир вновь стал прекрасным. Но Хлоя тут же подумала, что ей придется расплачиваться за свои поступки.

Глядя на них, нетрудно догадаться, что они любовники. Легкомысленная барышня из Лондона вляпалась в новую скандальную историю и достойна осуждения. Что ж, справедливо.

Доминик и не думал скрывать их отношений. Он заключил ее в объятия. Она должна быть уверена, что он не нарушит слова. Выполнит свое обещание.

— Все кончено, — сказал Доминик, целуя ее. — Выходи за меня замуж, Хлоя Боскасл. Будь моей женой.

Леди Дьюхерст и Памела ахнули — дело принимало скандальный оборот. Прислуга Стрэтфилд-Холла, молча наблюдая за развитием событий, до сих пор не поняла, призрак перед ней или человек.

Для Доминика сейчас существовала только Хлоя. Она была для него источником силы, помогла сохранить рассудок. И выжить.

— Хлоя, — сказал он, взяв ее лицо в ладони.

Когда Финли рассказал ему, что это Хлоя нашла его связанным в библиотеке и освободила от пут, Доминик выразил восхищение ее сообразительностью и отвагой.

Доминик жалел лишь о том, что не встретил эту девушку много лет назад, когда мог произвести на ее семью значительно лучшее впечатление. Да, впереди предстояло совершить настоящий подвиг, завоевать доверие сплоченного клана Боскаслов.

— Доминик, — прошептала Хлоя, — ты заметил, что мы здесь не одни?

Он засмеялся, лукаво сверкнув глазами. Только сейчас Доминик осознал, в каком виде предстал перед изумленной толпой.

— Карсон, — обратился он к старшему лакею, — приготовь мне ванну и чистую одежду.

Ошеломленный лакей захлопал глазами:

— Но... но... но...

— Они все еще думают, что ты призрак, — шепнула Хлоя на ухо Доминику, с трудом

сдерживая смех.

— Полагаю, нельзя оставить их в этом заблуждении и убежать, ничего не объяснив.

Хлоя искоса посмотрела на тетю.

— Думаю, не стоит. А где мой дядя? И Эйдриан? — спросила она, поколебавшись.

Доминик снова обхватил ее лицо ладонями, с нежностью вглядываясь в него. Ради этого момента он и жил — чтобы вернуться в мир людей, к этой упрямой девице, его возлюбленной. Радость и облегчение, которые он читал в ее глазах, были для него самой желанной наградой и доказательством того, что страдал он не напрасно.

Теперь пришла пора защищать ее, ухаживать за ней, доказать ей, что он настоящий джентльмен.

— Хлоя, — заговорил он мягко, положив руки ей на плечи, — я мог бы целовать и целовать тебя до скончания века, но поскольку я больше не призрак, придется соблюдать приличия.

Хлоя вздохнула, когда Доминик разомкнул объятия.

Тетя Гвендолин с неодобрением поглядывала на него. В этот момент из тайного хода появились Эйдриан и сэр Хэмфри, отряхивая пыль и с живостью обсуждая — ну кто бы мог подумать! — политическую ситуацию в Китае. За ними следовал Финли, неся завернутый в плащ скелет, что повергло собравшихся в ужас.

Доминик подавил желание расхохотаться. Как он объяснит случившееся жителям деревни? Он прежде никогда не задумывался над этим. Легко себе представить, какие слухи поползут про Стрэтфилдского Призрака, его костлявого товарища по заключению и печально знаменитую барышню из Лондона.

— Прекрати, — прошептала Хлоя.

И закусила губу.

— Что прекратить?

— Прекрати улыбаться во весь рот.

— Я не улыбаюсь.

— Нет, улыбаешься.

— Я сдерживаю смех.

Тетя Гвендолин, оправившаяся от изумления, решительно подошла к Доминику:

— Что ж, милорд, наконец-то мы увидели вас, причем сейчас вы производите впечатление вполне земного существа, не то что во время нашей последней встречи.

— Поверьте, леди Дьюхерст, у меня была причина вести себя подобным образом.

— Эту причину вам придется объяснить.

Хлоя коснулась локтя тетки:

— Поверьте, тетя Гвендолин, мы не хотели вас обманывать.

— Обманывать меня? Что ты имеешь в виду?

Надо бы говорить потише, подумала Хлоя. Старший лакей уже настолько пришел в себя, что успел отправить большую часть прислуги заниматься делом, однако несколько человек все еще топтались на лестнице, в страхе поглядывая на скелет, который принес Финли.

— Я имею в виду, что мы с Доми..., то есть с лордом Стрэтфилдом, заставили вас поверить, будто вы и в самом деле повстречали призрака тогда ночью в саду.

— Заставили меня поверить в призрака? — фыркнула тетя. — Ошибаетесь.

— А чем я себя выдал? — с любопытством спросил Доминик.

Тетя Гвендолин прищурилась.

— По правде говоря, сначала я поверила. Но на следующее утро обнаружила чьи-то большие следы в моем садике с травами, возле грядки с мятой. Ни один человек в доме не посмел бы самовольно собирать мои травы. И тут, милорд, я вспомнила, что вы всегда любили сорвать листик мяты и жевать его.

Доминик еще шире улыбнулся.

— Я решила не выдавать вас, — продолжила тетя Гвендолин. — Хотя, знай я тогда, что вы крутите роман с моей племянницей, не дожидаться б вам такой снисходительности с моей стороны.

Доминик одарил тетю чарующей улыбкой:

— Значит, вы простили мне эту маленькую проделку?

— Пока я ничего вам не простила. Мне предстоит разобраться в том, что именно я должна прощать. Но если даже я прощу, это не избавит вас от необходимости нести ответ перед семьей Хлои. Судя по тому, как на глазах у всех вы целовались с моей племянницей, им есть что прощать.

— О Боже, — проговорила Хлоя.

Она догадывалась, как отнесется к тому, что произошло, ее семья.

Доминик перестал улыбаться.

— Мадам, я не совсем понял, что вы сейчас сказали, но чувствую, что меня ждут большие неприятности.

Леди Дьюхерст вперила суровый взгляд в племянницу:

— Этот вопрос при посторонних не обсуждается. А сейчас, Хлоя, ты отправишься вместе с нами домой, где мы с дядей решим, как с тобой поступить.

Доминик выпрямился, глаза его потемнели.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что судьбу этой молодой особы будет решать ее семья, — отрезала тетя Гвендолин.

— Мне бы хотелось, чтобы это решение распространялось и на меня, — заявил Доминик.

— А можно, я выскажу свое мнение? — сдерживая досаду, спросила Хлоя.

— При посторонних нельзя, — отрезала тетя Гвендолин.

— Прошу простить меня, мадам, но я немного одичал за время моего вынужденного уединения и забыл правила хорошего тона. Нет сомнений, что в делах подобного рода следует придерживаться определенных правил.

Каких именно, Доминик понятия не имел. Он никогда не влюблялся. Не сходил с ума от любви к светской барышне, да еще из благородного семейства, такого как семейство Боскаслов. Страшно подумать, каковы могут оказаться последствия. Однако Доминик не собирався ускользнуть от ответственности за совершенный поступок.

Он вернулся к прежней жизни, и теперь уже нельзя было залезать к Хлое в окно или утаскивать ее с бала, чтобы любить до беспамятства.

Как он сможет это выдержать?

Он и мысли не допускал, что придется расстаться хотя бы на день.

Уж очень не хотелось Доминику, чтобы семья Хтои навела справки о его прежнем поведении. Чего доброго, сочтут его неподходящим женихом для Хлои. А ведь она вполне могла от него забеременеть. И ему хотелось защищать и лелеять ее, начать их совместную жизнь.

Оставалось лишь надеяться, что он сыграет роль жениха столь же успешно, что и роль призрака.

Хлоя так обрадовалась, увидев Доминика целым и невредимым, что даже не возроптала, когда тетя Гвендолин поспешила увести их с Памелой с галереи. Она бросила прощальный взгляд на возлюбленного как раз в тот момент, когда он вместе с Финли укладывал Сиятельный Скелет на обюссонский ковер. Ну кто, кроме человека, мертвого в глазах света, сумел бы завязать дружбу с останками другого, погибшего такой страшной смертью?

Вообще-то зрелище было пикантное и нелепое: Доминик, почтительно укладывающий скелет на ковре, — но тут он поднялся и подмигнул Хлое. И Хлоя, и Памела тут же принялись хихикать, может, и правда слегка некстати, но это дало тете Гвендолин основания предположить, что хихиканье их было происхождения истерического и спровоцировано видом закутанного в плащ скелета.

— Что за ужасное зрелище! Да еще в воскресное утро! — воскликнула тетя Гвендолин. — В мое время невозможно было даже вообразить нечто подобное.

Хлоя и Памела, спускавшиеся с лестницы, переглянулись. Хлоя, например, могла бы возразить, что сама тетя жаждала встретиться лицом к лицу с ужаснейшим привидением, и когда встретилась, даже глазом не моргнула. Видимо, кровь упрямых и отважных Боскаслов текла во всех отпрысках, как мужского, так и женского пола, в молодых и старых.

— Спасибо, тетя Гвендолин! — вырвалось у Хлои, когда они подошли к карете, ожидавшей у крыльца. Только сейчас она заметила, каким прекрасным было поместье Доминика при солнечном свете. Сад, полный уютных беседок и журчащих фонтанов, тенистые аллеи и даже лабиринт, где дети могли играть.

— За что спасибо? — с подозрением спросила тетя Гвендолин, вернув на место съехавшую набок шляпу.

— За ваше гостеприимство, за то, что вы пригласили меня погостить, дав мне шанс исправиться.

Тетя Гвендолин фыркнула:

— Прекрати, Хлоя. Я не так глупа, как полагаете ты и твой дядя. Ты не только не исправилась, но стала еще хуже, связавшись с этим дьяволом Стрэтфилдом.

— Вы сердитесь на меня, тетя Гвендолин? — осведомилась Хлоя с невинным видом.

Тетя Гвендолин нахмурилась.

— Пусть на тебя сердятся твои братья, которые вряд ли станут поддерживать со мной отношения после того, что произошло в моем доме.

Памела бросила на Хлою сочувственный взгляд и робко предложила:

— А может, не надо им ничего рассказывать?

— Это неизбежно, — мрачно ответила мать.

Хлоя тоже так полагала. Все очень скоро узнают, что Доминик не умирал, а также о том, какую роль сыграла Хлоя в этой истории. Разумеется, сплетен не избежать.

Полной неожиданностью для Хлои было появление ее брата Хита в тетиной гостиной.

Как она сразу не догадалась, что пожаловал один из ее братьев — все горничные собрались возле гостиной, делая вид, будто наводят чистоту вокруг ее брата, погрузившегося в чтение газеты. Хлоя не могла их винить. Хит — привлекательный мужчина: мускулистый, элегантный, безусловно вежливый. Чеканные черты лица, густые ресницы, осенявшие синие глаза, не оставляли женщин равнодушными.

Но для Хлои он был просто Хит, член семьи, для нее строгий судья, даже целый суд

присяжных.

— Хлоя! — Хит отложил газету, поднялся с кресла и, сцепив за спиной руки, посмотрел на сестру.

Сердце у Хлои отчаянно забилося. Хит уже знает? Что именно? Сердится? По его виду трудно было что-нибудь определить. Кто-то из старшего командного состава сказал, что Хита хоть на горячие уголья ставь, ни единый мускул не дрогнет у него на лице. Хита ведь и правда пытали, когда он попал к французам в плен.

— Какой сюрприз, Хит!

— В последнее время сюрпризы вошли в моду. — Он повернулся и, улыбнувшись стайке горничных, сказал: — Ваше усердие выше всех похвал, но не могли бы вы заняться уборкой немного погодя? Мне нужно переговорить с леди Хлоей наедине.

Горничные вышли.

— Что еще за сюрпризы? — спросила Хлоя, твердо решив не сдаваться без боя.

— Я все знаю, Хлоя.

— Ты знаешь...

Он жестом указал ей на диван.

— Расскажи мне, как это произошло. — Хит произнес это таким спокойным тоном, что Хлое захотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжелым.

— Хит что ты имеешь в виду?

Хит улыбнулся:

— Ах да, забыл упомянуть, что только что беседовал с одним моим хорошим другом, лордом Вулвертоном. Вы, кажется, знакомы. Вот он и просветил меня.

— Насколько мне известно, он очень любит Доминика.

Хит широко улыбнулся:

— О да. Кто же из нас не любит старину Доминика? Нашего дорогого друга, воскресшего из мертвых. Так расскажи, как это произошло? — Хит откинулся в кресле. — Присядь, Хлоя, и объясни мне все.

— Я приехала в деревню. Влюбилась в виконта и собираюсь выйти за него замуж. Если только Грейсон не сошлет меня еще куда-нибудь или не спугнет моего жениха. Вот, пожалуй, и все.

— Не все. Разве он не пробирался тайком к тебе в спальню? А еще ты забыла, что таинственный мужчина в маске увел тебя с бала, ты долго не возвращалась. Завести роман, и с кем! С призраком! — Хит закатил глаза.

— Ну... — начала Хлоя.

Она никогда еще не видела Хита таким взволнованным. И это встревожило ее.

— Ты сильно все преувеличиваешь. На самом деле ничего ужасного не произошло.

— Как тебя угораздило вляпаться в такую историю, Хлоя? — спросил Хит, вскинув бровь. — Хуже не придумаешь. Ты ведь уже достаточно скомпрометирована.

— Ничего ужасного я не сделала.

— Я серьезно, Хлоя!

— А когда ты шутил!

— Как ты ухитрилась погубить себя столь бесповоротно за такой короткий промежуток времени?

Хлоя плюхнулась в кресло.

— Хорошо. Я расскажу все. Моим единственным проступком было оставить окно

открытым. Для Девона, чтобы он мог влезть в дом.

— И?

— И? Доминик влез вместо Девона.

— И?

— Мне стало его жаль.

— Тебе стало его жать, — медленно повторил Хит. — И это все?

— Гмм. Ну, может, еще кое-что по мелочи.

Хит снова закатил глаза:

— Боже всемогущий, дай мне сил. Теперь я понимаю, почему Грейсон постоянно жаловался до своей женитьбы. Наша семейка катится вниз. Ты, Девон, и неизвестно, какой сюрприз преподнесет Дрейк. Как далеко зашли ваши отношения со Стрэтфилдом?

— Не понимаю, о чем ты.

— Не притворяйся.

— Я действительно не понимаю.

— Возможно, на обратном пути в Лондон поймешь.

— Я не поеду в Лондон. Я нужна здесь. Я должна помочь тете Гвендолин собирать средства. У меня и платьев-то новых нет. — Почти все предлоги были исчерпаны. — Сезон в Лондоне закончится, пока я себе закажу новый гардероб.

— Дорогая моя, не исключено, что жизнь, которую ты привыкла вести, для тебя закончилась, — сообщил Хит.

— Как следует понимать твой мерзкий тон?

— Тебя отослали в Чизлбери, чтобы оградить от искусов.

Дверь приоткрылась, в щель просунулся нос Ареса. Он зашел, виляя хвостом, звать Хлою на прогулку.

— И оградили. «Заживо похороненная в Чизлбери». Все мои подруги так считают.

— Хлоя, прекрати!

Хит подался всем телом вперед. И стал наблюдать за псом, который, переваливаясь с боку на бок, вошел в гостиную и сел у ног Хлои.

— Я занял нейтральную позицию, когда решался вопрос о твоём изгнании. Полагал, ты всерьез решила исправиться.

— Так и было, Хит. Честное слово, я ничего плохого не сделала!

— Значит, во всем виноват Стрэтфилд? Может, вызвать его на дуэль? Друг он мне или нет, но если бесчестно обошелся с моей сестрой, должен заплатить за это.

Хлоя опустила на колени и прижала Ареса к себе.

Может, Доминик согласится бежать с ней и обвенчаться тайно, дабы избежать необходимости объясняться с ее семьей.

— Хит, мне хотелось бы задержаться здесь хотя бы на неделю, чтобы нанести прощальные визиты всем, с кем успела подружиться.

— Об этом не может быть и речи, — заявил Хит.

— Почему?

— Потому что за неделю ты вляпаешься еще в какой-нибудь скандал.

— Это невозможно.

— Для тебя возможно. — Он помолчал и сменил тему: — Хлоя, этот пес чудовищно раскормлен. Его надо посадить на диету и почаще водить на прогулки.

— Мне надо собрать вещи, — прошептала Хлоя.

— Твои вещи уже пакуют. Карета за нами прибудет завтра.

Хлоя встала и подбоченилась.

— Я не могу уехать, не сообщив Доминику об этом и не оставив адреса.

— Доминик — взрослый мужчина, он знает, как наносить визиты. И если он захочет тебя найти, то найдет. Я сообщу ему о нашем решении.

— Эйдриан сказал тебе, что Доминик, рискуя жизнью, сражался с убийцей Брэндона и Сэмюела?

— Я бы помог ему. Любой из нас помог бы. Не стоило геройствовать в одиночку.

— Насколько я поняла, Доминик не сможет повидаться со мной без твоего разрешения?

— Совершенно верно, — подтвердил Хит. — Если ему плевать на мнение общества, то с мнением нашей семьи ему придется считаться.

Хлоя едва сдержала готовый вырваться стон.

— К твоему сведению, он уже сделал мне предложение, и я приняла его.

Хит откинулся в кресле.

— Очень мило с твоей стороны, Хлоя. А теперь посмотрим, примет ли Доминика твою семью.

Свою последнюю ночь в Чизлбери Хлоя провела, сидя в пустой гардеробной, глядя из окна на поместье Доминика. Дом был празднично освещен. Гости приезжали и уезжали весь день, некоторые в шикарных каретах, некоторые верхом. Хлою мучил вопрос, была ли в числе гостей леди Терли и как отреагировал на бывшую любовницу Доминик.

Хлоя очень надеялась, что эта особа, стоит ей взглянуть на Сиятельный Скелет, вопя от ужаса, опрометью убежит в лес.

Комок земли ударился о раму окна. Хлоя вздрогнула, перегнулась через подоконник, оглядела сад.

— Доминик? — прошептала она.

— Нет. Это я, Джастин.

— Джастин? Что ты здесь делаешь? И как пробрался через кордон, выставленный Хитом?

— Один из слуг сжалился надо мной и провел окружной дорогой в сад. — Джастин шагнул в пятно лунного света. — Памела сообщила мне, что утром ты уезжаешь. Я хотел попросить у тебя прощения за то, что вел себя неподобающим образом.

Хлоя вздохнула. Джастин все так же мил, хотя ужасный надоеда.

— И ты прости меня, Джастин.

Джастин примолк. Видимо, не нашелся что еще сказать. Потом наконец спросил:

— А что ты будешь делать в Лондоне?

— Страдать и раскаиваться в своих прегрешениях.

— Я предложил бы тебе выйти за меня, но родители прочат мне другую невесту.

— А. — Хлоя надеялась, что в тоне ее было достаточно сожаления.

Зачем огорчать юнца, объяснять ему, что она не приняла бы его вымученного предложения, даже подай он его на серебряном подносе?

— Полагаю, мы оба со временем смиримся с судьбой.

Джастин испытал явное облегчение, и Хлоя едва сдержала смех.

— Да, наверное, через несколько лет, быть может.

Скорее, через несколько минут.

Джастин оглянулся через плечо на сияющее огнями поместье Стрэтфилд-Холл и сказал,

понижив голос:

— Сколько народу съехалось в Стрэтфилд — можно подумать, что это сам Господь восстал из мертвых. По-моему, он должен жениться на тебе, — помолчав, сказал Джастин.

— Он непременно женится, если мое кошмарное семейство опять не вмешается...

— Боюсь, твое кошмарное семейство непременно вмешается, — раздался голос Хита. — Лорд Сент-Джон, я брат Хлои. Не будете ли вы любезны немедленно удалиться?

Джастин залился румянцем.

— Ну разумеется, милорд. Я только хотел попроситься. Я с большим уважением отношусь к вашей семье. Я...

— Доброй ночи, лорд Сент-Джон, — перебил его Хит тоном, не терпящим возражений. — Как досадно, что нам не довелось повстречаться при более... подходящих обстоятельствах.

Хлоя забарабанила пальцами по подоконнику, глядя, как Джастин поспешно ретируется из сада, не переставая бормотать извинения. Итак, для нее снова началась жизнь, полная ограничений.

— Тоже мне, Джульетта! — фыркнул Хит, усмехнулся и добавил: — Советую поспать хоть немного. Завтра нам предстоит долгий путь.

Хлоя проснулась посреди ночи и обвела взглядом комнату. Все ее вещи уже были уложены в сундуки, за исключением дневника и корсета.

Корсет она оставила Памеле.

Хлоя зажгла свечу и открыла дневник на странице, заложенной алой ленточкой: здесь было прощальное письмо Брэндона, переписанное ею с оригинала. В последние дни ей так и не удалось сосредоточиться на шифре.

И сейчас, в ночной тишине, на нее нашло вдохновение. Она взяла перо и принялась писать.

...и в заключение скажу, что я довольно имею веры в тебя, чтобы не сомневаться, что ты сделаешь то, что должно. Милостью Господней оба мы будем среди живых, когда это письмо дойдет до тебя. В этой жестокой и прекрасной стране смерть подступает так же стремительно, как ночь. Как бы то ни было, я надеюсь, что твое хитроумие спасет тебя, потому как он замыслил тебя убить, но когда и как, мне неизвестно. Воспользуйся сведениями, изложенными выше.

Брэндон.

Хлоя закрыла дневник. К горлу подступил ком. Ей казалось, что она слышит голос Брэндона. В этом письме дух ее брата ощущался так же сильно, как в жизни.

— Это было предупреждение, Брэндон, — прошептала она. — Боюсь, оно опоздало.

На следующее утро она проснулась рано, оделась и вышла из комнаты с письмом в руке. Хита она нашла в гостиной — он читал книгу о египетских безделках.

— Это копия, снятая с прощального письма Брэндона, которое нашли зашитым в поле его мундира. Оригинал шифровки находится у Доминика.

Хит нахмурился, пробежал глазами письмо.

— Это ты расшифровала?

— Да.

— Доминику известно содержание письма?

Хлоя покачала головой.

— Надо показать ему письмо, прежде чем мы уедем.

— Я перешлю ему письмо немедленно. С нарочным, Хлоя.

— Тиран. — Она смотрела, как брат складывает письмо и кладет в карман. — Что ты об этом думаешь?

— Я предпочел бы сначала увидеть все остальное, а уж потом высказывать свое мнение.

Доминик на следующее утро поднялся рано, так как необходимо было написать несколько очень важных писем — поверенным и знакомым в Лондон. Сэр Эдгар уже успел распорядиться изрядной частью состояния Доминика: заказал новую мебель для дома, все необходимое для своей сахарной плантации в Антигуа и поместий в Индии. Несладко придется поверенному Доминика, когда он примется расхлебывать эту кашу.

Однако деловые проблемы заботили его меньше всего. После завтрака он намеревался отправиться в поместье Дьюхерст-Мэнор и нанести визит Хлое. Проникнуть к ней не через окно ее спальни, а пройти в дом через парадный вход. Он надеялся увидеть ее еще накануне, но в дом нагрянула визитеры с поздравлениями, и прием затянулся до ночи.

Доминик надеялся, что Хлоя не планирует пышной свадьбы. Ему осточертело томиться в ожидании желаемого — а он страстно желал ее. Придется еще убеждать ее семью в том, что он вполне достойный жених, но это позднее.

Доминик положил перо, когда на пороге появился старший лакей.

— Я послал записку в Дьюхерст-Мэнор, как вы приказывали, милорд, но сэр Хэмфри сказал нарочному, что молодой леди нет.

Доминик чуть не выскочил из кресла, темные брови его грозно сдвинулись.

— Как нет? Где она? Пошла в деревню, что ли? Или па прогулку отправилась?

— Кажется, молодую леди увезли в Лондон, милорд.

— В Лондон? И она ничего мне не передала?

— Насколько мне известно, нет. А вот ее брат оставил для вас письмо, которое мне приказано вручить вам лично. — И лакей — протянул Доминику запечатанный конверт. — Мне подождать, пока вы напишете ответ?

— Нет. Ступай.

Мучимый недобрым предчувствием, Доминик вскрыл конверт.

Доминик,

В последний раз я видел тебя на твоих похоронах. Поздравляю тебя с воскрешением из мертвых. Весьма прискорбно, что ты соблазнил мою сестру. Встретимся у меня дома. Тебе придется принять мои условия.

В конверте найдешь прощальное письмо Брэндона, которое расшифровала моя сестра. Наделали вы с ней шуму в тихом Чизлбери.

Надеюсь, у тебя в запасе не осталось больше сюрпризов.

Х.

С печальной улыбкой Доминик достал из конверта и прочел расшифровку. Это явно было предупреждение. Но кому? Сэмюелу или кому-то другому?

Поскольку сэр Эдгар мертв, это не имеет значения. Сейчас Доминик должен сломя голову мчаться в Лондон, где решится его судьба.

К немалому своему удивлению, Доминик без всякого труда вновь вошел в роль джентльмена и чувствовал себя весьма комфортно. Привычный порядок вещей радовал своей предсказуемостью. Хотя по своей сути Доминик навсегда останется мятежником, предпочитавшим общество двух-трех настоящих друзей шумному балу. К счастью, модники и модницы большого света еще не знали, что Доминик воскрес из мертвых.

Но поскольку волею судьбы он оказался в Лондоне, стоило пустить в ход свои

аристократические замашки. Не так-то просто произвести впечатление на семейство Боскаслов. Поймут ли они принятое им решение провести некоторое время в подземном царстве мертвых или сочтут его умалишенным? Еще он должен будет объяснить, как Хлоя помогла ему спастись. Ее братья должны знать правду, и Доминик не собирается им лгать.

Он надеялся, что ему удастся направить внимание клана Боскаслов на их с Хлоей будущее и отвлечь от особо экстравагантной главы его прошлого.

Доминика провели по широким коридорам особняка его сиятельства маркиза Седжкрофта на Парк-лейн в личный кабинет хозяина. Грейсон Боскасл сидел за огромным письменным столом розового дерева спиной к двери. Он производил впечатление человека весьма общительного и не лишённого обаяния. Было в нем что-то от повесы, но после женитьбы на леди Джейн Уэлшем Грейсон избавился от этой склонности.

Едва Доминик шагнул через порог, Грейсон поднял голову. Откровенно враждебное выражение лица маркиза не предвещало ничего хорошего. Он выпрямился в кресле и в этот момент очень напомнил льва, готовящегося к прыжку.

— Стрэтфилд, — приветствовал маркиз гостя, остановив на нем ледяной взгляд голубых глаз.

— Как поживаешь, Седжкрофт?

— Гораздо лучше, чем ты, судя по всему.

Ага, подумал Доминик с мрачным юмором, заметив, что Хит и светловолосая сестрица Эмма сидят в парных креслах по обе стороны стола Грейсона. Так вот что имела в виду Хлоя, когда говорила про «испанскую инквизицию». Не хватало только орудий пытки. Ну и судилище! Да тут любой признается, что папу римского соблазнил!

— А где Дрейк с Девонем? — поинтересовался Доминик. — Устанавливают дыбу для меня или примеряют одеяния палачей?

— Они стоят на страже за дверью, — сухо ответил Грейсон, постукивая пальцами по столешнице.

— Чтобы никто из посторонних не вошел в пыточную или чтобы я не сбежал?

— И то и другое. Или то или другое.

Доминик чувствовал себя непринужденнее, чем ожидал. Видимо, он так закалился после поединка в подземелье, что теперь уже ничто не могло его напугать. А может, он желает Хлою так страстно, что ради нее готов на все. Даже на пытки.

— Леди Лайонс, полагаю, — сказал Доминик, отвешивая поклон Эмме. — Приятно познакомиться. — И повернулся к изящному темноволосому мужчине слева: — Как поживаешь, Хит?

Грейсон продолжал сверлить Доминика гневным взглядом; губы его сиятельства были плотно сжаты. Эмма, хрупкая блондинка с рыжинкой, откашлялась, поправила шаль, а затем вперила в Доминика такой пронзительный взгляд, что тот невольно поежился.

А Хит, его друг, теперь, видимо, уже бывший, смотрел на него спокойно, но ощущение было такое, что он заглядывает Доминику в самую душу.

— Хит, — повторил Доминик, нарушив молчание, которое тоже было своего рода пыткой, — давненько мы с тобой не виделись.

Хит поднял бровь:

— Давненько. Ты зажил такой активной жизнью с недавних пор. То тебя в постели зарезали, то ты явился в виде призрака в собственном доме, не говоря уже о твоём исполненном драматизма воскрешении из мертвых...

— И обольщению нашей сестры, — добавил Грейсон, которому надоело выслушивать комментарии Хита.

— Не стоит забывать, — сказала Эмма, — что на счету Доминика также победа над убийцей Брэндона и Сэмюела. Юноши пожертвовали своими жизнями, чтобы поймать изменника. Доминик рискнул своей, чтобы закончить начатое ими.

— Спасибо, Эмма, — негромко произнес Хит. — Учитывая твоё замечание, Доминик предстает уже не обычным повесой и негодяем, верно? Доминик, я пояснил все обстоятельства смерти Брэндона членам семьи. Объяснить, какую роль ты и Хлоя сыграли в этой истории, оказалось делом нелегким.

Воцарилось молчание. Часы в деревянном футляре на львиных лапах пробили час. Грейсон отвел глаза. Только Хит продолжал спокойно смотреть Доминику в лицо.

— Ты мог бы задействовать нас, — тихо проговорил Грейсон. — Мы помогли бы.

— Не втягивая в историю Хлою, — добавила Эмма. — Господи, а если бы с ней случилось что-нибудь ужасное? Если бы этот полоумный валлиец поднял на неё руку, улучив момент, когда рядом с ней никого не было.

Глаза у Доминика засверкали. Да как они смеют! Знали бы они, как бдительно, с почти маниакальным упорством, Доминик с Эйдрианом следили за каждым шагом Хлои. И если бы хоть на мгновение Доминик заподозрил, что сэр Эдгар намерен причинить ей зло, он бы немедленно открылся и закончил свою игру. К счастью, Хлоя чувствовала опасность и никогда не рисковала, чем очень помогала Доминику.

— Я ни за что не подверг бы Хлою опасности. И не собирался втягивать её в свои дела. Но после того как повстречал её... — Он пожал плечами.

Кажется, в глазах Хита он заметил искру сочувствия. Ну как объяснить им, что он просто не мог устоять перед Хлоей. В те дни, в самом начале, он был наполовину зверем, и в душе его жили только жажда мести и инстинкт самосохранения. Не повстречай он тогда Хлою, никогда не выбрался бы из бездны боли и отчаяния. Как можно вменить ей в вину, что она помогла ему стать прежним? Сама мысль об этом была невыносима.

— Не знаю, как это получилось. Но я готов нести ответственность за все. Хлоя ничего плохого не делала.

Грейсон фыркнул:

— Ну да, конечно! Послушай, Стрэтфилд, Хлою отправили в Чизлбери, чтобы она исправилась. Но вы вдвоем сумели в этой деревенской глуши устроить такой скандал, в сравнении с которым её прежнее прегрешение кажется невинной шалостью. Подумаешь, целовалась за каретой с каким-то бароном.

— Так, может, суть в том, что не следовало её наказывать за прежнее прегрешение? — заметил Хит.

В этот момент в кабинет вошла супруга Грейсона, Джейн, она же сиятельная маркиза Седжкрофт. Её русые волосы были стянуты в причёску и локонами спускались к плечам, обрамляя лицо.

— Это заговорщицкое собрание является закрытым, или кто угодно может к вам присоединиться?

— Входи, входи, Джейн, — отозвался Хит.

Он поднялся, приветствуя невестку.

Джейн тепло улыбнулась Доминику, и сказала:

— Предупреждаю. Я буду на стороне Хлои.

— Даже не узнав сути дела? — возмутился супруг.

— Именно, — спокойно ответила Джейн. — Я поддерживаю ее, исходя лишь из общих положений. — Она бросила сердитый взгляд в сторону супруга: — А также основываясь на личном опыте: я на себе испытала, как старшие в этой семье используют окольные пути. В частности ты, Грейсон!

— Моя нежная супруга собирается выступить адвокатом дьявола, — сообщил Грейсон, весь лучась радостью и восхищением.

— Должен же кто-то привнести идею честной игры в эту семью, — сказала Джейн.

— Я всегда играю честно, — заметил Хит со смехом.

Эмма глянула на брата:

— И в любви, и на войне?

— Да, Хит, по-моему, ты ни разу не был влюблен, — мимоходом заметил Грейсон. — Не так ли. Хит?

Хит загадочно улыбнулся:

— Моя личная жизнь не имеет отношения к делу, ради которого мы собрались. Присядь, Доминик. Какой смысл оставаться на ногах, делая вид, будто мы грозим тебе физической расправой?

— А разве это не так? — мрачно осведомился Грейсон.

Джейн приблизилась к столу, за которым сидел муж.

— Разумеется, нет. Доминик любит Хлою, а Хлоя — его. К тому же, насколько я понимаю, отношения их зашли настолько далеко, что ты ничего не можешь с этим поделать. — Она бросила взгляд на Доминика: — Верно, Доминик?

Доминик улыбнулся маркизе:

— Вы читаете в моем сердце, леди Седжкрофт.

Грейсон скорчил гримасу:

— Тебе так повезло потому, что я не вырезал у него из груди сердце. Да сядь же ты к столу, Стрэтфилд, налей себе выпить. Через час придет мой секретарь с контрактом. Хит хотел обсудить с тобой кое-какие детали касательно покойного сэра Эдгара.

У Доминика словно гора свалилась с плеч. Но садиться к столу ему не хотелось. Скорей бы увидеть Хлою. И увезти ее в свой лондонский дом — не такой шикарный, как этот, зато куда более уютный. Тревога, которая снедала его за любимую во время поединка, прошла, но волнение не улеглось. Теперь, видимо, он всегда будет держать ее в поле зрения. Страхи, одолевавшие его во время загробного затворничества, останутся на всю жизнь.

Доминик очень изменился под влиянием всех этих событий. Хотелось надеяться, что в лучшую сторону. Брак с Хлоей благотворно отразится на нем. Но где же она? Может, ее наказали? Застыдили? И она чувствует себя виноватой? Сожалеет о том, что произошло между ними? Доминик посмотрел на высокий потолок с лепниной. Зная Хлою, нетрудно было догадаться, что она скорее всего подслушивает их разговор, прижав ухо к полу.

Доминик улыбнулся, подумав об этом.

— Где она? — спросил он Грейсона.

— Отдыхает у себя в комнате, — ответил маркиз.

— Когда я смогу ее увидеть?

Грейсон пожал плечами:

— Как только подпишем контракт. Вас все равно не остановить.

Хлоя, не раздеваясь, задремала на кровати. Прошлой ночью она так и не смогла уснуть. Не теряла надежды, что Доминик в последний момент придумает что-нибудь, найдет способ не объясняться с ее семьей.

На рассвете она выбралась из кровати, свернулась калачиком в кресле и стала прислушиваться к звукам пробуждающегося Лондона. Телеги и наемные кареты грохотали колесами по бульжной мостовой, уличные торговцы болтали, расставляя свой товар, купцы перекликались друг с другом. Что может быть прекраснее этих звуков? Однако Хлоя, к немалому ее удивлению, скучала по деревенской жизни.

Хлоя оделась. Горничная принесла ей чай и целую грудку писем от старых друзей и поклонников. Она начала их просматривать и не заметила, как уснула. Примерно через час открыла глаза и увидела сидевших у ее постели Хита, Дрейка, Девона и Грейсона. Братья терпеливо ожидали ее пробуждения.

Хлоя села, прислонившись к подушкам, и переводила взгляд с одного на другого.

— «Вот моя кровать о четырех столбах. Вот четыре беса у меня в головах».

Хит засмеялся:

— Бесы, которые любят тебя, следовало бы добавить.

— И вот этот конкретный бес очень огорчен, что ты перестала ему доверять, — мягко произнес Девон.

Хлоя уткнулась лицом в подушку.

— Бесы или ангелы, не все ли равно? Вас было пятеро.

Она имела в виду Брэндона, юного искателя приключений, которого оставалось только оплакивать. Семья гордилась мужеством Брэндона. Теперь они знали, при каких обстоятельствах погиб юноша. И кто в этом виноват. Вчера ночью они все вместе обсудили зашифрованное послание Брэндона и его миссию, которой он был до конца предан, и поклялись, что подвиг его никогда не будет забыт.

— Я хочу вернуться в Чизлбери, — сказала Хлоя.

Дрейк покачал головой:

— Чизлбери никогда уже не будет прежним. Газеты успели раструбить об этой истории.

— Я тоже никогда не буду прежней, — сказала Хлоя и спросила: — Доминик еще не приехал?

— Думаю, — осторожно заговорил Грейсон, — тебе не стоит встречаться с ним в ближайший месяц или... — он осекся на полуслове, увидев выражение ужаса в глазах сестры, — или стоит. Я и не подозревал, что ты так сильно влюбилась.

— Разве страстная любовь не фамильная черта? — с вызовом произнесла Хлоя.

Грейсон покачал головой:

— Не стану отрицать, что фамильная. Но не думаешь ли ты, что тебе следовало бы прислушиваться к нашим советам?

— В прошлом тебе уже случалось делать довольно неудачный выбор, — добавил Дрейк, весело блестя глазами.

— Ну да, в самый первый раз она влюбилась, помнится, в старшего лакея, — сообщил Девон. — Стоило бедняге взяться за чистку столового серебра, к примеру, как Хлоя тут же цеплялась за его штаны.

— Эмма хотела бы, чтобы ты вышла в сад, где тебя будет ждать один из самых пылких твоих поклонников, — снова заговорил Грейсон. — Это...

Хлоя села в постели.

— Ни за что на свете. Никаких поклонников, — перебила его Хлоя.

— Это старый друг семьи, — договорил Грейсон. — Мы знаем, что тебе больше по нраву душка Стрэтфилдский Призрак, но этот человек...

— Старик. — Снова перебила его Хлоя. — Вы хотите выдать меня за старую развалину.

Дрейк ухмыльнулся:

— Древний старик.

— Точь-в-точь египетская мумия, — добавил Девон с ехидной ухмылкой. — Все свои жизненно важные органы носит в баночке.

Хлоя хмуро уставилась на ухмыляющихся братьев:

— А какого цвета у него глаза?

Хит передернул плечами:

— Затрудняюсь сказать, за толстыми линзами очков глаз не видно.

— Зато у него есть все зубы, — заметил Грейсон.

Дрейк кивнул:

— Точно, зубы у него есть. Он жаловался, что их изготовление встало ему в копейку.

— Ну что, Хлоя, ты готова к встрече? — спросила появившаяся в дверях Джейн.

Хлоя поднялась с кровати.

— Ты не сможешь мне уложить багаж, Джейн? Я собираюсь бежать отсюда. Адрес свой сообщу. Если Доминик сочтет нужным меня искать, я согласна немного повременить, подожду, пока он за мной заедет.

Джейн быстро вошла в комнату. Ее ничуть не смутили находившиеся там ухмылявшиеся мужчины, в том числе и ее супруг.

— О чем она говорит?! — с гневом спросила Джейн. — Что тут произошло?

— Объявился пожилой поклонник в саду, — сообщил Дрейк с притворной серьезностью.

— Какой еще пожилой поклонник? — спросила озадаченная Джейн.

— Тот, которому я помог расположиться на садовой скамейке. — Грейсон подмигнул жене. — Чью руку пожал после подписания брачного контракта.

Джейн в недоумении уставилась на мужа.

— Ах, Грейсон! Когда наконец ты перестанешь вести себя как ребенок!

Джейн взяла Хлою за руку.

— Помнишь, как все случилось в Брайтоне?

— Когда мой чудовищно безнравственный братец Грейсон решил пошутить и заявил, что собирается сделать тебя своей любовницей? Конечно, помню! Такое разве забудешь!

— Зато ты не побоялась пойти против семьи и сказала мне правду.

Хлоя вздохнула.

— И сейчас я хочу отплатить тебе добром за добро. Нет никакого пожилого жениха, поджидающего тебя в саду. Там твой Доминик.

— Доминик? В саду? — Хлоя подбежала к окну и отдернула тяжелую штору. — Там никого нет. Он жив? — Хлоя повернулась к братьям: — Что вы с ним сделали?

Хит поднялся с кресла.

— Скажем так — он больше не причинит неприятностей нашей семье.

— Хватит и тех, которые ты нам устроила, — без обиняков заявил Грейсон. — Мы сыты по горло.

На губах Хлои появилась торжествующая улыбка. Ее Доминик здесь, внизу! Она едва не зарыдала от счастья.

— Кто бы говорил! — бросила она братьям.

Быстро оглядела себя в зеркале и надела туфли. Она чувствовала себя слишком счастливой, чтобы беспокоиться о том, что подумают братья, и слишком была занята мыслями о Доминике, чтобы сердиться на них за глупый розыгрыш. Братья на то и братья, чтобы дразнить ее. Бедняга Доминик! Теперь и он вкусил мучений, которые она вынуждена была терпеть долгие годы.

Она остановилась в дверях, порывисто обняла Джейн. И вдруг спросила:

— Кажется, кто-то говорил о брачном контракте?

— Не знаю, — ответил Хит. — Что-то не припомню.

— Ты иди, иди, — подтолкнула ее Джейн.

Девон крикнул вслед Хлое:

— По крайней мере мы его не спугнули. Это хороший знак!

Хлоя заливисто рассмеялась, подхватила подол своего шелкового персикового платья и помчалась вниз по лестнице.

На полпути ей встретилась Эмма:

— Боже правый, Хлоя! Не забывай о приличиях, будь добра. Симпатичный молодой человек, поджидающий тебя в саду, вряд ли желает быть сбитым с ног будущей женой.

Хлоя снова рассмеялась, никогда еще она не была так счастлива. Ей было плевать на приличия, однако она сказала:

— Буду вести себя, как подобает благовоспитанной леди!

При виде Доминика, который одиноко стоял в саду, дыхание у нее перехватило. Накрапывал легкий дождик, как это обычно бывает в Англии, россыпи мелких капель сверкали на его густых черных волосах, на плечах угольно-черного однобортного фрака. Доминик обернулся, заслышав ее шаги на гравийной дорожке.

На мгновение оба замерли. Хлоя невольно залюбовалась Домиником. Он выглядел превосходно во фраке, серых панталонах в обтяжку и черных ботфортах. Джентльмен с головы до ног! И все же в нем угадывался настоящий дикарь. Не всех своих демонов Доминику удалось усмирить окончательно.

Но именно в такого Доминика она влюбилась с первого взгляда в тот памятный дождливый день. И была уверена, что подобного ему нет в целом мире.

Помня о приличиях, Хлоя пыталась замедлить шаг, но не выдержала, побежала навстречу ему с распростертыми объятиями и залилась счастливым смехом, когда он поднял ее в воздух словно пушинку.

Он целовал ее лицо, шею, запустил пальцы в ее короткие темные кудри.

— Хлоя, мне вдруг показалось, что ты не выйдешь ко мне. Что передумала.

Она посмотрела в его мужественное лицо. Он набрал вес, который потерял за время своего добровольного заточения, но выглядел как-то настороженно, пока не улыбнулся и глаза его не стали нежными и насмешливыми одновременно.

— А я все ждала, когда наконец ты забереешь в мою гардеробную.

— Только не говори, что разочарована.

Она выгнула шею в ожидании новых поцелуев. Кожу обожгло его горячее дыхание, и она почувствовала, что внутри у нее все тает.

— Ну, может, самую малость разочарована.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Ага. Значит, леди вовсе не против незваных гостей, вламывающихся в ее спальню?

Хлоя вздохнула и смахнула капли дождя с лацкана его фрака.

— Это, конечно, было страшно, но очень интересно.

— Интересно? Что может быть интересного в незнакомце, умирающем на груди дамского белья?

— Смотря в каком незнакомце. Ведь далеко не всем открыт доступ в мою гардеробную.

— Очень на это надеюсь.

Хлоя не сразу поняла, что ему стоит немалых усилий совладать с собой. Доминик подставил лицо холодной мороси дождя. Она почувствовала, что на глаза ей наворачиваются слезы. Ведь она только второй раз видела любимого при свете дня. Не так легко забыть долгие дни, проведенные в подземелье, в темноте.

— Хлоя... — Он посмотрел ей в лицо.

Самообладание вернулось к нему. Он был в ладу с самим собой — никогда еще она не видела его таким спокойным.

— Как ты думаешь, тебе будет не слишком тяжело растить наших детей в доме, где обитает призрак?

— Если твой призрак, то не будет, — шутливо парировала она. — А что, скандал в Чизлбери поутих?

— Нет, конечно, — отозвался Доминик. — Хотя власти объявили, что сэр Эдгар погиб в результате несчастного случая. Якобы отправился исследовать подземелье Стрэтфилд-Холла и ему на голову свалилась груда цемента, раздавив его насмерть.

— А что же знаменитый Стрэтфилдский Призрак?

— Ах да. Мое воскрешение из мертвых до сих пор у всех на устах. Но после щедрого пожертвования на нужды церкви даже преподобный решил сделать вид, будто не замечает некоторых несообразностей в истории моей мнимой смерти.

— Значит, все скандалы и сплетни позади?

Доминик расхохотался:

— Дорогая моя, боюсь, скандалы и сплетни будут преследовать нас до конца жизни. С годами легенда о Стрэтфилдском Призраке обрстет подробностями.

— Хочешь сказать, что с годами поведение этого безнравственного привидения станет еще хуже?

— Не совсем. Но люди будут клясться и божиться, что собственными глазами видели, как призрак нес свой собственный скелет по галерее.

Хлоя улыбнулась:

— Что ж, я сама видела призрака на бале-маскараде в костюме разбойника. Он был полон жизни, этот призрак. На себе испытала.

Доминик обнял ее.

— Даты и детали смешаются со временем. Факты будут искажены. Лишь один останется непреложным. Независимо от того, является виконт Стрэтфилд простым смертным или призраком, он по уши влюбился в одну замечательную светскую барышню из Лондона.

Когда через несколько часов Доминик вернулся в свой лондонский дом, у него словно камень с души свалился. Его ждала уйма дел. Вечер пролетел незаметно.

Он резко обернулся вместе со стулом, на котором сидел, когда скрипнула дверь спальни. Было уже за полночь. Перед ним на столе пистолет, среди груды бумаг — отчетов о расследовании обстоятельств смерти Сэмюэла, писем от совета директоров компании, соболезнований, посыпавшихся на него, едва новость о покушении на его жизнь облетела город. Весть о том, что предательство сэра Эдгара раскрыто, наверняка достигла ушей его тайных сообщников, продававших родину. Если только они не разбежались и не попрятались.

Звуки в городском доме ему было труднее различать, чем в родном помещичьем гнезде, Стрэтфилд-Холле. Однако осторожные шаги, которые Доминик услышал, привели его в волнение.

Аромат мыла, которым пользовалась Хлоя, проник в комнату, и Доминика охватило желание. Он бы узнал ее запах среди тысячи других. Ее плащ, шурша, упал на пол. Мурашки побежали у Доминика по спине. Какой восхитительный сюрприз!

Он откинулся в кресле, наслаждаясь этим мгновением.

— Надеюсь, ты не одна шла через весь город ночью.

— Джейн подвезла меня в карете.

Он подошел к окну. Джейн весело помахала ему из окошка кареты, и карета тронулась, исчезнув в лабиринте лондонских улиц.

Он обернулся, засмеялся не веря своим глазам.

— А как ты собираешься возвращаться сегодня домой, если я не провожу тебя?

— Я не собираюсь возвращаться сегодня домой.

— Собираешься провести ночь здесь?

Хлоя пошла к нему, глаза ее лучились весельем.

— А что в этом особенного? Или ты решил, что являться незваным позволено только тебе?

Сердце у Доминика учащенно забилося. Если даже ему придется потом объясняться с ее братьями, ночь с Хлоей стоит того. Он не в силах устоять перед ней. Он никогда не сможет ей ни в чем отказать.

— А твои родные не сойдут с ума от страха, обнаружив, что тебя нет дома?

— Мм. — Она принялась расстегивать его белую крахмальную рубашку.

Пальцы ее двигались быстро и ловко. Он почувствовал, что весь горит от возбуждения.

— Джейн пообещала все уладить дома.

У него голова шла кругом от нежного аромата ее кожи. Как же ему нравилось, когда она прикасалась к нему!

— До чего же храбрая эта Джейн!

Хлоя улыбнулась ему, голос ее прерывался от волнения.

— Надо быть храброй, чтобы решиться выйти за Боскасла.

— Я догадался.

— Даже если бы не догадался, обратной дороги нет. Я люблю тебя, Доминик.

Он обхватил ладонями ее талию, привлек к себе. Да, обратной дороги нет. Хлоя похитила его сердце в тот самый день, когда он спас ее из грязной лужи. Уже тогда он понял, что желает эту барышню и обязательно станет добиваться ее, как только разберется со своими проблемами. Доминик и не подозревал, что фантазии его осуществляются так скоро и столь невероятным образом, что он всем сердцем полюбил ее.

— Я снова вижу темную сторону личности моего Доминика, — прошептала Хлоя и обвила его шею руками. — Никогда больше не прячься от меня.

Он провел ладонью по ее стройной спине, задержавшись на округлостях ягодиц, обдав ее жаром своего тела.

— Ну это вряд ли.

— Перестань волноваться, Доминик. Джейн необыкновенно умна.

— Хит тоже не дурак.

— И что он может нам сделать? Заставит пожениться завтра утром? Прекрасно. Это избавит меня от необходимости выслушивать лекции Эммы о том, как должно вести себя приличной невесте, и как составлять список гостей, и... Что ты делаешь?

— Я внял твоему совету и перестал волноваться. — Он закончил расстегивать ей платье, спустил его с ее плеч и положил ладони на ее сливочно-белые груди, прикрытые нижней сорочкой.

Мышцы его сладостно напряглись, когда она провела пальцами по шраму на его груди. Доминик опустил ее на постель и запечатлел на ее губах страстный поцелуй.

— Хлоя, любовь моя, — сказал он, снимая с нее сорочку, — как я счастлив, что ты сейчас здесь, со мной.

Хлоя поерзала, повела плечами и улеглась в подушках, приняв соответствующую позу.

— Снимай одежду, Стрэтфилд.

— Ты имеешь в виду какой-то конкретный предмет одежды?

— Я имею в виду все.

— Понятно.

Он стянул с себя рубашку и панталоны, так что взгляд ее мог свободно бродить по его обнаженному телу. Он чувствовал, что возбуждается все сильнее под ее пристальным взглядом, в котором пылало необузданное желание. Когда она приподнялась на постели и принялась целовать его живот, вожеление его достигло такой силы, что он не мог и шевельнуться.

Губы ее переместились ниже. Сначала он стонал от наслаждения. Затем, когда губы ее охватили основание его возбужденного члена, он содрогнулся, схватил ее за плечи, бедра его дернулись вперед. Ее язык пробежал кругом — спина его сама собой выгнулась. Ощущение потрясло его до глубины души.

Напрасно он надеялся довести возлюбленную до слез восторга. Это она довела его почти до оргазма.

— Кто научил тебя таким штукам?!

— Одри Уотсон, — прошептала Хлоя, лукаво сверкая синими глазами.

— Одри... та самая Одри Уотсон?

— Значит, и вы в Чизлбери наслышаны о куртизанках?

Доминик ухмыльнулся:

— Об этой наслышан. Но с чего это ей вздумалось взять тебя в обучение? Насколько мне известно, она берет не больше двух учениц в год.

— Меня она не обучала. — Хлоя смущенно потупилась. — Я подслушивала под дверь, когда она обучала мою невестку.

— Твою невестку? — воскликнул Доминик не веря своим ушам. — Этой самой Джейн, изящной маркизе, отважившейся пойти наперекор своему мужу и привезти тебя сюда?

— Да, той самой Джейн, моей дорогой союзнице.

Доминик в изумлении покачал головой. Хлоя была для него целым миром, пламенем, которое дало ему надежду, когда он жил во тьме.

Он уложил ее на спину. Его руки гладили ее тело, грудь, набухшие соски, затем спустились ниже и раздвинули ей ноги. Он чувствовал, что полон жизненной энергии и способен любить ее хоть до рассвета.

Его захлестнула волна желания.

Он коснулся складок ее нежной плоти. Мышцы ее напряглись. Она содрогнулась всем телом. Доминик продолжал ее дразнить, пока она не начала извиваться под ним.

— Хлоя, — проговорил он, — я тебя безумно люблю.

Он наклонил голову и нежно коснулся губами ее груди. Хлоя застонала.

— Доминик, я сейчас...

Он дважды довел ее почти до оргазма и наконец лег на нее, не в силах с собой совладать. Схватил ее за запястья, завел ее руки ей за голову и посмотрел в глаза. Она закусила губу.

— Что ты со мной делаешь, Доминик?

— Что хочу, то и делаю. Есть возражения?

Она прикрыла глаза, тихо вздохнула.

— Никаких возражений.

Он стал осторожно входить в нее, но, не в силах больше терпеть, выгнул спину и сильным рывком вошел полностью.

— Доминик!

У Хлои перехватило дыхание. Она подалась навстречу ему, приподнялась и издала вздох наслаждения. Язык его проник ей в рот, поцелуй стал глубже, и он снова вошел в нее. Хлоя обхватила его бедра ногами. Доминик не мог остановиться, забыв обо всем на свете.

Никогда еще он не желал ее так сильно. Ее тело не только принимало его, но и вдохновляло на новые победы, облекая его тесно, как перчатка, так что он даже ослабил силу рывков из опасения причинить ей боль. Это было торжество стихии, буря, вырвавшаяся на свободу, и вместе с тем сама гармония природы.

— Ты необыкновенная женщина, Хлоя, — прошептал Доминик, закинув ее ноги себе на плечи.

— Я твоя женщина, — прошептала Хлоя в ответ.

Ее голос, охрипший от страсти, подстегнул его. Когда она начала двигаться навстречу ему, он зарычал от наслаждения и, запрокинув назад голову, собрался с силами перед последним рывком.

Она вскрикнула от наслаждения, когда он изверг в нее семя. Он любил ее так сильно, что сама мысль потерять ее была невыносима. Заглянув ей в глаза, Доминик убедился в том, что она разделяет его чувства. Они созданы друг для друга.

— Ты хорошо усвоила урок по технике обольщения, Хлоя Боскасл, — проговорил Доминик негромко. — Напомни мне, чтобы я как-нибудь при случае поблагодарил Одри.

У Хлои не осталось сил ответить на его шутку. Страсть, пылавшая в его глазах, словно парализовала ее. Она ощущала его горящий взгляд всем своим существом. Он не скрывал своих чувств. И так будет всегда. До конца их дней.

Доминик очень изменился с тех пор, как Хлоя повстречала его. Она тоже изменилась. Он рискнул своей жизнью ради того, во что верил всем сердцем; она рискнула своей репутацией потому, что всем сердцем верила ему. Он стал сильнее, увереннее в себе. Он никогда не станет снова безупречным джентльменом, живущим по законам высшего света. В них обоих всегда будет слишком много дикарского, бунтарского. Но только рядом с ним Хлоя наконец обрела душевный покой, избавилась от снедавшего ее беспокойства и приступов меланхолии, омрачавших ей жизнь последние несколько лет. Они заслужили счастье, которое ожидало их впереди.

— Ты какая-то задумчивая, Хлоя, — проговорил он негромко, перекатываясь на бок, чтобы лучше видеть ее лицо. — Тебе не было больно? На какой-то момент я совершенно потерял контроль над собой.

Она вздохнула и крепче прижалась к нему.

— Со мной все хорошо, Доминик. Мы будем здесь сегодня спать?

Он кисло улыбнулся. Плоть его снова возбуждалась. Он никак не мог насытиться любимой, и мысль о том, что очень скоро она будет рядом с ним и день, и ночь, лишь усиливала желание быть с ней сейчас. Он вздохнул, когда ее руки принялись гладить его тело.

— Ты здесь вообще спать не будешь, Хлоя. По крайней мере сегодня.

Ее ладони замерли.

— Почему?

— Потому, дорогая моя искуссительница, что утром я дал торжественное обещание твоей семье оберегать и защищать тебя, но уже нарушил его.

Она сжала ладонями его бедра.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушла?

— Пожалуй, да.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. — Если он не отвезет ее домой немедленно, то вся ее родня соберется у его крыльца, требуя, чтобы барышню вернули в целости и сохранности.

Доминик слез с постели и стал натягивать панталоны.

— Надевай платье, Хлоя.

— А если не надену?

— Я закину тебя на плечо и отнесу домой голую. Пусть твои братья тебя одевают.

Хлоя швырнула в него подушкой.

— Хорошенький способ вернуться к прежнему respectable образу жизни: пронести меня с голым задом по всему Лондону.

Не прошло и часа, как Доминик отвез ее домой. Хлоя стояла на парадном крыльце элегантного особняка Грейсона. Дворецкий Боскаслов, явно привычный к ситуациям, которые повергли бы в шок рядового слугу, и глазом не моргнул, увидев Доминика и Хлою.

Так же как и Хит, который неспешной походкой вышел из библиотеки навстречу сестре с книжкой в руке.

— А, это ты, Хлоя! Итак, паршивая овца вернулась в овчарню. — Хит посмотрел мимо нее, на темную фигуру, высившуюся над его сестренкой подобно часовому. — Благодарю тебя, Доминик.

Доминик кивнул. В глазах Хита он увидел одобрение. Хорошо, что он привез Хлою домой.

— Мне очень жаль, если вы волновались.

— Я так ничуть не волновался. Я знал, что она с тобой и что ты позаботишься о том, чтобы она попала домой вовремя. Прошу тебя, задержись ненадолго. Мне надо обсудить с тобой несколько проблем.

— Ну откуда ты узнал, где я?! — возмутилась Хлоя. — Неужели Джейн проболталась?

— Нет, конечно, — донесся голос маркизы с лестницы. — Я бы не предала тебя даже под страхом пытки. Разве что кучер. — И маркиза, облаченная в серебристый капот и туфельки, расшитые жемчугом, пошла вниз по лестнице. — Хлоя, как прошел визит к нашей дорогой тете Розмари?

Хлоя спрятала улыбку.

— Бедняжка очень утомилась и буквально умолила меня уйти.

Доминик округлил глаза. Ну что за дрянь эта девчонка! Насмехается над ним при всем честном народе. Будто Джейн и Хит не подозревают, к какой такой «тете Розмари» ездила Хлоя и какими именно занятиями утомила бедняжку. Ну ничего, он ей покажет, что такое настоящая усталость, когда она снова окажется в его постели.

— Пойдем ко мне, расскажешь все, как было. А фейерверков, конгривских ракет в частности, вы с тетушкой не запускали?

Хлоя захихикала.

— Один разок, — сообщила она с лукавой улыбкой и последовала за невесткой наверх.

Доминик недоверчиво воззрился на Хита:

— Что означает, эта таинственная фраза?

Хит с трудом сдержал смех.

— Спроси об этом у Грейсона.

— Да, конечно. — Доминик головой потряс в изумлении. — Так что ты хотел со мной

обсудить?

Веселье Хита как рукой сняло.

— Пойдем в библиотеку. Там нам никто не будет мешать.

Доминик окинул библиотеку одобрительным взглядом. Книжные шкафы резного розового дерева с медными решетками на дверцах высились почти до самого сводчатого потолка. Геральдические львы на задних лапах и пухлые ангелочки красовались на золоченой лепнине. Круглое золоченое зеркало греческого стиля висело над мраморным камином, в котором тлели угли.

Он посмотрел на человека, который сидел в кресле напротив него. Эта библиотека подходила жизнелюбивому маркизу Седжкрофту куда больше, чем его сдержанному брату.

— Полагаю, разговор пойдет о гибели Брэндона. Но я уже рассказал почти все, что мне об этом известно.

Хит не удивился.

— Многие вопросы остались без ответов, это верно. Однако не ты должен отвечать. Ты сыграл свою роль, Доминик. И очень успешно, должен признать.

Доминик уставился на огонь.

— Иногда я думал, что это стало для меня идеей фикс. Настоящим безумием. Я не мог думать ни о чем, кроме мести. — «Ну и о Хлое», — мысленно добавил он, но об этом не следовало говорить вслух.

— На то имелись веские причины, — заметил Хит. — Очень часто бывает так, что именно идея фикс помогает добиться торжества справедливости.

— Итак, теперь в игру вступаешь ты, — предположил Доминик, намекая на связи Хита с британской разведкой. По-прежнему ли Хит состоит на службе? Спрашивать об этом Доминик не стал, предположив, что получит уклончивый ответ. Неужели он уже сыграл свою роль? Доминика это вполне устраивало. Он предпочел бы прожить остаток жизни в мире и покое.

Хит пожал плечами:

— Не знаю, привлекут ли меня к официальному расследованию, но у меня остались вопросы, на которые я буду искать ответы. Официально моя помощь вряд ли понадобится. Как ни был я близок с Брэндона, однако не подозревал, что он впутался в такое опасное предприятие. Полагаю, он хотел попробовать себя в настоящем деле, самостоятельно, без помощи семьи.

Доминик вытащил из жилетного кармана письмо.

— Весьма признателен тебе за то, что ты переслал мне расшифровку письма Брэндона, сделанную Хлоей.

— Интересно было бы взглянуть на оригинал, — сказал Хит, подавшись вперед и беря письмо.

— Да. Должен признаться, что как фехтовальщик я все же достиг больших успехов, чем как криптограф.

— И это к лучшему для всех нас, — с чувством заметил Хит, убирая письмо в карман.

Доминик помолчал.

— А где, по-твоему, может находиться вторая часть письма? Первая половина заканчивается на довольно-таки зловещей ноте. И чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что предостережение могло быть адресовано любому из нас.

— Согласен, — отозвался Хит мрачно.

— Сэр Эдгар не мог действовать в одиночку.

— Не мог. И это больше всего тревожит. Проблема осталась. Очень может быть, что его сообщники по-прежнему служат в армии. Кое-кто из высших военных чинов полагает, что мог быть солдат или унтер-офицер, который присягнул в том, что видел, как сэр Эдгар обменивался информацией с французским шпионом в...

Хит умолк на полуслове, поскольку дверь за спиной Доминика отворилась и в библиотеку вошел Грейсон, без жилета, в одной рубашке, панталонах и сапогах, держа в руке бутылку бренди. Похоже, маркиз был приятно удивлен, застав двух мужчин в обществе друг друга.

— Наслаждаемся минуткой покоя, да? Неплохо придумано, учитывая, что все женщины в нашей семье любят командовать мужчинами. — Он посмотрел на Доминика. — Полагаю, ты только начинаешь понимать, что это такое.

— Налей Доминику бренди, Грейсон, — сказал Хит с улыбкой. — Ему нужно побыть в мужской компании, чтобы набраться сил для того, что ему предстоит в ближайшие недели.

— А что именно мне предстоит? — Доминик принял бокал, который Грейсон достал из лакированного китайского шкафчика. — Какой-нибудь тайный обряд приобщения новичка к лону семьи?

Братья Боскаслы тихонько засмеялись.

— Приготовления к свадьбе, — пояснил Грейсон, усаживаясь в кресло.

Хит не стал пить и достал из кармана сигару.

— Эмма в своей стихии — планирует все до мельчайших деталей. Надеюсь, ты не против?

— Об этом следовало бы спросить у Хлои. Что до меня, то я охотно обвенчался бы с ней хоть под раковым кустом, — выпалил Доминик и тут же смутился.

Однако Грейсон, судя по всему, не обиделся. Поглощенный мыслями о супруге, умопомрачительной Джейн, возможно, пропустил мимо ушей слова Доминика. Реакцию Хита понять было сложнее. Он редко проявлял свои чувства.

— Увы, — сказал Хит, — после того как мысль о свадьбе поселилась в голове Эммы, ваши с Хлоей желания перестали иметь какое-либо значение.

Доминик засмеялся:

— Мне, наверное, следовало бы испугаться?

— Лучше спасаться бегством, — доверительно сообщил Грейсон.

— Кстати, о бегстве, — заметил Хит, зажигая сигару. — Куда, черт побери, запропастился Эйдриан? Всего несколько дней назад я узнал, что он в Англии, но он тут же исчез.

Это замечание заставило Доминика вспомнить, до чего узкий круг составляли его светские знакомцы. Все они учились в одних и тех же школах, посещали те же рауты, крестины, свадьбы, похороны.

— Он уехал мириться с отцом. Представляю себе эту семейную идиллию, учитывая, что старый герцог долгие годы считал Эйдриана незаконнорожденным. Эйдриан обещал вернуться к свадьбе.

— Нам всем следовало бы сбежать, — шутливо заметил Грейсон. — Отправиться на охоту в Шотландию и не возвращаться до самой церемонии.

— Интересно, кто первый из вас двоих сделает меня дядей, — задумчиво проговорил Хит.

Грейсон не смог сдержать широкой улыбки.

— Ах ты, плут! — воскликнул Хит.

— Я вам ничего не сказал. — Грейсон с важным видом покачал головой. — Я хранитель семейных тайн, да и врач говорит, что пока ничего не известно.

Когда Доминик собирался уходить, он с удивлением обнаружил, что прошло не меньше двух часов. Казалось странным и в то же время приятным, что его без всяких сложностей приняли в этот узкий семейный круг, со всеми его радостями и печалью. И ему вспомнились два его брата, которых он потерял. Самое забавное, что Доминику хотелось произвести хорошее впечатление на Боскаслов, доказать, что он чего-то стоит. Он, конечно же, не останется повесой до конца своих дней. Ведь рядом с ним будет Хлоя. А сейчас, прежде чем прийти к нему навсегда, она недолгое время побудет дома. В полной безопасности, под надежной защитой до той поры, пока он не станет ее законным мужем.

— Доброй ночи вам обоим.

— Мы тебя не спугнули? — спросил Хит.

— Не так-то просто меня спугнуть. — Доминик дошел до двери и вдруг остановился. — Не скажешь ли мне, — обратился он к Грейсону, — что значит «запускать конгривские ракеты»? Вообще-то я догадываюсь, но хотелось бы знать точно.

Хлоя тонула в море дамских нарядов, прогулочных платьев, шалей, корсетов и нижних юбок, валявшихся на полу ее спальни. Где-то посреди этой груды модных излишеств затерялся ее дневник. Вот будет ужас, если ее скандальные откровения попадут не в те руки. И как раз в тот момент, когда она собралась стать почтенной замужней дамой.

Наступил канун свадьбы. Модистка ушла только сейчас. Все произошло по милости Эммы, Прелестной Диктаторши, решившей вдруг, что кружево вокруг низкого выреза корсажа пришито криво.

— Ну если чуть-чуть, на волосок, — прошептала Хлоя. — Никто бы и не заметил.

Хлоя потеряла в этом хаосе дневник, хранивший все ее секреты.

Джейн просунула голову в дверь:

— Твой Доминик внизу, Хлоя. Ты пойдешь в парк?

— Зачем? Моя спальня в буквальном смысле слова превратилась в джунгли. Здесь запросто можно заблудиться. Мы...

Она обернулась, но Джейн в дверях уже не было. Скорее всего маркиза умчалась вниз, чтобы вместе с Эммой заняться очередной жизненно важной деталью завтрашней церемонии.

Хлоя снова стала рыться в гардеробе.

— Ну где ты прячешься, а? — бормотала она себе под нос. — Ишь, зарылся. Надеюсь, хоть глубоко, так что никто, кроме меня, никогда не сможет тебя обнаружить.

— Какое дивное зрелище! — раздался за ее спиной голос Доминика.

Он стоял, опершись о косяк двери.

Хлоя вскочила.

— Эмма убьет тебя, если узнает, что ты поднимался ко мне.

— Это она и послала меня наверх.

— Эмма? Не может быть.

— Может. — Глаза Доминика весело сверкнули. — Я проник в дом через заднее крыльцо, пристроившись в хвост портному Грейсона с подмастерьями. По-моему, она меня не узнала.

Хлоя посмотрела на него — ладная, мускулистая фигура, облаченная в двубортный фрак тончайшего сукна и узкие панталоны. Короткие черные волосы аккуратно зачесаны назад, выражение лица насмешливое, серые глаза... неужели эти дьявольские глаза всегда будут очаровывать ее?

— Как она могла не узнать тебя?

Доминик пожал плечами:

— Она меня просто не увидела. Я нес целую стопку коробок, служившую прикрытием. Кстати, что ты искала на полу? Надеешься обнаружить еще одного живого мертвеца в своем дамском барахле?

— Я искала свой дневник.

— Ну зачем его искать?

— То есть как зачем?

Он вошел в комнату, притворив за собой дверь.

— Я вполне могу помочь тебе, если ты решишь восстановить оригинал.

Хлоя побледнела:

— Боже! Неужели мой дневник у тебя, Доминик?

— Ну что ты, дорогая. — Он расплылся в улыбке. — Но я запомнил самые интересные места.

— Обманщик! Ты не мог прочесть мой дневник.

Он засмеялся так тихо, что ее пробрала дрожь.

— Дай-ка вспомнить. Вот: «Мой роковой недостаток — неумение вести себя прилично.

Ни один порядочный человек на мне не женится...»

Хлоя так и ахнула:

— Так ты действительно прочел дневник!

— Очень мило написано.

«Мило». Благодарение небу, он не успел прочесть последние страницы, где она писала о своих чувствах к нему.

— А ты действительно мечтала о том, чтобы я похитил тебя в тот день, когда был ливень? — спросил он, привлекая ее к себе.

Она воспротивилась. Он прижал ее крепче. Теплые, сильные руки сомкнулись вокруг нее. Ладонь скользнула вверх по ее спине, легла ей на затылок. Дрожь предвкушения пробежала по ее телу. Дыхание участилось. Еще мгновение — и она забудет, что страшно рассердилась на него за то, что он прочел тайком ее дневник.

Он куснул ее за ухо.

— Хорошо все-таки, что в душе я не очень приличный человек.

— Да, а зачем ты все-таки поднялся сюда, Доминик? — спросила она.

— Хотел отдать тебе кое-что.

— Что? — спросила она с любопытством.

Он склонил голову — в глазах его горела любовь — и поцеловал ее, так что она мигом забыла о дневнике. Неужели она только что сердилась на него? Все это было не важно. Важно одно: завтра утром она вручит этому мужчине свое сердце и свою судьбу перед алтарем.

Она положила голову ему на плечо, невольно прислушиваясь к голосам, доносившимся из коридора. Никогда еще ей не было так спокойно и уютно.

— Свадьба должна получиться сравнительно тихой, — говорила Эмма, в голосе ее было больше надежды, чем уверенности.

— Чтобы в этой семье что-нибудь прошло тихо? — Джейн рассмеялась. — Надеюсь, ты не слишком рассчитываешь на такое чудо.

— Я умру от стыда, — продолжала Эмма. — Все мои старинные подруги съедутся завтра в город ради такого случая. Хлоя выйдет в своем платье настоящим ангелом. Доминик тоже чертовски хорош собой. И они влюблены друг в друга. Свадебный завтрак обещает быть роскошным, торт получился отменный. — Эмма сделала паузу, чтобы глотнуть воздуха, и добавила голосом, который звучал так, будто горничная ей слишком туго зашнуровала корсет: — Ну что может пойти не так?

Доминик посмотрел в запрокинутое лицо Хлои и улыбнулся.

— Для нас с тобой все будет прекрасно, — пообещал он. — По мне, так пусть твое венчалное платье было бы из мешковины. И свадебный завтрак — несъедобным, а торт пусть рассыпался бы, прежде чем его начнут резать! Все это нисколько не повлияет на то, что по-настоящему важно. Все у нас с тобой отныне будет как надо.

Как же он изменился с того памятного дня, когда они впервые встретились! Ни буйного нрава, ни мрачных мыслей о мести. Он по-прежнему оставался ее Домиником, любимым мужем. Ничто их не разлучит. Благодарение Богу, демоны больше не смущали его. Хлоя улыбнулась ему, взяла его руку в свои.

— Все у нас с тобой и было как надо, с того самого мгновения, как я повстречала тебя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net